

ЭКО

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 2018 г.

ГОНКА НА ВЫЖИВАНИЕ

Главный редактор **КРЮКОВ В.А.**, член-корреспондент РАН, профессор,
директор Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

А.Г. Аганбегян, РАНХ и ГС при Президенте РФ, академик РАН, Москва; **А.О. Баранов**, зав. кафедрой НГУ, д.э.н., проф.; **Р. Бардацци**, факультет государственного управления, Университет Флоренции, д-р философии, проф. (Италия); **Е.Б. Бухарова**, директор Института экономики, управления и природопользования СФУ, к.э.н., проф., Красноярск; **Ш. Вебер**, ректор РЭШ, д-р философии (Канада – Россия); **Э.Ш. Веселова**, зам. главного редактора; **Ю.П. Воронов**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н., Новосибирск; **И.П. Глазырина**, зав. лабораторией эколого-экономических исследований ИПРЭК СО РАН, д.э.н., Чита; **Л.М. Григорьев**, НИУ ВШЭ, к.э.н., проф., Москва; **В.И. Зоркальцев**, СЭИ СО РАН им. Л.А. Мелентьева, д.т.н., проф., Иркутск; **В.В. Колмогоров**, к.э.н., Москва; **В.В. Кулешов**, гл. науч. сотр. ИЭОПП СО РАН, академик РАН, Новосибирск; **Чжэ Ён Ли**, вице-президент Корейского института международной экономической политики, д-р философии (Республика Корея); **Юцзюнь Ма**, директор Института России, Хэйлунцзянская академия общественных наук, д.э.н., Харбин (Китай); **С.Н. Мироносецкий**, член СД ООО «Сибирская генерирующая компания»; **А. Му**, Институт Фритьофа Нансена, канд. полит. н. (Норвегия); **В.А. Никонов**, генеральный директор АО «Технопарк новосибирского Академгородка»; **В.И. Псарев**, зав. кафедрой Алтайского госуниверситета, зам. председателя Исполнительного комитета МАСС, к.э.н., д.т.н.; **Н.И. Сулов**, зав. отделом ИЭОПП СО РАН, д.э.н., проф., Новосибирск; **А.В. Усс**, и.о. губернатора Красноярского края, д.ю.н., проф., Красноярск; **Хонгёл Хан**, Департамент экономики Университета Ханьянг, председатель Корейского института единения, д-р наук, проф. (Республика Корея); **Цзе Ши**, директор Центра международных энергетических исследований, Китайский институт международных исследований, Пекин (Китай); **А.Н. Швецов**, зам. директора по научной работе ФИЦ «Информатика и управление» РАН, Институт системного анализа РАН, д.э.н., проф., Москва.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

А.В. Алексеев, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **С.Ю. Барсукова**, НИУ «Высшая школа экономики», д.соц.н.; **К.П. Глущенко**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Е.В. Гоосен**, Институт экономики и управления Кемеровского госуниверситета, к.э.н.; **Е.А. Капогузов**, Омский госуниверситет им. Ф.М. Достоевского, д.э.н.; **В.И. Клисторин**, ИЭОПП СО РАН, д.э.н.; **Г.П. Литвинцева**, НГТУ, д.э.н.; **В.В. Мельников**, НГУЭиУ, НГТУ, к.э.н.; **Л.В. Мельникова**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.; **О.П. Фадеева**, ИЭОПП СО РАН, к.соц.н.; **Л.Н. Щербакова**, Кемеровский госуниверситет, к.э.н.; **В.В. Шмат**, ИЭОПП СО РАН, к.э.н.

УЧРЕДИТЕЛИ:

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН,
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «НОВОСИБИРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НГУ),
РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА «ЭКО»

ИЗДАТЕЛЬ:

АНО «Редакция журнала «ЭКО»

В НОМЕРЕ

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

- 3 Многоликая бедность

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

Тема номера:

ГОНКА НА ВЫЖИВАНИЕ

- 7 ГРИШИНА Е.Е.
Различные аспекты бедности
семей с детьми
- 27 КУЗНЕЦОВА П.
Недоходная бедность пожилых
- 44 ХАСАНОВА Р.Р.,
МАКАРЕНЦЕВА А.О.
Бедность инвалидов
и домохозяйств с инвалидами
- 60 ЧЕРКАШИНА Т.Ю.
Жилищная дифференциация
в постсоветской России:
институциональный и экономический
контекст динамики жилищных групп
- 82 БАРКОВ С.А.,
ГАВРИЛЕНКО О.В.,
МАРКЕЕВА А.В.,
СВЕРДЛИКОВА Е.А.
Бедность и богатство:
восприятие российских
интернет-пользователей

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

- 101 АЛЕКСЕЕВ А.В.
В поисках утраченного равновесия:
регулируемым и рыночной
неопределенностью
- 121 БЫКАДОРОВ С.А.,
КИБАЛОВ Е.Б.
К вопросу о совершенствовании
модели управления
железнодорожным транспортом
России
- 141 АНАШКИН О.С.
Мутные зеркала нефтяной экономики

РАЗВИТИЕ ОТРАСЛЕЙ РЕАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

- 155 СИМОНОВ Н.С.
Реформы в электроэнергетике
России в контексте развития
энергетического права

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

- 181 ОБУХОВА Е.А.
ИСО как современный
способ финансирования
высокотехнологичных проектов

CONTENTS

EDITORIAL PAGE

3 Multidimensional Poverty

ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

Cover Story: RACE TO THE BOTTOM

- 7 GRISHINA E.E.
Different Aspects of Poverty Among
Families with Children
- 27 KUZNETSOVA P.
Non-Monetary Poverty of the Elderly
- 44 KHASANOVA R.R.,
MAKARENTSEVA A.O.
Poverty of Disabled People
and Households
- 60 CHERKASHINA T.Yu.
Housing Differentiation in Post-Soviet
Russia: the Institutional and Economic
Context of the Dynamics of Housing
Groups
- 82 BARKOV S.A.,
GAVRILENKO O.V.,
MARKEEVA A.V.,
SVERDLIKOVA E.A.
Poverty and Wealth: the Perception
of Russian Internet Users

MONITORING OF ECONOMIC TRANSFORMATION

- 101 ALEKSEEV A.V.
In Search of Lost Balance: Between
State Regulation and Market Instability
- 121 BYKADOROV S.A.,
KIBALOV Ye. B.
To the Issue of the Russian
Railway Transport Management
Model Improvement
- 141 ANASHKIN O.S.
Cloudy Mirrors of the Oil Economy

ASPECTS OF THE REAL ECONOMY

- 155 SIMONOV N.S.
Reforms in the Electric Power Industry
of Russia in the Context of Energy Law
Development

FINANCIAL ECONOMY

- 181 OBUKHOVA E.A.
ICO, as a Modern Method of High-Tech
Projects Financing

Многоликая бедность

Анализ показателей, характеризующих социально-экономическое состояние России за последние годы, свидетельствует о весьма неблагоприятных тенденциях. Наиболее тревожная – увеличение уровня бедности, вызванное в первую очередь снижением реальных доходов населения в 2014–2016 гг. (прежде всего, по сравнению с 2013 г.) (см. статью Е.Е. Гришиной). Падение реальных доходов населения ведет к снижению спроса на товары и услуги, что затрудняет официально продекларированный выход экономики страны из состояния рецессии. Но это – «зло еще не так большой руки» по сравнению с тем, что увеличение числа бедных – абсолютное и относительное – ведет к ухудшению здоровья населения и снижению его творческого потенциала.

Очевидно, что активность человека, не имеющего доступа к самым необходимым благам и услугам, направлена не на движение вперед и создание нового, а на самые неотложные нужды. А о том, что не удовлетворяются даже базовые потребности россиян, свидетельствует, например, статистика потребления продуктов питания. Так, Минздрав рекомендует¹ потреблять не менее 325 кг молочной продукции в год на человека. Но в 2016 г. этот показатель составил лишь 233 кг. С июня 2013 г. по июнь 2017 г. потребление молока упало на 4%, по мясу – с августа 2016 г. по август 2017 г. падение спроса составило 1,8%, несмотря на рост внутреннего производства.

Вполне ожидаемо, что в непростых условиях перманентного кризиса россияне все больше усилий и энергии тратят на поиск возможностей хотя бы поддерживать приемлемый уровень жизни (статья С. А. Баркова, О. В. Гавриленко, А. В. Маркеевой, Е. А. Свердликовой). Но это во многом сродни догоняющему развитию – как только ты приблизился к поставленной цели, она оказывается гораздо дальше, чем предполагалось. Такой путь «развития» никогда не позволит выйти в лидеры (разве что при сочетании уникальных внешних условий).

¹ Булакова Е. Молочные реки не потекли в Россию//Ведомости. 2018. 28 янв. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/22/748479-provalilos-importozameschenie-molochnoi>

В дискуссиях по поводу необходимости изменения экономической системы – перехода от централизованного планирования и управления, основанного на предписаниях «сверху», к экономике, базирующейся на преимущественном действии «рыночных сил», в числе важнейших аргументов указывалось на несовместимость плановой распределительной экономики с современной «экономикой благосостояния». А в книге Людвига Эрхарда «Благосостояние для всех»², своего рода культовом манифесте, ознаменовавшем движение в данном направлении, основным лейтмотивом можно назвать обоснование необходимости создания и поддержания «социально-рыночного хозяйства».

Последнее включало не только экономическую систему, обеспечивающую рост благосостояния граждан Германии, но и предоставление им возможностей и условий для развития их потенциала (включая предпринимательский). Сила данной книги, наряду с простотой и ясностью изложения, в представленной в ней исторической правде и в реальной истории успеха (уже через 10 лет с начала преобразований экономика Германии превратилась в «социально-рыночное хозяйство»).

Бедность, рассмотрению разных сторон феномена которой посвящен этот номер, не изжита во всех странах и во всех экономических системах (какими бы «социально ориентированными» они ни были). При этом, безусловно, «пороги бедности» по странам различаются, но государства с социально-рыночным хозяйством, во-первых, предоставляют каждому своему гражданину возможности выйти из этой категории за счет реализации своих возможностей, и, во-вторых, поддерживают гарантированный уровень благосостояния на социально приемлемом уровне.

В первом случае это обеспечивается, прежде всего, путем создания системы связей по линии «общество – государство – экономика». Особая роль в формировании социально ориентированной направленности данной связи принадлежит не столько рыночному хозяйству как таковому, сколько тому, что «в рыночном хозяйстве ежедневно и ежечасно осуществляются процессы приспособления, которые приводят к правильному соотношению спрос и предложение, национальную продукцию и национальный

² Эрхард Л. Благосостояние для всех: Репринт, воспроизведение: Пер. с нем./ Авт. предисл. Б. Б. Багаряцкий, В. Г. Гребенников. М.: Начала-Пресс, 1991. 335 с.

доход...»³. Причем этот процесс идет не только на микроуровне – уровне отдельных транзакций, он проявляется и в государственной политике, и в применяемых в ней инструментах регулирования. «Законодатель должен считать своей задачей устранение факторов, нарушающих ход рыночных операций»⁴.

Во втором случае необходим учет особенностей различных слоев, категорий и групп населения. На это направлены и статистика, и система предоставления различных форм социальной помощи и поддержки бедным и малоимущим слоям населения.

Нельзя не отметить современную особенность проблемы бедности – растущее в мире неравенство, сосредоточение национального богатства в руках все меньшего по численности населения. Однако ответ на вопрос о том, ведет ли усиление неравенства к росту бедности – как абсолютной, так и относительной, например, на основе оценки бедности по лишениям (депривационной), в целом весьма неоднозначен. В странах и экономиках, где рыночное хозяйство социально ориентированное, порог бедности постоянно повышается, и в сопоставимых измерителях численность бедных имеет тенденцию к уменьшению. Более сложной является оценка динамики депривационной бедности (из-за расширения круга товаров и услуг, обеспечивающих общественно приемлемый минимально допустимый уровень благосостояния).

В любом случае ответы на подобные вопросы в социально ориентированных экономиках неоднозначны, тем не менее, как правило, благосостояние наиболее бедных слоев населения растет, как в абсолютном, так и в относительном (депривационном) ракурсах анализа и оценки.

Ситуация в России, как не раз отмечалось на страницах «ЭКО», в этом плане уникальна: число бедных и малообеспеченных граждан за последние годы имеет тенденцию к абсолютному росту. В числе основных причин этого отметим следующие.

1. Отсутствие многих предпосылок и условий для отмеченного выше «ежечасного» и «ежедневного» приспособления в системе связей «общество – государство – экономика» к меняющимся и весьма специфическим условиям ведения хозяйственной

³ Эрхард Л. Указ. Соч. С. 164.

⁴ Там же. С. 166.

деятельности. Результат – доминирование в экономике не только естественных монополий (производителей тепла и энергии), но и сверхкрупных сетевых структур и холдингов на рынке потребительских товаров и услуг, которые, с одной стороны, обеспечивают их поставку на территории огромной страны по относительно низким ценам по сравнению с региональными рынками, а с другой – ведут к разорению и переходу в разряд «новых бедных» мелких предпринимателей.

2. Негибкость политики социальной поддержки и помощи слоям и группам населения, испытывающим наибольшие затруднения в обеспечении минимально приемлемого уровня благосостояния. В числе причин – не столько отсутствие адаптации экономической и социальной политики к меняющимся условиям, сколько стремление к универсальности применяемых подходов с акцентом на простоту (администрируемость) используемых инструментов.

Вот один из результатов действия таких универсальных подходов: «стартовые условия» благополучия (в виде бесплатно приватизированного жилья в 1990-е годы) постепенно сходят на нет, и на подходе «новые бедные» (статья Т. Ю. Черкашиной).

Настоящий номер журнала является попыткой восполнить пробелы в данной области и способствовать формированию адекватных подходов с целью учета особенностей бедности различных слоев и групп населения. А именно, семей с детьми (прежде всего неполных и многодетных) (статья Е. Е. Гришиной), людей пожилого возраста (статья П. Кузнецовой), инвалидов (статья Р. Р. Хасановой и А. О. Макаренцевой).

В социальной политике нет мелочей и второстепенных сюжетов. В то же время нет и не может быть догматического и универсального подхода. И если не следовать этим простым истинам и не учитывать многоликость бедности, создание «социально-рыночного хозяйства» в нашей стране может еще надолго задержаться на стадии «идей» и «замыслов».

Главный редактор «ЭКО»

КРЮКОВ В.А.

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-7-26

Различные аспекты бедности семей с детьми

Е.Е. ГРИШИНА, кандидат экономических наук, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва. E-mail: grishina@ranepa.ru

В статье представлен анализ монетарной и депривационной бедности семей с детьми по данным обследования домохозяйств, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2017 г. Выявлены группы домохозяйств с детьми, обладающие высокими рисками монетарной и депривационной бедности: многодетные, неполные семьи, семьи с низким уровнем образования родителей, а также имеющие в своем составе безработных. Кроме того, показано, что риски депривации по здоровью выше у семей с детьми, имеющих в своем составе лиц с инвалидностью, а сельские жители и жители небольших городов имеют повышенный риск депривации по жилищным условиям. Отмечено, что риски депривационной бедности существенно связаны с рисками монетарной бедности.

Ключевые слова: семьи с детьми, бедность, депривации, лишения, социальная исключенность, уровень жизни

Под влиянием экономического кризиса и снижения реальных денежных доходов населения уровень бедности в России в 2014–2016 гг. увеличился по сравнению с 2013 г. Данные Росстата¹ свидетельствуют о том, что доля бедных среди всего населения в 2016 г. составила 13,4%, а среди детей до 16 лет достигла 22%. При этом семьи с детьми составляют более 60% всех малоимущих домохозяйств.

На официальном уровне в России используется абсолютный монетарный подход к измерению бедности: в качестве черты бедности используется прожиточный минимум, рассчитываемый как сумма стоимости потребительской корзины и расходов по обязательным платежам и сборам. В свою очередь стоимость потребительской корзины исчисляется как сумма стоимости продуктов питания, непродовольственных товаров и услуг. При этом бедными считаются лица, проживающие в домохозяйствах со среднедушевыми доходами ниже величины прожиточного минимума.

¹ Росстат, Социально-экономические индикаторы бедности в 2013–2016 годах, 2017 г.; Росстат. О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в III квартале 2017 года.

Анализу бедности в России посвящено большое количество исследовательских работ (например [Овчарова, 2009; Бедность..., 2014]). Во многих исследованиях отмечается, что семьи с детьми характеризуются высокими рисками и глубиной бедности [Доходы..., 2015; Семья..., 2009; Карабчук и др., 2013. С. 155–175].

При этом среди семей с детьми повышенные риски бедности имеют неполные и многодетные [Бурдяк, Попова, 2007. С. 31–56; Лежнина, 2014. С. 20–28], в то время как среди полных семей с одним ребенком, напротив, они относительно невысоки [Пишняк, Попова, 2011. С. 57–78]. В исследованиях отмечается, что бедность многодетных семей обусловлена как высокой иждивенческой нагрузкой, так и ограниченными возможностями занятости матерей [Анализ..., 2011]. Трудности совмещения материнских и профессиональных обязанностей приводят к тому, что многодетные матери зачастую заняты в неформальном секторе или отказываются от работы в пользу ведения домашнего хозяйства [Прокофьева и др., 2014. С. 61–81]. Риски бедности семей с детьми увеличиваются и при незанятости либо низкой заработной плате членов семьи [Бурдяк, Попова, 2007. С. 31–56], а также существенно зависят от типа населённого пункта и региона проживания [Анализ..., 2011; Слободенюк, 2016. С. 82–92; Родионова, 2000. С. 128–136].

Необходимо отметить, что монетарный подход к измерению бедности не всегда может дать адекватную оценку в связи с тем, что в обследованиях домохозяйств слабо представлены высокодоходные группы, кроме того, респонденты склонны занижать свои доходы [Ovcharova, Tesliuk, 2006]. Неполнота сведений о доходах домохозяйств обусловлена также высокой долей неформальной экономики и нестабильностью доходов и занятости [Ovcharova, Tesliuk, 2006; Gimpelson, Kapeliushnikov, 2016]. Поэтому актуален многомерный подход к оценке бедности, в том числе рассмотрение, помимо монетарной, депривационной оценки бедности.

Депривационная оценка (оценка бедности по лишениям) характеризует бедность как недостаточность ресурсов, необходимых для поддержания общепринятого образа жизни [Townsend, 1979].

Российские исследования показывают, что семьи с детьми часто испытывают ограничения в доступе к дошкольному и дополнительному образованию, что создает неравенство в стартовых возможностях для детей из малообеспеченных семей [Корчагина

и др., 2015. С. 82–94]. Также среди семей с детьми высоки риски деприваций по жилищной обеспеченности [Бурдяк, 2015. С. 273–288]. Таким образом, семьи с детьми испытывают сразу несколько рисков бедности, которые возрастают с увеличением числа детей [Пишняк, Попова, 2011. С. 57–78].

Данные и методология исследования

В настоящей работе осуществлен анализ различных аспектов бедности семей² с детьми по данным репрезентативного для Российской Федерации социологического опроса домохозяйств с детьми, проведенного Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в мае 2017 г. Выборка составила 2954 респондента (родители или официальные опекуны детей). Рассматривались домохозяйства с детьми, являющиеся бедными в соответствии как с монетарным (со среднедушевыми денежными доходами ниже величины прожиточного минимума с учетом половозрастного состава домохозяйства и региона его проживания), так и депривационным критериями бедности. Семьи с детьми, являющиеся одновременно монетарно и депривационно бедными, в данной работе считаются многомерно бедными.

С целью определения распространённости депривационной бедности в работе был построен совокупный индекс депривации и определено его пороговое значение, при превышении которого домохозяйство рассматривалось как депривационно бедное. Для построения этого индекса использовалась следующая процедура:

- 1) отбор показателей и выделение ключевых направлений оценки депривации;
- 2) формирование показателей и вспомогательных индексов, основанных на блоках показателей, характеризующих выбранные направления депривации;
- 3) определение порога деприваций для вспомогательных индексов по выбранным направлениям оценки депривации исходя из распространённости множественных лишений.

Следует подчеркнуть, что масштабы распространённости того или иного вида депривации напрямую зависят от выбора порогового значения соответствующего индекса. Однако данное исследование в большей степени направлено на изучение взаимосвязи между депривационной бедностью и социально-демографическими характеристиками семей с детьми, а не на определение доли семей, испытывающих те или иные виды лишений.

²Термин «семья» используется в качестве синонима термина «домохозяйство» – лица, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство.

Для исследования уровня депривационной бедности среди семей с детьми были рассмотрены следующие направления депривации: «Имущество», «Питание», «Финансовое положение», «Здоровье», «Социальная интеграция», «Образование и развитие детей», «Жилищные условия». Рассмотрим подробнее показатели, включенные в состав этих направлений депривации.

«Имущество»: показатели, отражающие отсутствие у семьи по причине нехватки средств следующих товаров: смартфона, кондиционера, посудомоечной и стиральной машины, микроволновой печи, компьютера (ноутбука), телевизора и транспортных средств.

«Питание»: показатели, отражающие нехватку у семьи денег даже на еду, невозможность употребления из-за нехватки средств хотя бы через день фруктов, а также блюд из мяса, птицы, рыбы.

«Финансовое положение»:

✓ недостаточное потребление товаров и услуг (невозможность из-за нехватки средств покупать новую одежду, иметь хотя бы две пары обуви в год, каждый год одну неделю отпуска проводить вне дома, хотя бы раз в месяц отдыхать вне дома, а также встречаться с друзьями или семьёй для совместного обеда, использовать Интернет);

✓ недостаток сбережений и невозможность оплаты непредвиденных расходов в размере 20 тыс. руб.;

✓ субъективно плохое материальное положение (деньги уходят только на еду или не хватает даже на нее, более 2/3 дохода уходит на еду);

✓ наличие долгов по жилищно-коммунальным услугам, кредитам, аренде жилья или ипотеке.

«Здоровье»:

• невозможность из-за нехватки средств получения медицинской помощи, лекарств и реабилитации;

• наличие инвалидности у взрослого члена семьи или у ребенка;

• низкая самооценка состояния здоровья родителей и несовершеннолетних детей.

«Социальная интеграция»:

* нехватка моральной поддержки (редкая поддержка от родственников и друзей; частое ощущение родителями несовершеннолетних детей чувства одиночества);

* недостаточная помощь в делах и быту (отсутствие родственников и знакомых, которые могут оказать помощь в делах при возникновении проблем со здоровьем; отсутствие или крайне редкая помощь в быту от родственников и знакомых);

* отсутствие родственников и знакомых, которые могут оказать материальную поддержку при возникновении финансовых проблем.

«Образование и развитие детей»:

– отсутствие из-за нехватки средств необходимых товаров для развития детей (книг, принадлежностей для активного отдыха, игрушек, в том числе настольных и компьютерных игр);

– ограничения в досуге детей (отсутствие из-за нехватки средств возможности организовывать детские праздники или приглашать друзей детей домой для совместных игр и обеда);

– неполучение из-за нехватки средств детьми дополнительного образования, отсутствие возможности участия детей в платных школьных экскурсиях; отсутствие дома специально отведенного места для учебы.

«Жилищные условия»: показатели, отражающие низкую самооценку жилищных условий семьи, стесненность проживания (менее 15 м² общей площади на 1 чел.), отсутствие в жилье водопровода или канализации, невозможность поддержания зимой в жилье тепла, проживание семьи в общежитии или коммунальной квартире.

Монетарная бедность семей с детьми

Среди семей с детьми, по данным проведенного обследования, доля испытывающих монетарную бедность составила 56%. Поскольку столь высокий уровень бедности может быть обусловлен как слабой представленностью в обследовании высокодоходных семей, так и склонностью респондентов к занижению доходов, было принято решение о корректировке доходов с использованием данных Росстата о распределении среднедушевых денежных доходов домохозяйств в зависимости от самооценки их материального положения за 2015 г. (выборочное наблюдение доходов населения и участия в социальных программах, а также данные о росте среднедушевых денежных доходах в номинальном выражении с 2015 г. по 2017 г.).

После корректировки доходов доля семей, в которых среднедушевые доходы домохозяйства ниже величины прожиточного минимума, составила 25%³.

Проведенный анализ показал, что среди семей с детьми доля малоимущих выше среди многодетных (50%; для сравнения: уровень бедности среди однопородных и двухдетных семей – 19% и 26% соответственно), семей с детьми, в которых родитель не имеет профессионального образования (48%), семей, имеющих в своем составе безработных (44%) и взрослых с инвалидностью (36%), сельских семей с детьми (37%; для сравнения: уровень бедности среди городских семей – 21%, а среди семей, проживающих в городах-миллионниках, – лишь 14%), неполных (36%), а также семей с детьми, в которых возраст родителя свыше 50 лет (34%).

Результаты проведенного регрессионного анализа подтвердили (табл. 1), что вероятность монетарной бедности выше для следующих типов семей с детьми:

- многодетных;
- неполных;

³ Здесь и далее, если не указано иное, уровень монетарной бедности для различных типов домохозяйств с детьми будет рассматриваться с учетом проведенной корректировки доходов.

- сельских;
- имеющих в своем составе безработных;
- имеющих в своем составе взрослых с инвалидностью;
- являющихся получателями ежемесячных пособий;
- в которых возраст родителя детей старше 50 лет;
- в которых образование родителя детей ниже начального профессионального.

Таблица 1. Результаты регрессионного анализа зависимости вероятности монетарной бедности от различных факторов

Фактор, влияющий на монетарную бедность	Вероятность монетарной бедности
Тип семьи:	
Есть дети до 3 лет	0,14
Есть дети от 3 до 6 лет	0,07
Многодетная	0,92***
Неполная	0,76***
С ребенком-инвалидом	-0,49*
С детьми и лицами старше трудоспособного возраста	-0,16
С детьми и безработными	1,11***
Получение льгот	0,04
Получение ежемесячных детских пособий	0,49***
Получение ежемесячных пособий, не связанных с наличием детей	0,29**
Возраст родителя детей старше 50 лет	0,52***
Образование родителя детей ниже начального профессионального	0,92***
Проживание в городе-миллионнике	-0,45***
Проживание в городе с численностью от 50 до 250 тыс. чел.	0,13
Проживание в ПГТ, в городе с численностью 50 тыс. чел. и менее	0,31*
Проживание в селе	0,53***
Константа	-2,44***

Примечание 1: в таблице представлены коэффициенты логит-модели, зависима переменная – индикатор, принимающие значение «1» в случае, если семья с детьми является монетарно бедной, и «0» – в ином случае.

Примечание 2: *** – значимо на 1%-м уровне, ** – значимо на 5%-м уровне, * – значимо на 10%-м уровне.

Таким образом, иждивенческая нагрузка в семьях с детьми, возраст, уровень образования и состояние здоровья родителей, определяющие их положение на рынке труда и уровень их трудовых доходов, а также сам факт занятости родителей и тип населенного пункта проживания семьи существенно влияют на риски монетарной бедности.

Депривационная бедность семей с детьми

Прежде чем перейти к анализу депривационной бедности, рассмотрим распространённость лишений по каждому из семи рассмотренных выше направлений депривации.

Проведенные расчеты показали, что 25% семей с детьми испытывают депривации по направлению «Имущество» (рис. 1).

Более высокий уровень депривации по данному направлению наблюдается среди неполных, многодетных семей, семей с детьми-инвалидами, а также имеющих в составе взрослого-инвалида и безработных, среди приемных, опекунских и патронатных семей, тех, в которых матери старше 50 лет, родители имеют образование ниже начального профессионального, а также семей с детьми, проживающих в селах.

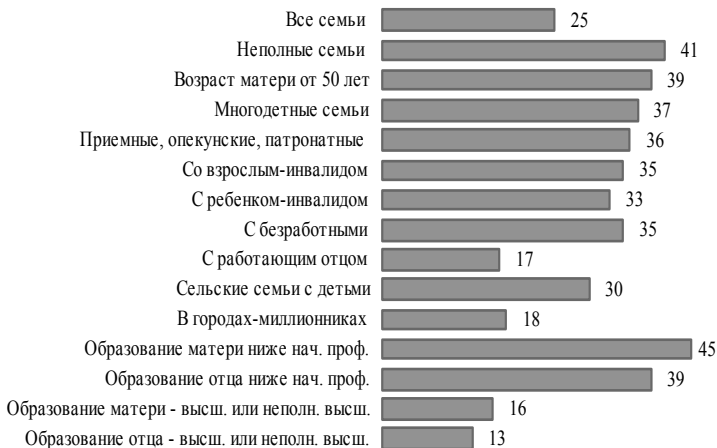

Рис. 1. Распространённость деприваций по направлению «Имущество» среди различных типов семей с детьми, %

В то же время относительно низкий уровень депривации по направлению «Имущество» имеют семьи с детьми, в которых у родителей высшее или неполное высшее образование, семьи с работающим отцом и проживающие в городах-миллионниках.

Доля семей с детьми, испытывающих депривации по направлению «Питание», составила 30%. Этот уровень более высок среди неполных, многодетных, семей с детьми, имеющих в составе взрослого-инвалида и безработных, среди приемных, опекунских

и патронатных семей, тех, в которых матери старше 40 лет или родители имеют образование ниже начального профессионального, а также проживающих в малых городах и селах (рис. 2).

В то же время относительно низкий уровень депривации по направлению «Питание» имеют семьи с детьми, в которых родители имеют высшее или неполное высшее образование, семьи с работающим отцом и проживающие в городах-миллионниках.

Рис. 2. Распространенность деприваций семей с детьми по направлению «Питание», %

Депривации по направлению «Финансовое положение» испытывают 36% опрошенных семей с детьми (рис. 3).

Более высокий уровень депривации по данному направлению наблюдается среди неполных, многодетных, семей, имеющих в составе взрослого-инвалида и безработных, среди приемных, опекунских и патронатных, семей с детьми, в которых родители старше 50 лет или матери имеют среднее профессиональное образование и ниже.

В то же время относительно низкий уровень депривации имеют семьи с детьми, в которых у родителей высшее или неполное высшее образование, семьи с работающим отцом и работающими пенсионерами, а также проживающие в городах-миллионниках.

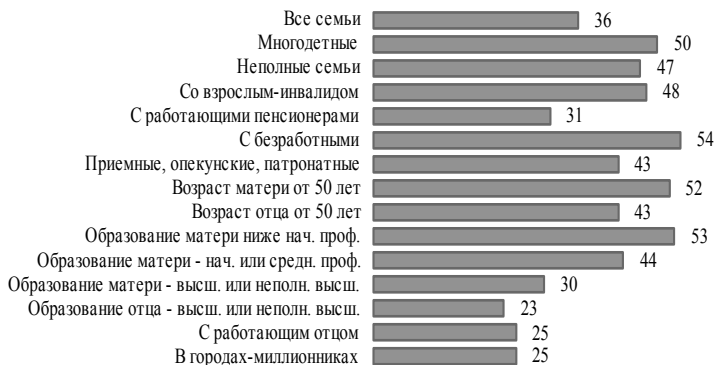

Рис. 3. Распространенность деприваций семей с детьми по направлению «Финансовое положение»,%

Доля семей с детьми, депривированными по направлению «Здоровье», составила 40%. При этом более высокий уровень депривации наблюдался среди семей, проживающих с родственниками (50%), многодетных (51%), имеющих в составе безработных (51%), пенсионеров (57%) и лиц старше трудоспособного возраста (54%), среди приемных, опекунских и патронатных семей (55%), семей с детьми, в которых родители старше 50 лет (57–61%) или матери имеют образование ниже начального профессионального (51%), а также имеющих в своем составе льготников (55%). Кроме того, семьи с детьми-инвалидами, а также со взрослыми-инвалидами депривированы по направлению «Здоровье» в соответствии с методикой построения данного индекса депривации.

Относительно низкий уровень депривации по направлению «Здоровье» у полных семей с детьми, проживающих без родственников (32%), а также в случаях, если отец работает (33%), имеет высшее образование (33%) или его возраст – от 30 до 39 лет (34%).

К числу депривированных по направлению «Социальная интеграция» относится 25% опрошенных семей с детьми. Более высокий уровень социальной исключенности наблюдается среди неполных семей с детьми, проживающих с родственниками (31%), многодетных (36%), семей с детьми, в которых родители имеют образование ниже начального профессионального (31%–38%), а более низкий уровень социальной исключенности – среди

семей, в которых матери имеют высшее или неполное высшее образование (19%).

Депривации по направлению «Образование и развитие детей» испытывают 32% опрошенных семей с детьми (рис. 4).

Рис. 4. Распространенность деприваций семей с детьми по направлению «Образование и развитие детей», %

Более высокий уровень деприваций по направлению «Образование и развитие детей» наблюдается среди неполных, опекунских и приемных, многодетных, семей с детьми, в которых матери имеют среднее профессиональное образование и ниже либо они старше 50 лет, среди имеющих в своем составе инвалидов, пенсионеров, лиц старше трудоспособного возраста, безработных, а также проживающих в селе.

Относительно низок уровень деприваций по данному направлению семей с детьми, в которых родители имеют высшее или неполное высшее образование, у семьи с одним ребенком, в полных семьях с детьми, проживающих без родственников, семьях с работающим отцом, а также проживающих в городах-миллионниках.

Доля семей с детьми, депривированных по направлению «Жилищные условия», составила 18%. При этом более высокий уровень деприваций по данному направлению наблюдался среди

неполных семей с детьми, проживающих с родственниками (24%), многодетных (32%), семей с детьми, в которых матери старше 50 лет (27%), а также родители имеют низкий уровень образования (23–29%) и среди сельских семей с детьми (24%). В меньшей степени испытывают лишения по жилищным условиям семьи с детьми, в которых родители имеют высшее или неполное высшее образование (10–12%).

Для того чтобы сформировать индекс, отражающий уровень депривационной бедности семей с детьми в целом, мы проанализировали удельные веса семей, являющихся депривированными по семи рассмотренным направлениям.

Выяснилось, что по одному направлению депривированы 22% опрошенных семей с детьми, по двум – 16%, трем – 12%, четырем – 10%, пяти – 8%, шести – 4%, а по семи – 2% семей. Было принято решение, что семьи с детьми, депривированные по четырем и более направлениям депривации из семи, будут рассматриваться как депривационно бедные.

Таким образом, доля депривационно бедных в целом среди опрошенных семей с детьми составила 23% (рис. 5). Более высокий уровень депривационной бедности наблюдается среди неполных (35%), многодетных (39%), опекунских и приемных семей (40%), семей с ребенком-инвалидом (37%), семей, в которых либо родители имеют образование ниже начального профессионального (32%–42%), либо матери старше 50 лет (43%), семей с детьми, включающих безработных (37%), взрослых с инвалидностью (38%), пенсионеров (30%) и лиц старше трудоспособного возраста (29%).

В то же время относительно низкий уровень депривационной бедности имеют семьи с детьми, в которых у родителей высшее или неполное высшее образование (13%–16%), с работающим отцом (16%), а также проживающие в городах-миллионниках (16%).

Проведенный регрессионный анализ подтвердил, что многодетные и неполные семьи с детьми имеют более высокую вероятность депривационной бедности и депривации по всем семи рассмотренным направлениям (табл. 2), что связано как с тем, что данные семьи традиционно имеют высокие риски монетарной бедности, так и с тем, что из-за своих особенностей они часто нуждаются в дополнительной помощи в делах и быту.

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа зависимости вероятности депривационной бедности семей с детьми и вероятности деприваций от различных факторов

Фактор депривации	Вероятность депривационной бедности	Вероятность деприваций по направлениям:						
		«Имущество»	«Питание»	«Финансовое положение»	«Здоровье»	«Социальная интеграция»	«Образование и развитие детей»	«Жилищные условия»
Тип семьи								
Есть дети до 3 лет	-0,07	0,01	-0,23**	-0,06	0,02	0,23**	-0,42***	0,06
Есть дети от 3 до 6 лет	0,11	-0,01	0,04	-0,14	0,07	0,10	-0,01	0,11
Многодетная	0,76***	0,51***	0,47***	0,65***	0,32**	0,53***	0,89***	0,76***
Неполная	0,71***	1,08***	0,33***	0,60***	0,40***	0,22*	0,56***	0,35***
С ребенком инвалидом	0,65***	0,45**	-0,34	0,11	-	0,31	0,51**	0,03
С детьми и лицами старше трудоспособного возраста	0,05	-0,29**	0,00	-0,15	0,53***	0,11	0,12	-0,06
С детьми и безработными	0,75***	0,54***	0,67***	0,83***	0,50***	0,07	0,70***	0,18
Получение льгот	-0,25**	-0,35***	-0,09	-0,11	0,03	-0,20*	-0,18*	-0,19
Получение ежемесячных детских пособий	0,20*	0,23**	0,18*	0,17*	0,32***	-0,04	0,32***	0,26**
Получение ежемесячных пособий, не связанных с наличием детей	0,01	-0,15	0,25*	0,13	0,52***	-0,60***	-0,05	0,19
Возраст родителя детей старше 50 лет	0,51***	0,27*	0,32**	0,35**	0,75***	0,13	0,05	0,40**
Образование родителя детей ниже начального профессионального	0,65***	0,33***	0,39***	0,41***	0,19*	0,57***	0,55***	0,48**
Проживание в городе-миллионнике	-0,39**	-0,21	-0,67***	-0,48***	-0,29**	0,08	-0,30**	0,15
Проживание в городе с численностью от 50 до 250 тыс. чел.	0,11	0,08	-0,20	-0,01	-0,14	0,13	0,08	-0,10
Проживание в ПГТ, в городе с численностью 50 тыс. чел. и менее	-0,04	0,00	0,07	-0,04	-0,12	0,08	-0,04	0,23
Проживание в селе	0,18	0,10	0,03	-0,01	-0,15	0,08	0,08	0,45***
Константа	-1,88***	-1,69***	-1,14***	-0,91***	-0,95***	-1,45***	-1,25***	-2,19***

Примечания к табл. 2.

1: в таблице представлены коэффициенты логит-моделей, зависимые переменные – индикаторы, принимающие значение «1» в случае если домохозяйство с детьми, является депривированным по соответствующему направлению, и «0» – в ином случае.

2: *** – значимо на 1%-м уровне, ** – значимо на 5%-м уровне, * – значимо на 10%-м уровне.

3: согласно методике построения индикатора депривации «Здоровье» все семьи с детьми-инвалидами являются депривированными по данному направлению.

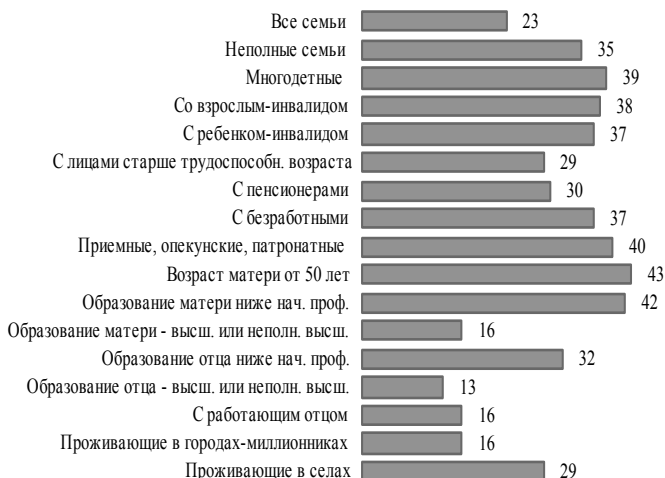

Рис. 5. Уровень депривационной бедности семей с детьми, в зависимости от типа семьи, %

Также более высока вероятность депривационной бедности и депривации по всем рассматриваемым направлениям у семей, в которых родители имеют низкий уровень образования (ниже начального профессионального), что связано, скорее всего, с невысокими доходами, обусловленными недостаточным уровнем образования родителей. Кроме того, семьи с детьми, в которых родители имеют низкий уровень образования, испытывают более высокие риски социальной исключенности и чаще сообщают о том, что им не на кого положиться в случае возникновения финансовых трудностей и проблем со здоровьем.

Проживание в городе-миллионнике снижает вероятность депривационной бедности семей с детьми в целом и их депривации по направлениям: «Питание», «Финансовое положение», «Здоровье» и «Образование и развитие детей», что обусловлено

лучшим материальным положением семей, проживающих в крупных городах.

Проживание семьи с детьми в селе повышает вероятность депривации по направлениям «Жилищные условия», что связано с отсутствием у многих сельских семей с детьми (40%) водопровода или канализации.

Наличие безработного повышает вероятность депривационной бедности семьи с детьми, а также депривации по направлениям «Имущество», «Питание», «Финансовое положение», «Здоровье» и «Образование и развитие детей», что обусловлено снижением доходов семьи в результате незанятости безработного члена семьи.

Семьи с детьми, в которых родители (опекуны) старше 50 лет, также в большей степени подвержены депривационной бедности, у них выше вероятность депривации по направлениям «Имущество», «Питание», «Финансовое положение», «Здоровье» и «Жилищные условия». Это связано с относительно невысоким материальным положением лиц старшего возраста, ухудшающимся состоянием их здоровья, а также с тем, что у таких семей чаще отсутствуют в жилье водопровод или канализация (у 25% против 18% среди прочих семей).

Семьи с детьми-инвалидами имеют более высокую вероятность депривационной бедности и депривации по направлениям «Имущество», «Здоровье» и «Образование и развитие детей», что может быть связано с тем, что у данных семей основные финансовые ресурсы направлены на лечение и реабилитацию детей, и средств на покупку дорогостоящих товаров длительного пользования и специальных адаптированных для детей-инвалидов товаров для их развития таким семьям часто не хватает.

Получение семьями с детьми льгот по оплате проезда, ЖКХ, получение бесплатного или льготного питания, земельных участков снижают вероятность депривационной бедности данных семей. Это может быть обусловлено тем, что семьи, имеющие льготы, могут направить высвобожденные доходы на покупку необходимых товаров и услуг, а также тем, что при наличии в семье с детьми работающих льготников в данной семье появляется дополнительный доход в виде социальной помощи или пенсий. Кроме того, пожилые родственники-льготники, проживающие

в семьях с детьми, часто оказывают семьям с детьми моральную поддержку и помогают им в быту.

Фактор получения семьями с детьми ежемесячных детских пособий указывает на повышение вероятности депривационной бедности, а также депривации по направлениям «Имущество», «Питание», «Финансовое положение», «Здоровье» и «Образование и развитие детей» и «Жилищные условия», поскольку при прочих равных условиях свидетельствует о более высокой социальной уязвимости данных семей, а также об относительно низких их доходах.

Семьи с детьми, включающие лиц старшего возраста, а также получателей ежемесячных пособий, не связанных с наличием детей (например, пособия лицам старшего возраста и инвалидам), имеют более высокую вероятность деприваций по направлению «Здоровье» и «Питание», что связано с плохим состоянием здоровья данных членов семьи из-за возраста, а также плохим материальным положением данных семей. В то же время пожилые родственники, проживающие в семьях с детьми, оказывают материальную и нематериальную поддержку семье, снижая риски ее депривации по направлениям «Имущество» и «Социальная интеграция».

Многомерная бедность семей с детьми

Проведенный анализ показал, что среди депривационно бедных семей с детьми доля монетарно бедных составляет 56% (для сравнения: в среднем по всем семьям с детьми – только 25%), а доля крайне бедных семей, имеющих денежные доходы ниже половины величины прожиточного минимума, – 21% (все семьи с детьми – лишь 8%).

Доля семей с детьми, являющихся одновременно монетарно и депривационно бедными, т.е. относящихся к многомерно бедным, составляет 13%. Если же не корректировать показатели бедности в соответствии с данными Росстата, то уровень монетарной бедности среди семей с детьми в целом составит 56%, а среди депривационно бедных – 79%. При этом доля многомерно бедных семей с детьми, являющихся одновременно и монетарно, и депривационно бедными, составит лишь 18%. Это свидетельствует о том, что учет депривационной бедности при оценке нуждаемости в условиях широкой распространённости скрытых доходов и занижения уровня доходов заявителями на получение

социальной помощи позволяет ограничить численность получателей адресной социальной помощи, снизить ошибки включения и сконцентрировать помощь на наиболее нуждающихся.

Проведенный регрессионный анализ показал, что вероятность многомерной бедности повышена у следующих типов семей с детьми (табл. 3): у многодетных, неполных, имеющих в своем составе безработных, получающих ежемесячные детские пособия, а также тех, в которых возраст родителей старше 50 лет или они имеют низкий уровень образования.

При этом факт проживания семьи с детьми в городе-миллионнике снижает вероятность многомерной бедности, а проживание в селах – повышает её.

Таблица 3. Результаты регрессионного анализа зависимости вероятности многомерной бедности от различных факторов

Фактор многомерной бедности	Вероятность многомерной бедности
Тип семьи:	
Есть дети до 3 лет	0,01
Есть дети от 3 до 6 лет	-0,17
Многодетная	1,04***
Неполная	0,92***
С ребенком-инвалидом	-0,13
С детьми и лицами старше трудоспособного возраста	-0,09
С детьми и безработными	0,93***
Получение льгот	-0,05
Получение ежемесячных детских пособий	0,39***
Получение ежемесячных пособий, не связанных с наличием детей	0,21
Возраст родителя детей старше 50 лет	0,60***
Образование родителя детей ниже начального профессионального	0,88***
Проживание в городе-миллионнике	-0,70***
Проживание в городе с численностью от 50 до 250 тыс. чел.	0,05
Проживание в ПГТ, в городе с численностью 50 тыс. чел. и менее	0,01
Проживание в селе	0,38**
Константа	-3,05***

Примечание 1: в таблице представлены коэффициенты логит-модели, зависимая переменная – индикатор, принимающий значение «1» в случае, если семья с детьми, является многомерно бедной, и «0» – в ином случае.

Примечание 2: *** – значимо на 1%-м уровне, ** – значимо на 5%-м уровне, * – значимо на 10%-м уровне.

Важно отметить, что семьи с детьми-инвалидами, при повышенной вероятности депривационной бедности (в первую очередь в связи с депривацией по здоровью), имеют относительно низкую вероятность монетарной бедности, в связи с получением пенсии по инвалидности и других социальных выплат.

В итоге по сравнению с семьями с детьми в целом риски многомерной бедности повышены в 1,6 раза у тех семей, в которых возраст родителя свыше 50 лет, в 1,7 раза – у неполных, в 1,8 раза – у семей с безработными, в 1,9 раза – у семей с детьми со взрослым-инвалидом и более чем в два раза – у многодетных семей и семей, в которых родители не имеют профессионального образования.

Заключение

Анализ различных аспектов бедности семей с детьми позволяет улучшить понимание условий их жизни и дает возможность определить меры поддержки, которые необходимо задействовать для улучшения качества их жизни.

Проведенное исследование показало, что повышенные риски как монетарной, так и депривационной бедности имеют многодетные и неполные семьи с детьми, а также имеющие в своем составе безработных, семьи, в которых возраст родителей старше 50 лет либо родители имеют образование ниже начального профессионального. Кроме того, риски депривации по здоровью выше у семей, включающих лиц с инвалидностью, а сельчане и жители небольших городов имеют повышенный риск депривации по жилищным условиям.

Выявленные признаки облегчают задачу определения семей с детьми, в наибольшей степени нуждающихся в социальной поддержке.

При этом учет депривационной бедности при оценке нуждаемости в условиях занижения уровня доходов заявителями на получение социальной помощи позволяет ограничить численность получателей адресной социальной помощи, снизить ошибки включения и сконцентрировать помощь на наиболее нуждающихся.

Проведенное исследование показало необходимость комплексного подхода, предполагающего не только усиление материальной поддержки семей с детьми с учетом нуждаемости, но также

реализацию мер, направленных на повышение доступности для них образовательных и медицинских услуг и улучшения их жилищных условий.

Литература

Анализ положения детей в Российской Федерации: на пути к обществу равных возможностей. М.: ЮНИСЕФ, 2011.

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Изд-во «Весь мир», 2014.

Бурдяк А.Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273–288.

Бурдяк А.Я., Попова Д.О. Причины бедности семей с детьми (по результатам обследования домохозяйств Ленинградской области) // SPERO. 2007. № 6. Весна. С. 31–56.

Доходы и социальные услуги: неравенство, уязвимость, бедность/ рук.: Овчарова Л.Н.; Независимый ин-т соц. политики. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005.

Карачук Т.С., Пашинова Т.Р., Соболева Н.Э. Бедность домохозяйств в России: что говорят данные РМЭЗ ВШЭ // Мир России: Социология, этнология. 2013. Т. 22. № 1. С. 155–175.

Корчагина И.И., Прокофьева Л.М., Попова Р.И., Филоненко Ю.В., Фурса Е.В. Немонетарное измерение бедности и социальной уязвимости населения России // Народонаселение. 2015. № 1 (67). С. 82–94.

Лежнина Ю.П. Социально-демографические особенности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28.

Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М-Студио, 2009.

Пишняк А.И., Попова Д.О. Бедность и благосостояние российских семей с детьми на разных этапах экономического цикла // SPERO. 2011. № 14. С. 57–78.

Прокофьева Л.М., Корчагина И.И., Попова Р.И., Белокрылова О.С., Филоненко Ю.В., Фурса Е.В. Бедность и социальная исключенность глазами разных групп населения // Народонаселение. 2014. № 4 (66). С. 61–81.

Родионова Г.А. Сельская бедность в России // Мир России. 2000. № 3. С. 128–136

Семья и дети в России: особенности современной жизни и взгляд в будущее: Коллективная монография / Под ред. Л.Н. Овчаровой, Л.М. Прокофьевой. М.: ИСЭПН РАН, 2009.

Слободенюк Е.Д. Факторы абсолютной и субъективной бедности в современной России // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2016. № 3–4. С. 82–92.

Gimpelson, V., Kapeliushnikov R. Labour market adjustment: is Russia different? IZA Discussion Paper No. 5588. Bonn. 2016. [Эл. ресурс]. URL: <http://ftp.iza.org/dp5588.pdf> (дата обращения: 09.02.2018).

Ovcharova L., Tesliuk E. Poverty and Inequality in Russia: Sensitivity of Poverty and Inequality Statistics to Alternative Definitions of Households Welfare. Illustration Using the NOBUS Survey. Moscow: The World Bank, 2006.

Townsend P. Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living. Harmondsworth, Penguin, 1979.

Статья поступила 02.02.2018

Summary

Grishina E. E., *Institute for Social Analysis and Prediction RANEP, Moscow*
Different Aspects of Poverty Among Families with Children

The article analyzes monetary and deprivation poverty of families with children on the data of a household survey conducted by the Institute for Social Analysis and Forecasting RANEP in 2017. To analyze the risks of various deprivations the multidimensional deprivation index was constructed. In order to analyze the risks of It was shown that large families with children, single families, families with children where parents have low level of education or unemployed face a high risks of monetary and deprivation poverty. It is noted that the risks of deprivation poverty are significantly associated with the risks of monetary poverty. Risks of health deprivation is higher for families with children that include persons with disabilities. Residents of rural areas and small towns have higher risks of housing deprivation. The analysis shows that taking into account of deprivation of applicants for targeted social assistance can help to reduce the inclusion errors and provide the social assistance to the neediest families with children.

Families with children; poverty; deprivation; social exclusion; living standards

References

Analiz polozheniya detei v Rossiiskoi Federatsii: na puti k obshchestvu ravnymk vozmozhnosti. M., UNICEF Publ., 2011 (In Russ.)

Burdyak A. Ya. (2015). Obespechennost' zhil'em v postsovetskoii Rossii: neravenstvo i problema pokolenii. *Zhurnal issledovaniĭ sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]*. Vol. 13. № 2. Pp.273–288 (In Russ.)

Burdyak A. Ya., Popova D. O. (2007) Prichiny bednosti semei s det'mi (po rezul'tatam obsledovaniya domokhozyaistv Leningradskoi oblasti). *SPERO*. № 6. Pp. 31–56 (In Russ.)

Dokhody i sotsial'nye uslugi: neravenstvo, uyazvimost', bednost'/ ruk.: Ovcharova L. N.; Nezavisimyi in-t sots. politiki. M., GU VSHe Publ, 2005 (In Russ.)

Gimpelson, V., Kapeliushnikov R. (2016). Labour market adjustment: is Russia different? *IZA Discussion Paper*. No. 5588. Bonn. Available at: <http://ftp.iza.org/dp5588.pdf> (accessed: 09.02.2018).

Gorshkov M. K., Tikhonova N. E., eds. (2014). Bednost' i bednye v sovremennoi Rossii. M., Ves' mir Publ (In Russ.)

Karabchuk T. S., Pashinova T. R., Soboleva N. E. (2013). Bednost' domokhozyaistv v Rossii: chto govoryat dannye RMEZ VSHe. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. Vol. 22. № 1, Pp. 155–175 (In Russ.)

Korchagina I. I., Prokof'eva L. M., Popova R. I., Filonenko Yu. V., Fursa E. V. (2015). Nemonetarnoe izmerenie bednosti i sotsial'noi uyazvimosti naseleniya Rossii. *Narodonaselenie [Population]* № 1 (67). Pp. 82–94 (In Russ.)

Lezhnina Yu.P. (2014). Sotsial'no-demograficheskie osobennosti v sovremennoi Rossii. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]* № 1. Pp. 20–28. (In Russ.)

Ovcharova L., Tesliuk E. (2006). Poverty and Inequality in Russia: Sensitivity of Poverty and Inequality Statistics to Alternative Definitions of Households Welfare. Illustration Using the NOBUS Survey. M., The World Bank.

Ovcharova L.N. (2009). Teoreticheskie i prakticheskie podkhody k otsenke urovnya, profilya i faktorov bednosti: rossiiskii i mezhdunarodnyi opyt. M, M-Studio Publ (In Russ.)

Ovcharova L.N., Prokof'eva L.M., eds. (2009). Sem'ya i deti v Rossii: osobennosti sovremennoi zhizni i vzglyad v budushchee: Kollektivnaya monografiya. M., ISEPN RAN Publ, 2009 (In Russ.)

Pishnyak A.I., Popova D.O. (2011). Bednost' i blagosostoyanie rossiiskikh semei s det'mi na raznykh etapakh ekonomicheskogo tsikla. *SPERO*. № 14. Pp. 57–78 (In Russ.)

Prokof'eva L.M., Korchagina I.I., Popova R.I., Belokrylova O.S., Filonenko Yu.V., Fursa E.V. (2014). Bednost' i sotsial'naya isklyuchennost' glazami raznykh grupp naseleniya. *Narodonaselenie [Population]*. № 4 (66). Pp. 61–81. (In Russ.)

Rodionova G.A. (2000). Sel'skaya bednost' v Rossii. *Mir Rossii [Universe of Russia]*. № 3. Pp.128–136 (In Russ.)

Slobodenyuk E.D. (2016). Faktory absolyutnoi i sub"ektivnoi bednosti v sovremennoi Rossii. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii [The Russian public opinion herald. Data. Analysis. Discussions]*. № 3–4. Pp. 82–92 (In Russ.)

Townsend P. (1979). Poverty in the United Kingdom: a survey of household resources and standards of living. Harmondsworth. Penguin.

Недоходная бедность ПОЖИЛЫХ

П. КУЗНЕЦОВА, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, Москва.

В работе на данных репрезентативного обследования ветеранов труда оценивается недоходная бедность пожилых. Рассматриваются шесть возможных направлений депривации (питание, финансовое благосостояние, имущество, жилье, здоровье и социальная интеграция), а также депривация в целом. Несмотря на низкий уровень официальной бедности, пожилые граждане часто вынуждены ограничивать себя в питании, испытывают трудности с оплатой лекарств и медицинских услуг, страдают от недостаточной помощи в быту и отсутствия финансовой поддержки. Риск испытывать недоходную бедность растет с возрастом респондентов, в то время как наличие партнера, присутствие в домохозяйстве работающих, а также высокий уровень образования существенно его снижают. *Ключевые слова:* бедность, депривация, пожилые, риски бедности, социальная исключенность, многомерный анализ

Тема многостороннего измерения бедности весьма популярна в международной и российской исследовательской практике. На смену привычному и закрепленному в официальной статистике определению бедности как дефицита доходов приходит концепция многокритериальной, или многомерной бедности, определяемой как целый ряд проблем не только финансового плана, но и связанных с тяжелыми условиями проживания, низким качеством питания, недостаточной социальной интеграцией и т.д. Несмотря на то, что доходную бедность легко зафиксировать, измерить и провести международные сравнения, социально неприемлемый уровень доходов все чаще воспринимается как лишь одно из проявлений бедности.

Особенно заметны различия между доходной и недоходной бедностью пожилых. Уровень доходной бедности среди лиц пожилого возраста существенно ниже общенациональных значений, поскольку российские пенсионеры законодательно выведены за пределы бедности. Однако самооценки пожилыми гражданами своего материального положения не столь оптимистичны. Так, в 2015 г., по данным обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ) Росстата, 29% домохозяйств пенсионеров, оценивая свое финансовое положение, заявили, что на еду денег им хватает, но покупать одежду они не могут себе позволить, что существенно выше, чем в среднем по выборке (19%).

В статье представлены результаты исследования, проведенного на данных репрезентативного опроса домохозяйств, в которых проживают ветераны труда. В ходе исследования даны оценки депривации по таким направлениям, как питание, финансовое благосостояние, имущество, жилье, здоровье и социальная интеграция, а также недоходной бедности в целом. Был проведен анализ территориальных, домохозяйственных и индивидуальных факторов, оказывающих влияние на риски депривации различного вида.

Как измерить бедность?

Понятие бедности усложнялось по мере накопления информации о различных лишениях, не связанных напрямую с уровнем дохода. Одним из аргументов в пользу более внимательного изучения деприваций стало многократно зафиксированное в эмпирических исследованиях существенное расхождение между монетарной и немонетарной бедностью: люди с низкими доходами не всегда испытывают лишения и, наоборот, финансовое благополучие не всегда позволяет избежать рисков депривации [Townsend, 2002; Atkinson et al., 2002; «Бедность: альтернативные подходы...», 1998; Овчарова, 2012].

С усложнением концепции бедности возникла проблема ее адекватного измерения. На данный момент не существует способа, который бы однозначно устраивал большинство исследователей. В то же время требования к подобным мерам сформулировать несложно: с одной стороны, они должны учитывать многообразие проявлений депривации и социальной исключенности, а с другой – допускать однозначную и не слишком сложную интерпретацию.

Представленные в современной экономической литературе способы измерения многомерной бедности используют два основных подхода. Первый предполагает отбор нескольких направлений, соответствующих различным сферам жизни человека и последующую разработку нескольких индексов, определяющих черту и состояние бедности для каждого из выбранных направлений. Второй подход заключается в разработке единого показателя, агрегирующего разнородную информацию по различным направлениям. В качестве примера можно привести индекс многомерной бедности (Multidimensional Poverty Index,

см. [Alkire and Santos, 2012]), который используется в межстрановых расчетах ООН [UNDP, 2016], а также индекс бедности и социальной исключенности AROPE, рассчитываемый Евростатом [Guio et al, 2012].

Стремление исследователей и специалистов национальных статистических агентств к упрощению оценок и сведению многообразия бедности к одному показателю неоднократно подвергалось критике [Ravallion, 2011; Bourguignon and Chakravarty, 2003]. Противники разработки единого показателя бедности отмечают несопоставимость агрегируемых показателей (например, детской смертности и оснащенности жилья коммунальными удобствами), а также неоднозначную интерпретацию и недостаточную устойчивость получаемых результатов.

В случае, когда бедность определяется с помощью наличия у индивидуума или домохозяйства деприваций определенного типа, ее измерение сводится к расчету индекса, агрегирующего информацию ряда индикаторов, и включает в себя следующие шаги: а) отбор направлений оценки и набора показателей по каждому из них; б) разработку методики расчета индекса, включая выбор процедуры взвешивания отдельных показателей (с учетом их важности для данного вида лишений); в) определение черты депривации, отделяющую тех, кто испытывает данный вид депривации, от всех остальных [Coromaldi and Zoli, 2012].

В число индикаторов депривации могут включаться как объективные, так и субъективные показатели, предполагающие самооценку респондентами жизненных обстоятельств, в которых они находятся. Показатели занятости и образования могут интерпретироваться по-разному. Часто они причисляются к показателям депривации: так, например, в концепции развития ЕС до 2020 г. бедность оценивается по трем основным компонентам – доходная бедность, материальная депривация и недостаточная интенсивность работы (см. [Guio et al, 2012]). Однако в других исследованиях [Coromaldi and Zoli, 2012; Aaberge and Brandolini, 2014] отмечается, что показатели образования и занятости в большей степени относятся к факторам бедности, и потому при непосредственной оценке депривации их использовать не следует.

После отбора исходных показателей необходимо определиться с тем, как агрегировать их в сводный индекс.

Процедура взвешивания отобранных показателей деприваций при расчете сводного индекса может быть различной, устоявшейся единой методикой на текущий момент не предложено. В некоторых исследованиях используются равные веса, что равносильно предположению об одинаковом вкладе в бедность данного типа всех показателей (см. [Townsend, 2002; Alkire and Foster, 2011] и др.). В ряде случаев используются так называемые экспертные веса, когда соответствующие коэффициенты для различных показателей депривации определяются с помощью опросов экспертов, представителей социального блока исполнительной власти или населения (см. подробный обзор методов в [Decap and Lugo, 2013]).

Альтернативу перечисленным способам определения весов представляют разнообразные статистические методы, когда данные «говорят сами за себя». В простейшем случае используются веса, рассчитанные с учетом распространенности тех или иных деприваций (т.е. более редкие виды лишений учитываются с большим весом). Более продвинутые методы, подробный обзор которых приводится в [Aberge and Brandolini, 2014], определяют веса с учетом многомерного распределения данных. К числу таких подходов относится метод главных компонент, применяемый в данной работе. Иногда процедура взвешивания при оценке депривации применяется дважды: на первом шаге при агрегировании исходных данных в индексы деприваций по отдельным направлениям и затем при построении на их основе единого индекса.

Следующим шагом оценки является определение черты бедности – границы, отделяющих тех, кто испытывает депривацию данного типа, от всех остальных. Как отмечается [Coromaldi and Zoli, 2012], подобное разделение является еще менее объективным, чем в случае доходной бедности. Так, например, в России монетарная бедность определяется на основе прожиточного минимума, рассчитываемого с учетом цен и базовых потребностей людей с учетом пола и возраста. Для не доходной бедности понятие социальной нормы является существенно более зыбким и субъективным, его сложно формализовать подобно прожиточному минимуму. Иногда авторы выбирают черту депривации так, чтобы ее итоговая распространенность была примерно сопоставима с уровнем доходной бедности. В других исследованиях в качестве бедных рассматривается нижняя квинтиль (20%) получившегося распределения [Tsakoglou and Papadopoulos, 2002; Coromaldi and Zoli, 2012].

Данные и методика исследования

Эмпирической основой данного исследования является репрезентативный опрос домохозяйств, в которых проживают ветераны труда, проведенный РАНХиГС в мае 2017 г. (1890 наблюдений). При определении лишений учитывалось мнение респондентов о том, насколько им необходимы те или иные товары или услуги,

и в качестве депривации определялось лишь их «вынужденное отсутствие» (enforced lack).

Направления депривации и конкретные виды лишений, включенные в оценку, представлены в таблице 1.

Таблица 1. Частота распространения деприваций, включенных в оценку, среди ветеранов труда, %

Депривация	%	Показатель
Недостаточное потребление фруктов	32,3	Питание
Недостаточное потребление мяса, птицы и рыбы	23,7	
Высокая доля расходов на питание	15,2	
Низкая оценка финансового положения	3,4	
Малый размер сбережений	43,8	Финансовое благосостояние
Значительная задолженность	7,4	
Значительная ипотечная нагрузка	0,5	
Ограничение базовых материальных потребностей	49,6	
Недостаточное потребление товаров длительного пользования	14,7	Имущество
Вынужденное отсутствие личного транспорта	34,1	
Плохое здоровье	6,4	Здоровье
Наличие существенных ограничений в бытовой деятельности	37,5	
Невозможность осуществлять работу по дому	11,3	
Наличие существенных ограничений в мобильности	25,5	
Отсутствие мобильности (респондент не может самостоятельно ходить в магазин)	7,4	
Недостаточное потребление медицинских услуг и лекарств	24,9	
Социально неприемлемый тип жилья	5,5	Жилье
Тесное жилье	4,2	
Низкая самооценка качества жилья	6,5	
Недостаточная оснащенность коммунальными удобствами	17,4	
Холодное жилье	9,7	
Жилье требует капитального ремонта	38,6	
Одиночество	10,0	Социальная включенность
Недостаточная финансовая поддержка	30,7	
Недостаточная помощь в быту	10,7	

Для построения совокупного индекса депривации была использована двухшаговая процедура: 1) построение шести индексов депривации по отдельным направлениям и 2) их агрегацию в совокупный индекс депривации. При агрегировании данных в индексы депривации по направлениям были применены два набора весов: равномерный, когда каждое лишение внутри данного направления учитывается с одинаковым весом, и оцененный

с помощью метода главных компонент, т.е. с учетом вариации показателей лишений, включаемых в индекс. Результаты оценок показали высокую устойчивость к выбору весов, в связи с чем было принято решение использовать более интуитивно понятный равномерный метод.

Пороговый уровень рассчитывался в соответствии с неявно заданной социальной нормой, определяемой исходя из распределения количества лишений, испытываемых домохозяйствами выборки. Общая депривация оценивалась как ее наличие по как минимум четырем из шести направлений исследования.

Недоходная бедность: многообразие проявлений

Несмотря на низкий уровень доходной бедности домохозяйств, в которых проживают ветераны труда (менее 5% опрошенных домохозяйств), они часто испытывают разнообразные лишения, в том числе и имущественного характера. Примерно треть домохозяйств испытывают депривацию в целом, то есть сталкиваются с лишениями как минимум по четырем из шести выбранных направлений (табл. 2).

Таблица 2. Распределение домохозяйств в зависимости от видов испытываемых ими деприваций, % взвешенной выборки

Вид депривации	Доля респондентов, %
Нет депривации	22,5
По питанию	30,2
По финансовому благосостоянию	32,8
По имуществу	38,2
По жилью	19,9
По здоровью	33,2
По социальной включенности	38,9
Депривация в целом	18,6
Доходы ниже прожиточного минимума	4,4

Пожилые люди часто вынуждены ограничивать себя в потреблении фруктов (32% опрошенных), а также мяса и рыбы (24%).

Распространенность лишений по питанию существенно зависит от типа домохозяйств, причем определяющим фактором является наличие в семье работающих (рис. 1). Что касается возраста опрошенных, то можно отметить лишь значительное

снижение распространенности лишений по питанию среди наиболее молодых респондентов (до 55 лет).

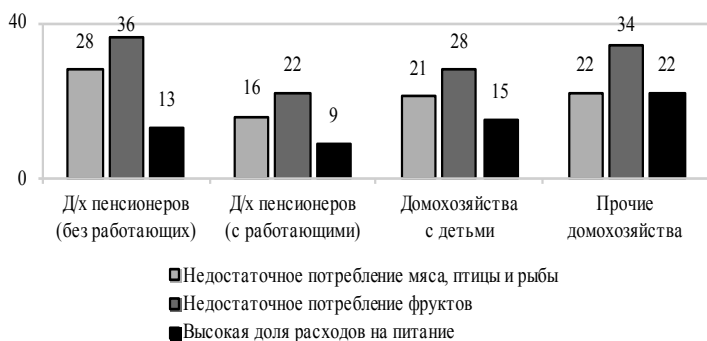

Рис. 1. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по питанию и финансовому благополучию, среди различных типов домохозяйств, %

Домохозяйства пожилых почти не имеют долгов по платежам и кредитам, но часто отказывают себе в том, что принято относить к базовым материальным потребностям (замена мебели, покупка одежды и обуви, отдых и досуг) – эти проявления депривации испытывают 44% и 50% опрошенных соответственно.

Распространенность этих лишений столь велика, что они в известном смысле и не являются отклонением от социальной нормы для пожилых граждан России. Другой важной особенностью людей старшего возраста, к которым в основе своей относятся домохозяйства с ветеранами труда, является низкий уровень долговой нагрузки – лишь 7% опрошенных имеют долги или неоплаченные кредиты или платежи.

Состав домохозяйства оказывает существенное влияние на распространенность лишений, связанных с финансовым благополучием (рис. 2). Для домохозяйств пожилых (одиночки и семейные пары) определяющим является фактор наличия в домохозяйстве работающих. Также можно отметить относительно высокую распространенность разнообразных видов задолженности среди семей с детьми (17%).

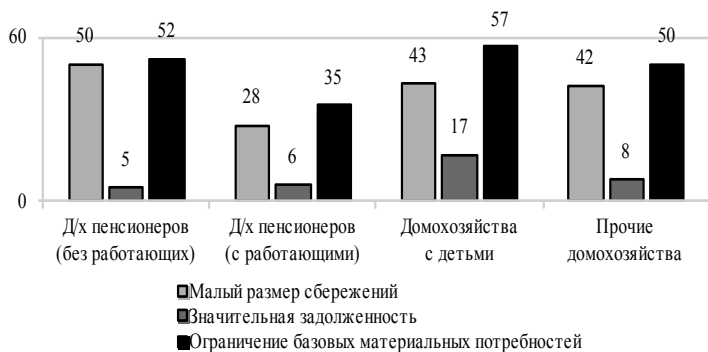

Рис. 2. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по финансовому благосостоянию, в зависимости от типа домохозяйств, %

Главный фактор депривации в сфере жилья – проживание в сельской местности или небольших городах.

Большинство лишений, использовавшихся при определении депривации домохозяйств по жилью, являются относительно редкими. Так, доля домохозяйств, проживающих в общежитиях или коммунальных квартирах, в среднем по выборке составляет 6%, оценивающих свое жилье как плохое или очень плохое – 7%, проживающих в холодном жилье – 10%. Низкая распространенность тесного проживания (4%) вполне естественна, когда основу выборки составляют домохозяйства из одного-двух человек. Нехватка базовых коммунальных удобств была зафиксирована у 17% домохозяйств, и лишь необходимость капитального ремонта, которую в большей степени следует воспринимать как свидетельство плохого состояния дома, в котором находится жилье, отмечалась респондентами в 39% случаев.

Главным фактором различий в депривации домохозяйств по жилью является проживание в сельской местности или в небольших городах и поселках, где нехватка базовых коммунальных удобств широко распространена (рис. 3).

Пожилые люди часто вынуждены отказываться от покупки необходимых лекарств и медицинских услуг, а в более старших возрастах остро нуждаются в помощи по хозяйству.

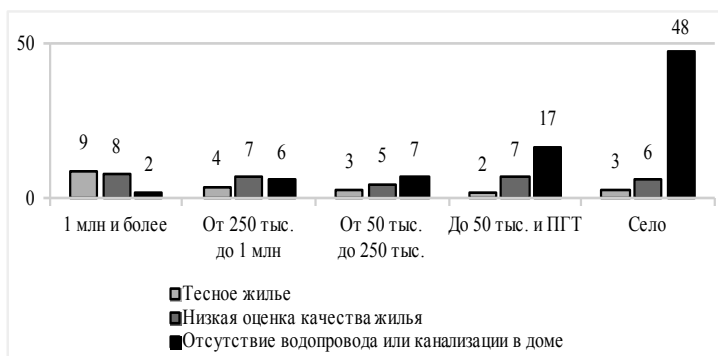

Рис. 3. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по жилью, в зависимости от размера населенного пункта проживания домохозяйств, %

Ключевыми факторами наличия у респондентов различных деприваций по здоровью являются возраст и самооценка здоровья. Доступность лекарств и медицинских услуг также существенно зависит от доходов домохозяйства. Как показано на рисунке 4, 32% домохозяйств первой, беднейшей квинтильной группы были вынуждены отказываться от покупки необходимых лекарств и услуг из-за нехватки средств (для сравнения: среди наиболее богатых домохозяйств – 15%).

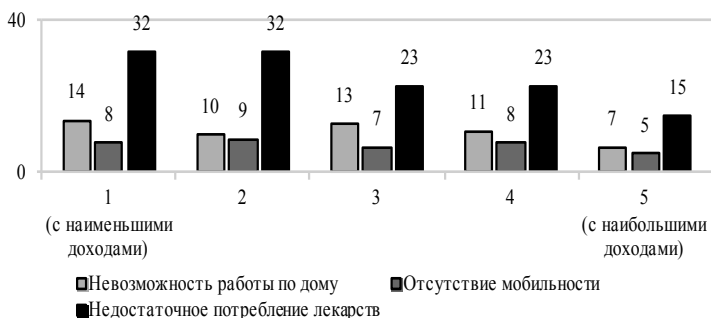

Рис. 4. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по здоровью, в зависимости от доходов домохозяйств (квинтильные группы), %

В старшей возрастной группе наблюдается существенный рост неспособности респондентов к самообслуживанию: 24% опрошенных не способны самостоятельно осуществлять необходимую работу по дому, а 15% – не в состоянии дойти до магазина. Ограничения в доступности лекарств также высоки – четверть опрошенных в возрасте от 75 лет и старше сталкивались с необходимостью отказаться от покупки необходимых лекарств или медицинских услуг (рис. 5).

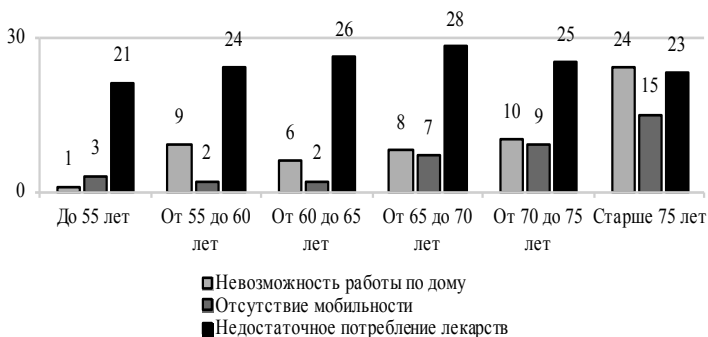

Рис. 5. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по здоровью, в зависимости от возраста проживающих в домохозяйствах ветеранов труда, %

Респонденты с плохим здоровьем часто страдают от недостаточного потребления медицинских товаров и услуг: 31% опрошенных, оценивающих свое здоровье как «скорее плохое» и 39% из оценивающих как «очень плохое», за последний год оказывались в ситуации, когда им приходилось отказываться от необходимых лекарств или услуг.

Среди проблем социальной интеграции пожилые чаще всего называют недостаточную финансовую поддержку; кроме того, с возрастом усиливается чувство одиночества.

Среди факторов, способствующих росту рисков лишений, связанных с недостаточной социальной интеграцией, можно выделить возраст, отсутствие партнера и низкие доходы. Так, например, чувство одиночества гораздо чаще испытывают одиночки – 24% опрошенных (для сравнения: пожилые семейные пары – 9%) (рис. 6).

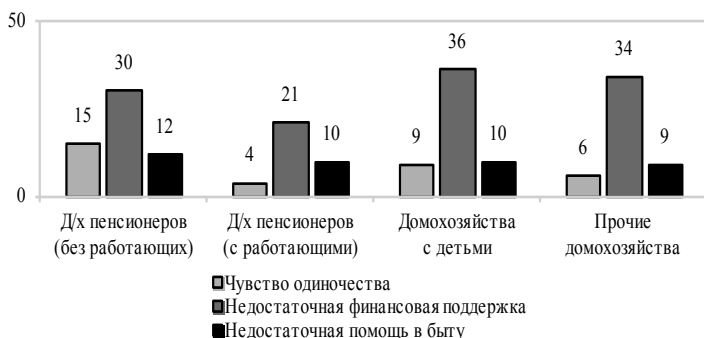

Рис. 6. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по социальной интеграции, в зависимости от типа домохозяйств, %

С возрастом социальная исключенность растет. В частности, качественный скачок в ощущении одиночества происходит в старшей возрастной группе: с 3–5% в возрасте до 65 лет до 10–11% в возрасте от 65 до 75 лет и 19% в возрасте старше 75 лет (рис. 7).

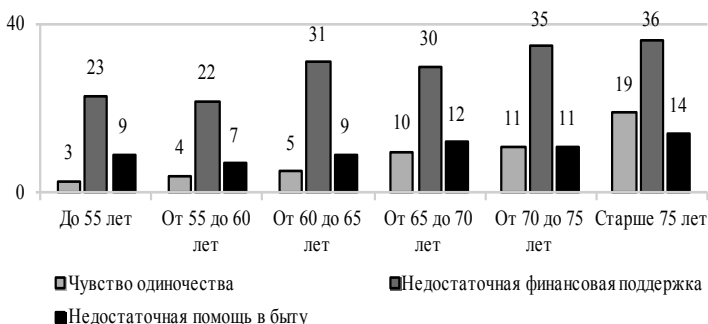

Рис. 7. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по социальной интеграции, в зависимости от возраста проживающих в домохозяйствах ветеранов труда, %

Рост ощущения недостаточной финансовой поддержки начинается несколько раньше, в возрасте от 60 лет и старше, совпадая с возрастом массового выхода на пенсию. Недостаточная помощь

в быту наиболее остро воспринимается в старших возрастах, о ней заявили 14% опрошенных в возрасте от 75 лет и старше.

Состояние здоровья, измеренное с помощью самооценки респондентов, существенно влияет на распространенность лишений, связанных с недостаточной социальной интеграцией опрошенных (рис. 8). Ветераны труда с очень плохим здоровьем чаще страдают от недостаточной финансовой поддержки (47% против 31% в среднем по выборке), испытывают чувство одиночества (25% против 10%) и сталкиваются с недостатком помощи в быту (16% против 11% в среднем по выборке).

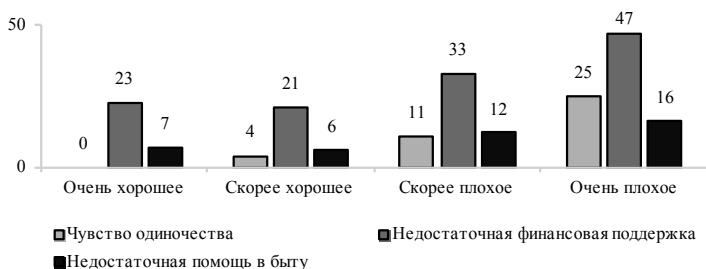

Рис. 8. Распространенность лишений, включенных в интегральную оценку депривации по социальной интеграции, в зависимости от самооценки здоровья проживающих в домохозяйствах ветеранов труда, %

Предварительный анализ взаимосвязи состояния депривации и различных характеристик респондентов и домохозяйств, в которых они проживают, позволил выдвинуть гипотезы о значимости влияния на риски депривации таких факторов, как тип населенного пункта, состав домохозяйства, а также индивидуальные характеристики опрошенных ветеранов труда (возраст, уровень образования, самооценка здоровья и др.). Гипотезы количественного исследования были протестированы методом регрессионного анализа.

Что влияет на недоходную бедность пожилых?

Для оценки влияния характеристик домохозяйства на вероятность его попадания в состояние того или иного вида депривации была использована пробит-модель бинарного выбора:

$$P(y_i = 1) = \Phi(x'_i \beta),$$

где y_t – переменная, соответствующая наличию у семьи t депривации данного вида, x_t – вектор факторов, характеризующих эту семью, а Φ – функция стандартного нормального распределения.

Применение регрессионного анализа позволяет определить значимость и характер влияния того или иного фактора при сохранении прочих характеристик, включенных в модель, неизменными. Всего было рассмотрено семь зависимых переменных, соответствующих наличию у домохозяйств деприваций по шести направлениям исследования и депривации в целом. Предварительный отсев независимых переменных был осуществлен с помощью анализа попарных корреляций. Из анализа были исключены переменные с размером корреляции, превышающим 0,3. В таблице 3 приводятся значения предельных эффектов независимых факторов, включенных в исследование^{*}.

Как показали расчеты, риск различных деприваций существенно зависит от типа домохозяйства, в котором проживает ветеран труда, его индивидуальных характеристик (состояния здоровья, возраста, уровня образования) и в меньшей степени – от типа населенного пункта.

Тип населенного пункта. *Проживание в городской местности снижает риск общей депривации, в основном за счет меньшей депривации по жилью* – здесь эффект большей доступности в городе коммунальных удобств пересиливает эффект плотности проживания.

Эффект снижения рисков депривации в связи с проживанием в городе наиболее сильно проявляется в случае жителей крупнейших городов (с населением от 1 млн чел. и выше). Так, вероятность испытывать депривацию по питанию здесь ниже на 5%, чем для жителей села, по здоровью – на 9% ниже, а депривацию по имуществу – на 7%.

Состав домохозяйства. *Риски депривации ниже для семейных пар и домохозяйств с работающими.* Наиболее благополучной категорией домохозяйств с ветеранами труда являются пожилые семейные пары и домохозяйства работающих одиночек.

Наличие в домохозяйствах работающих лиц существенно снижает риски различных деприваций, прежде всего связанных с доходами и имуществом. Так, например, для семейных пар с как минимум одним работающим вероятность депривации по питанию на 17% ниже, чем для прочих домохозяйств без работающих, по финансовому благосостоянию – на 23%, по имуществу – на 15% ниже.

* *** $p < 0,01$; ** $p < 0,05$; * $p < 0,1$.

Ведение подсобного хозяйства в целом позволяет домохозяйству снизить риски различных деприваций, в частности финансового неблагополучия, депривации по имуществу и даже вероятность социальной исключенности. Данный фактор может сочетать в себе различные наблюдаемые и ненаблюдаемые характеристики домохозяйства (в том числе наличие участка земли, мобильность и наличие социальных связей).

***Индивидуальные характеристики респондентов.** Высшее образование существенно способствует снижению деприваций всех видов; с возрастом растут риски депривации по здоровью. Ключевым фактором профилактики многомерной бедности является высшее образование респондентов, которое заметно снижает риски всех изучаемых видов депривации.*

Гендерная принадлежность респондента также является значимым фактором: женщины – ветераны труда сталкиваются с более высокими рисками депривации по финансовому благополучию, имуществу и здоровью по сравнению с мужчинами при сохранении прочих факторов равными.

Большой возраст респондентов ожидаемо увеличивает риски депривации по здоровью. Особенно это касается ограничений в работе по дому и мобильности (более 55% респондентов в возрасте старше 75 лет испытывают трудности в работе по дому, а 45% – при совершении покупок в магазине).

Отдельного упоминания заслуживает тема социальной исключенности ветеранов труда, поскольку вопросы, необходимые для оценки депривации данного типа, редко задаются в рамках стандартных обследований уровня жизни и здоровья населения. Согласно полученным результатам, чаще сталкиваются с проблемами в сфере социальной интеграции люди старше 70 лет. Наличие у ветерана труда супруга значимо снижает риски социальной депривации. Кроме того, более социально интегрированными считают себя респонденты с высшим образованием – высокий уровень образования значимо снижает риски всех видов деприваций, оцениваемых в данном исследовании.

Заключение

Согласно современной концепции бедности как многопланового явления, низкие доходы – это лишь одно из ее проявлений.

Несовершенство определения бедности с помощью доходов особенно чувствуется при изучении депривации пожилых.

В проведенном исследовании на данных репрезентативного обследования ветеранов труда были даны оценки недоходной бедности по шести направлениям, включая питание, финансовое благосостояние, имущество, жилье, здоровье и социальную интеграцию. Как показывают результаты исследования, низкий уровень доходной бедности маскирует существенные проблемы, с которыми сталкиваются представители старших возрастов, – несбалансированное питание, недостаточные сбережения, невозможность регулярно покупать одежду, обувь и предметы быта, одиночество и нехватку помощи в быту.

В то же время следует отметить, что домохозяйства, в которых проживают ветераны труда, крайне неоднородны с точки зрения подверженности различным видам деприваций. Наиболее благополучной категорией с точки зрения рисков недоходной бедности являются пожилые семейные пары и домохозяйства работающих одиночек.

Ключевой индивидуальный фактор, снижающий риски многомерной бедности, – высшее образование респондентов. Большой возраст опрошенных ожидаемо увеличивает риски депривации по здоровью, особенно в плане ограничений в работе по дому и мобильности.

Проживание в городской местности снижает риски общей депривации, в основном за счет существенно меньшей вероятности депривации по жилью – здесь эффект большей доступности в городе коммунальных удобств пересиливает эффект плотности проживания.

С проблемами в сфере социальной интеграции чаще всего сталкиваются люди старшего возраста (от 70 лет и старше). Наличие у ветерана труда супруга значительно снижает риски социальной депривации.

Литература/References

Бедность: альтернативные подходы к определению и измерению. Авт. коллектив /Под ред. Т. Малевой. М.: Московский центр Карнеги, 1998 [Bednost': al'ternativnye podhody k opredelenju i izmerenyu (1998). Avt. kolektiv. Pod red. T. Malevoj. Moskovskij Carnegie centr.

Овчарова Л. Н. Теоретико-методологические вопросы определения и измерения бедности. SPERO. 2012. № 16. С. 15–38.[Ovcharova L. N. (2012).

Teoretiko-metodologicheskie voprosy opredelenja i izmerenija bednocy. *SPERO*. № 16. Pp. 15–38].

Aaberge, R., Brandolini, A. (2015). Multidimensional Poverty and Inequality. In A. B. Atkinson & F. Bourguignon (Eds.), *Handbook of income distribution*, Chapter 3. Pp. 141–216. Amsterdam: Elsevier.

Alkire S., Foster J. (2011). Counting and multidimensional poverty measurement/. *Journal of Public Economics*, Elsevier. Vol. 95(7). Pp. 476–487.

Alkire S., Santos M. (2010). Acute Multidimensional Poverty: A New Index for Developing Countries, *Human Development Research Papers (UNDP)*.

Atkinson A., Cantillon B., Marlier E., Nolan B. (2002). *Social indicators: The EU and social inclusion*. Oxford: Oxford University Press.

Bourguignon F., Chakravarty S. R. (2003). The measurement of multidimensional poverty. *Journal of Economic Inequality*. Vol.1. Pp. 25–49.

Coromaldi M., Zoli M. (2012). Deriving Multidimensional Poverty Indicators: Methodological Issues and an Empirical Analysis for Italy. *Social Indicators Research*. Vol. 107. Pp. 37–54.

Decanc K., Lugo M. (2013). Weights in Multidimensional Indices of Wellbeing: An Overview. *Econometric Reviews, Taylor & Francis Journals*. Vol. 32(1). Pp. 7–34.

Guio A.-C., Gordon D., Marlier E. (2012). Measuring Material Deprivation in the EU: Indicators for the Whole Population and Child-Specific Indicators, *Eurostat Methodologies and Working Papers (OPOCE)*.

Ravallion M. (2011). On Multidimensional Indices of Poverty. *Policy Research working paper*: no. WPS5580, World Bank.

Townsend P. (2002). Poverty, Social Exclusion, and Social Polarisation: The Need to Construct and International Welfare State. P. Townsend and D. Gordon (Eds.), *World Poverty, New Policies to Defeat an Old Enemy*. Bristol, UK. Policy Press.

Tsakoglou P., Papadopoulos F. (2002). Aggregate level and determining factors of social exclusion in twelve European countries. *Journal of European Social Policy*. Vol. 12 (3). Pp. 211–225.

United Nations Development Programme. (2016). *Human development report 2016: Sustaining human progress. Development for Everyone*.

Статья поступила 02.02.2018.

Summary

Kuznetsova P. *Institute for Social Analysis and Prediction RANEP, Moscow*
Non-Monetary Poverty of the Elderly

In this research we estimate non-monetary poverty of the elderly on the data of a representative survey of labor veterans. We consider six areas of deprivation (food, financial welfare, property, housing, health and social integration) as well deprivation in total. Despite the low level of income poverty, senior citizens often have to restrict themselves in food as well as in consumption of medicines and medical services, suffer from a lack of financial support and assistance in everyday life. The risks of nonmonetary poverty increase with the age of respondents, while having a partner, living in a household with a working person, as well as high level of education significantly reduce them significantly.

Poverty; deprivation; elderly; poverty risks, social exclusion; multidimensional analysis

DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2018-3-44-59

Бедность инвалидов и домохозяйств с инвалидами

Р.Р. ХАСАНОВА, кандидат экономических наук, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва.
E-mail: khasanovarr@gmail.com

А.О. МАКАРЕНЦЕВА, кандидат экономических наук, зав. лабораторией исследований демографии и миграции, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС при Президенте РФ, Москва.
E-mail: makarentseva-ao@ranepa.ru

В статье рассматриваются структура инвалидности в России и проблема бедности инвалидов. В социальной поддержке государства нуждаются 12 млн инвалидов, значительная часть которых проживает в домохозяйствах, состоящих из трех и более человек. В случае инвалидности одного из членов домохозяйства риски бедности в разы возрастают, так как большинство инвалидов в трудоспособных и детских возрастах являются членами домохозяйств из трех и более человек. Одиночные домохозяйства менее бедны, чем больше размер семьи, имеющей в своем составе инвалида, тем более высок риск бедности. Данные выборочных обследований демонстрируют, что ключевым недостатком российских государственных программ, касающихся социальной защиты инвалидов, является почти полное игнорирование специфических потребностей разных групп инвалидов. Действующие выплаты ориентированы на индивидуальные получателей мер социальной поддержки, а не на полные домохозяйства. Результаты исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на большое внимание государства к сокращению бедности населения и к инвалидам, в частности, уровень бедности инвалидов в России остается высоким.

Ключевые слова: инвалидность, домохозяйство, бедность населения, бедность инвалидов, бедность домохозяйств с инвалидами

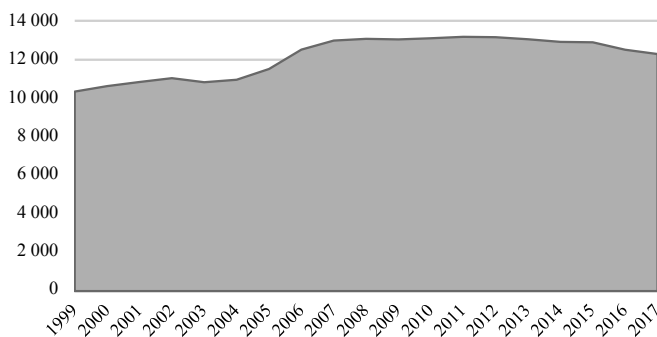
В отечественной науке большое внимание уделяется исследованиям риска бедности молодого населения [Чупров и др., 2003; Зубок, 2007], изучению бедности семей с детьми [Овчарова, Горина, 2017; Бурдяк, Попова, 2007; Овчарова, Попова, 2005; Положение детей..., 2003; Колосницына, Филиппова, 2017], пожилого населения [Смолякин, 2010; Корнилова, 2011; Лежнина, 2008; Лежнина, 2014]. Проблемы бедности инвалидов и домохозяйств с инвалидами останутся малоизученными, основные работы сконцентрированы на методах оценки бедности и критериях нуждаемости [Овчарова, Горина, 2017; Овчарова, 2012; Овчарова, 2009], на исследовании распространённости инвалидности, доступности среды, новых правил определения инвалидности, на изучении социальной политики в области инвалидности [Инвалидность..., 2016, Цацура и др., 2015]. Вместе с тем инвалиды являются объектами социальной политики государства, включающей такую

систему социальных отношений, экономических мер и правовых гарантий, которые компенсируют любому члену общества частичную или полную потерю самостоятельного обеспечения своего благосостояния, что и относится к инвалидности.

В настоящей статье оцениваются уровень и риски бедности инвалидов и домохозяйств с инвалидами. Поскольку размеры этой социальной группы определяют масштаб запроса на социальную поддержку, вначале рассмотрим вопросы о том, сколько инвалидов в России и каков состав домохозяйств, в которых они присутствуют, а также существующие в стране меры социальной защиты инвалидов. Далее на основе выборочных обследований оценим риски бедности инвалидов.

Количество инвалидов в России

На 1 декабря 2017 г., по данным Пенсионного фонда Российской Федерации, в России зарегистрировано 12,1 млн инвалидов¹ (рис. 1). Это 8,4% населения страны, в том числе 9% всех женщин и 7,7% – мужчин. Среди инвалидов больше всего пожилых людей (62%), 38% – это лица трудоспособного возраста и 5,4% – дети.

Источник рис. 1–2: Росстат.

Рис. 1. Число инвалидов в России, 1998–2017 гг., тыс. чел.

В 2017 г. 2,2% населения от 0 до 17 лет являлись инвалидами (651 тыс. чел.). Большинство детей-инвалидов (65%, или 411 тыс. человек) относятся к возрастной категории 8–17 лет (это 2,8% всех детей в данном возрастном интервале), 35% –

¹ Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/>

к группе 0–7 лет (1,5%). Это свидетельствует о том, что домохозяйства с детьми школьного возраста чаще сталкиваются с рисками детской инвалидности, чем дошкольного.

Несмотря на то, что большую часть инвалидов составляют люди пенсионного возраста, риск инвалидности трудоспособного населения также высок. Доля инвалидов в трудоспособном возрасте составляет 4,5% (3651 тыс. чел.) всего населения в данном возрастном интервале. При этом большинство из них относятся к группе 31–54/59 лет (85%, или 3 млн чел.), незначительная часть приходится на возраст 18–30 лет. Вероятность инвалидности в возрасте 31–54/59 лет в два раза выше, чем в 18–30 лет. Из числа людей с ограниченными возможностями здоровья 8035 тыс. относятся к самой старшей группе (22% всего населения пенсионного возраста).

Среди причин инвалидности взрослого населения доминируют болезни системы кровообращения, на втором месте – заболевания злокачественными новообразованиями, на третьем – болезни костно-мышечной системы и соединительной ткани.

Большинство инвалидов (50,9%) имеют вторую группу инвалидности, 37,8% – третью, 11% – первую. Хотя основная доля инвалидов – это люди с ограниченными возможностями здоровья (II группа), растет доля более легкой группы – III, с менее тяжелым бременем (рис. 2). Такая группа инвалидов менее уязвима и более трудоспособна.

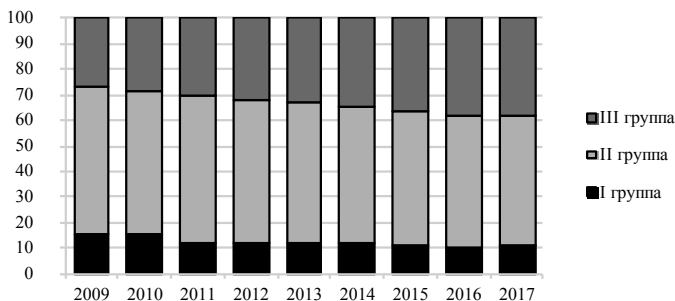

Рис. 2. Доля инвалидов разных групп в РФ в 2009–2017 гг.,%

Заметим, что в официальной статистике Росстата нет данных о домохозяйствах с инвалидами. Вся информация по инвалидам предоставляется на уровне индивида, без привязки к домохозяйствам.

По данным Всероссийской переписи населения (ВПН) 2010 г., 3,5% респондентов получали пенсии по инвалидности; 54% людей с ограниченными возможностями здоровья были в трудоспособном возрасте (3,1% всех опрошенных в данном возрастном интервале), 42% – старше, 3,9% – моложе трудоспособного возраста (6,6% и 0,9%). Основная доля инвалидов сконцентрирована в домохозяйствах с двумя (30%), тремя (22,5%), с пятью и более (16,5%), четырьмя (15%), одним (15%) лицом. Анализ показывает, что большинство детей-инвалидов проживают в домохозяйствах, в составе которых четыре (31%), три (23%), шесть и более (20%), пять (18%) человек (табл. 1).

Таблица 1. Доля домохозяйств в разрезе возраста инвалида и размера домохозяйства, %

Возраст	Размер домохозяйства, чел.					
	1	2	3	4	5	6 и более
Не указан	0,0	18,8	0,0	12,5	31,3	37,5
Моложе трудоспособного	0,2	7,1	23,4	31,3	17,8	20,2
Трудоспособный	9,5	27,3	26,6	17,8	9,2	9,6
Старше трудоспособного	24,7	36,5	17,0	10,2	6,0	5,5

Источник табл. 1–2: данные ВПН-2010.

В трудоспособном возрасте большинство инвалидов живут в домохозяйствах с двумя (27%), тремя (27%), четырьмя (18%) и более (19%) лицами. Лишь 9,5% лиц с ограниченными возможностями здоровья трудоспособного возраста проживают одни. Для инвалидов старше трудоспособного возраста более характерно проживание в домохозяйствах с одним (24,7%) или двумя членами (36,5%). Чем больше размер домохозяйства, тем меньше вероятности того, что в его составе есть инвалид старше трудоспособного возраста. Для 60% одиноких инвалидов старше трудоспособного возраста характерно проживание в домохозяйствах с меньшим размером (1–2 человека), а 63% инвалидов в трудоспособном возрасте проживают в домохозяйствах с тремя и более лицами.

Кроме того, в составе 2,9% домохозяйств из двух человек есть ребенок до 18 лет (рис. 3). И чем больше размер домохозяйств с инвалидами, тем выше вероятность того, что в их составе есть дети (это касается 18% семей из трех человек, 31% – из четырех, 32% – из пяти, 35% – из шести и более членов).

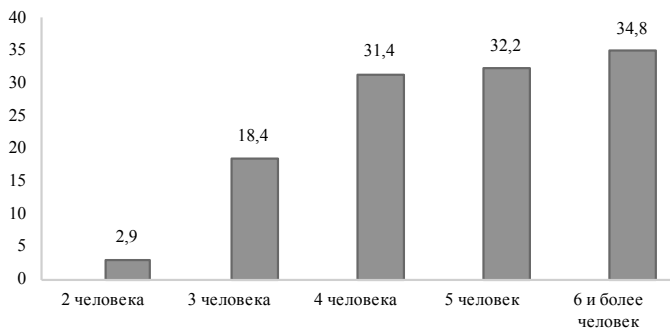

Рис. 3. Доля семей с детьми до 18 лет в составе домохозяйств (с инвалидами) разных размеров, %

Таким образом, в социальной поддержке государства нуждаются 12,1 млн инвалидов, значительная часть которых проживают в домохозяйствах, состоящих из трех и более человек.

Социальная защита инвалидов

Социальная защита инвалидов включает в себя денежные выплаты, льготы, социальные гарантии, институты, среду. За последние несколько лет в России произошел ряд ключевых изменений в системе социальной защиты инвалидов. Были изменены критерии назначения инвалидности (Приказ Минтруда № 1024н от 17.12.2015 г.), создан Федеральный реестр инвалидов (распоряжение Правительства РФ от 16.07.2016 г. № 1506-р). С начала 2015 г. вступил в силу федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ), направленный на обеспечение потребностей граждан пожилого возраста и инвалидов в постоянном постороннем уходе, в том числе на дому и в полустационарном режиме. Был создан реестр поставщиков социальных услуг, определены схемы разработки индивидуальных программ социальных услуг, значительно увеличена численность социальных работников, организованных в мобильные бригады.

С 2011 г. реализуется государственная программа «Доступная среда», пролонгированная до 2020 г. Это единственная специализированная программа на федеральном уровне, направленная на удовлетворение потребностей людей с инвалидностью.

Ее цель – создание безбарьерной среды, в частности, усиление доступности транспорта, социальных и общественных учреждений, объектов спорта, культуры. Кроме того, программа подразумевает совершенствование системы экспертизы и реабилитации инвалидов, оказание помощи в получении образования и трудоустройстве, интеграцию инвалидов в культурную, спортивную и общественную жизнь.

Активизировалась политика содействия занятости инвалидов: распоряжением Правительства от 10.05.2017 г. № 893-р утвержден План мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2017–2020 годы (с 30% до 50% от числа трудоспособных инвалидов). Помимо стандартных мер в этой сфере, теперь планируется привлечь недавно реформированные центры занятости населения, перешедшие в соответствии с мировой практикой на модель работы с каждым отдельным случаем. Обеспечение занятости инвалидов должно значительно улучшить их материальное и социальное положение. К сожалению, в Плате мероприятий отсутствует какое бы то ни было упоминание о родителях детей-инвалидов, родственниках, ухаживающих за ними, как о смежной социальной группе, нуждающейся в содействии занятости. **Российская социальная политика ориентирована только на индивидов и крайне слабо учитывает интересы домохозяйств и семей.**

Ключевой недостаток российских государственных программ, касающихся социальной защиты инвалидов, – полное или почти полное игнорирование специфических потребностей разных групп. Как правило, «инвалиды» фигурируют в них как однородная категория. Редко прописываются отдельные меры для детей-инвалидов, но при этом никак не учитываются интересы их родителей и членов семьи, нет специфических мер для девочек и женщин с инвалидностью или комплексных мер для пожилых инвалидов, проживающих в одиночестве; редко встречается разделение мер для инвалидов по зрению, слуху, передвижению, по психическим заболеваниям. Вместе с тем **международные нормы требуют учета разнообразия целевой группы.**

Какие услуги и гарантии получает человек с ограниченными возможностями здоровья в России? Статус инвалида дает право на получение бесплатной квалифицированной медицинской

помощи, компенсацию 50% расходов на оплату жилья и коммунальных услуг, ежегодный отпуск не менее 30 календарных дней и сокращенную продолжительность рабочего дня для занятых инвалидов I и II групп, выплату пенсий, пособий, различных страховых денежных сумм. Объем материальной поддержки во многом определяется тяжестью инвалидности и заслугами перед государством (табл. 2). Кроме того, инвалидам предоставляется широкий набор льгот и социальных услуг.

Таблица 2. Основные меры материальной поддержки инвалидов и семей с инвалидами в России на 2017 г.

Социальная пенсия по инвалидности
<ul style="list-style-type: none"> • Инвалиды II группы (за исключением инвалидов с детства) – 5034,25 руб. • Инвалиды с детства I группы, дети-инвалиды – 12082,06 руб. • Инвалиды с детства II группы, I группы – 10068,53 руб. • Инвалиды III группы – 4279 руб. <p>Устанавливается при отсутствии страхового стажа инвалидам I, II и III групп, в том числе инвалидам с детства; детям-инвалидам.</p>
Государственная пенсия по инвалидности
<ul style="list-style-type: none"> • Инвалиды вследствие военной травмы (I группы – 300% размера социальной пенсии, II группы – 250%, III группы – 175%). • Инвалиды вследствие заболевания, полученного в период военной службы (I группы – 250% размера социальной пенсии, II группы – 200%, III группы – 150%). • Инвалидам, на иждивении которых находятся нетрудоспособные члены семьи – размер социальной пенсии плюс 1678,08 руб./мес. на каждого инвалида I или II группы; на каждого инвалида III группы – в размере разницы между 250% от размера социальной пенсии, увеличенного на 1678,08 руб., и 125% от размера указанной социальной пенсии (но не более чем на трех нетрудоспособных членов семьи). Право на ее получение имеют: <ul style="list-style-type: none"> √ военнослужащие, ставшие инвалидами в период прохождения ими военной службы по призыву в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин; √ граждане, пострадавшие в результате радиационных или техногенных катастроф, участники Великой Отечественной войны, граждане, награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда»; √ космонавты, ставшие инвалидами вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, связанных с подготовкой или выполнением космического полета.
Трудовая пенсия по инвалидности
<ul style="list-style-type: none"> • Инвалиды I группы: <ul style="list-style-type: none"> без иждивенцев – 9965,80 руб.; с одним иждивенцем – 11626 руб.; с двумя иждивенцами – 13287,74 руб.; с тремя иждивенцами – 14948,71 руб. • Инвалиды II группы: <ul style="list-style-type: none"> без иждивенцев – 4982,90 руб.; с одним иждивенцем – 6643,87 руб.; с двумя иждивенцами – 8304,84 руб.; с тремя иждивенцами – 9965,81 руб.

Окончание табл. 2

<ul style="list-style-type: none">• Инвалиды III группы: без иждивенцев – 2491,45 руб.; <p>с одним иждивенцем – 4152,42 руб.;</p> <p>с двумя иждивенцами – 5813,39 руб.;</p> <p>с тремя иждивенцами – 7474,30 руб.</p> <p>Выплачивается инвалидам I, II, III группы, имеющим хотя бы 1 день страхового стажа, независимо от степени ограничения способности к трудовой деятельности.</p> <p>Если страховой стаж менее 15 лет или необходимая сумма баллов отсутствует (с учетом переходных положений новой пенсионной формулы), этот вид пенсии выплачивается: женщинам до 60 лет и мужчинам до 65 лет, после чего назначается социальная пенсия по старости.</p>
Ежемесячные денежные выплаты (ЕДВ)
<ul style="list-style-type: none">• Инвалидам III группы – 2022,94 руб.;• Инвалидам II группы – 2527,06 руб.;• Инвалидам I группы – 3538,59 руб.;• Инвалидам ВОВ – 5054,11 руб.;• Детям-инвалидам – 2527 руб.• Инвалидам вследствие чернобыльской катастрофы – 2527,06 руб. + ЕДВ за группу инвалидности. <p>Натуральные льготы заменяются ежемесячными денежными выплатами.</p>
Набор социальных услуг
<ul style="list-style-type: none">• 1048,97 руб./ мес. <p>Это часть ежемесячной денежной выплаты (на выбор: в натуральной форме или в денежном эквиваленте).</p>
Пособие по уходу за инвалидом (компенсационная выплата)
<ul style="list-style-type: none">• 1200 руб./ мес. <p>Предназначено неработающим трудоспособным, независимо от родственных связей и совместного/раздельного проживания.</p>
Пособие по уходу за ребенком-инвалидом или инвалидом с детства I группы
<ul style="list-style-type: none">• Родителю (усыновителю) или опекуну (попечителю) – 5500 руб.;• Другим лицам – 1200 руб. <p>Ежемесячные выплаты устанавливаются одному неработающему трудоспособному лицу в отношении каждого ребенка-инвалида или инвалида с детства I группы на период осуществления ухода за ним.</p>
Дополнительное ежемесячное материальное обеспечение
<ul style="list-style-type: none">• 1000 руб. (инвалидам и участникам Великой Отечественной войны; инвалидам вследствие военной травмы; бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания);• 500 руб. (вдовам умерших инвалидов Великой Отечественной войны; лицам, награжденным знаком «Житель блокадного Ленинграда»; бывшим совершеннолетним узникам нацистских концлагерей, тюрем и гетто). <p>Право на него имеют только граждане РФ, независимо от места их проживания.</p>
Федеральная социальная доплата
<ul style="list-style-type: none">• До прожиточного минимума. <p>Устанавливается к пенсии детей-инвалидов и неработающих пенсионеров.</p>

Источник: Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/>

По данным Пенсионного фонда России, с 1 февраля 2018 г. на 2,5% будет проиндексирована ежемесячная денежная выплата (ЕДВ) – самая массовая социальная выплата в России.

Также планируется проиндексировать и входящий в состав ЕДВ набор социальных услуг: с 1 февраля его стоимость составит 1 075 руб. 19 коп. в месяц, в том числе:

- обеспечение необходимыми медикаментами – 828 руб. 14 коп.;
- предоставление путевки на санаторно-курортное лечение для профилактики основных заболеваний – 128 руб. 11 коп.;
- бесплатный проезд на пригородном железнодорожном транспорте, а также на междугородном транспорте к месту лечения и обратно – 118 руб. 94 коп.².

По состоянию на 31 декабря 2016 г. 15,6 млн чел. получили ежемесячные денежные выплаты, дополнительное ежемесячное материальное обеспечение – 0,5 млн чел., компенсационные выплаты по уходу за нетрудоспособными – 1,8 млн чел., выплаты по уходу за ребенком-инвалидом – 0,5 млн чел. Согласно последним данным ПФР, в 2016 г. численность граждан, имеющих право на получение набора социальных услуг, была равна 5 млн чел. (это 41% всех инвалидов), в том числе на получение дополнительного лекарственного обеспечения – 21% инвалидов, на санаторно-курортное лечение – 7%³. Система социальной защиты инвалидов в России развивается и охватывает значительную долю населения. Однако, как было отмечено ранее, она основана на потребностях индивида и практически не учитывает интересы домохозяйств и семей.

Уровень бедности инвалидов по данным выборочных обследований

Для определения уровня бедности в России используются несколько методик: бедность по доходу, по лишениям и по субъективной оценке. **Бедность – домохозяйственный признак, она зависит от размера и структуры домохозяйства.** Домохозяйства с детьми отличаются максимальными рисками бедности. При этом ее вероятность повышается с ростом числа детей [Овчарова, Горина, 2017]. В случае инвалидности одного из членов домохозяйства риски бедности в разы возрастают, так как большинство инвалидов в трудоспособных и детских возрастах являются членами домохозяйств из трех и более человек.

Для анализа уровня бедности инвалидов и домохозяйств с инвалидами в данной статье используется показатель прожиточного минимума (далее ПМ) – официальный критерий определения бедности населения по доходам.

По данным Федеральной службы государственной статистики, за 2016 г. численность населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума в целом по России составила 19,6 млн чел., это 13,4% от общей численности населения (табл. 3).

² Пенсионный фонд России. URL: http://www.pfrf.ru/press_c.enter/~2018/01/29/151928

³ Пенсионный фонд России. URL: <http://www.pfrf.ru/opendata/>

Таблица 3. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в целом по Российской Федерации в 2016 г., 2017 г.

Период	Млн чел.	% от общей численности населения
2016 г.		
I квартал	23,4	16,0
II квартал	19,8	13,5
I полугодие	21,4	14,6
III квартал	18,8	12,8
IV квартал	14,8	10,1
Год	19,6	13,4
2017 г. ¹⁾		
I квартал	22,0	15,0
II квартал	20,2	13,8
I полугодие	21,1	14,4
III квартал	19,2	13,1

1) Предварительные данные.

Источник: Предварительные данные Федеральной службы государственной статистики. URL: gks.ru

Прожиточный минимум рассчитывается отдельно для детей, лиц трудоспособного возраста и пенсионеров. Данный показатель для трудоспособного населения за 2016 г. составлял 10466 руб., или около 34% от средней заработной платы по стране, ПМ пенсионера ниже и составляет 8000 руб., для детей – 9434 руб. Именно эти границы доходов определяют масштабы и глубину монетарной бедности.

Доходы инвалида в значительной степени зависят от государственных трансфертов, их доля в структуре доходов домохозяйств, состоящих только из инвалидов, составляет 85,5% (данные Росстата, Выборочного наблюдения доходов населения и участия в социальных программах за 2015 г.). Основная выплата – это та или иная пенсия по инвалидности, ее размер во многом определяет материальное положение. Пенсия, назначенная инвалидам в трудоспособном возрасте, в более чем 90% случаев является трудовой, то есть предполагает у человека трудовой стаж (данные опроса «Комплексное обследование уровня жизни населения» (КОУЖ) Росстата). Концептуально любая пенсия связана с фактом инвалидности, но не с утратой трудоспособности, так как, согласно пенсионному законодательству, в России пенсии могут получать работающие инвалиды и работающие пенсионеры. При

достижении инвалидом границы официального трудоспособного возраста он/она автоматически становится получателем пенсии по старости (продолжая получать единые денежные выплаты, но формально выбывая из числа получателей пенсии по инвалидности⁴ [Инвалидность..., 2016]. Это может быть трудовая или социальная пенсия по старости, но если инвалид не работает, он будет получать доплату до прожиточного минимума.

Средний размер пенсий, получаемых инвалидами, в номинальном выражении рос с 2010 г. и достиг 17389 руб. к 2017 г. Однако этот публикуемый Росстатом показатель слабо информативен: он смешивает пенсии по инвалидности (трудоспособным по возрасту) и более высокие остальные пенсии (инвалидам старше трудоспособного возраста и пенсии «по заслугам»). Кроме того, публикация без разбивки по возрасту делает некорректным сопоставление этого показателя с прожиточным минимумом. Средний размер ежемесячных денежных выплат по категориям инвалидов также растет (табл. 4).

Таблица 4. Средний размер ежемесячных денежных выплат на человека¹⁾ за счет средств федерального бюджета Российской Федерации в 2011–2017 гг., руб.

Группа	2011	2012	2013	2014	2015 ²⁾	2016	2017
Инвалиды войны	3209	3439	3658	3873	4071	4301	4627
Инвалиды – всего	1502	1604	1696	1787	1868	1953	2098
В том числе:							
I группы	2165	2316	2460	2596	2720	2864	3064
II группы	1518	1629	1732	1833	1935	2025	2179
III группы	1161	1247	1324	1402	1463	1541	1669
Дети-инвалиды	1338	1439	1596	1610	1680	1765	2017

1) по данным Пенсионного фонда Российской Федерации;

2) с 2015 г. – с учетом данных по Республике Крым и г. Севастополю.

Наиболее информативным будет сравнение средних размеров назначенных пенсий по инвалидности и ежемесячных денежных выплат с прожиточным минимумом трудоспособных (табл. 5). На таком агрегированном уровне кажется, что размер выплат обеспечивает преодоление монетарной бедности.

Статистика учитывает все доходы инвалидов, так как разрабатывается на агрегированном, а не индивидуальном уровне.

⁴ Исключение составляют немногочисленные получатели государственной пенсии по инвалидности.

Для определения уровня совокупного дохода и более корректных оценок масштабов и глубины бедности среди инвалидов обратимся к крупным выборочным обследованиям Росстата. Согласно опросу «Комплексное обследование уровня жизни населения» 2016 г., лица с инвалидностью присутствуют в составе 14,3% домохозяйств, из которых 41% состоят из двух, 30% – из одного и 29% – из трех и более человек.

Таблица 5. Средние размеры назначенных выплат инвалидам трудоспособного возраста в 2014–2016 гг., руб.

Показатель	2014	2015	2016
Средний размер назначенных пенсий по инвалидности	6669,2	7209,9	8040,1
% от ПМ трудоспособного	76,8	69,0	75,9
Средний размер назначенных ЕДВ	3873	4071	4301
% от ПМ трудоспособного	44,6	38,9	40,6
Итого средний размер основных выплат, % от ПМ трудоспособного	121,4	107,9	116,4

Анализ состава и структуры домохозяйств с инвалидами и их доходов в зависимости от уровня прожиточного минимума демонстрирует следующие особенности феномена бедности инвалидов (табл. 6). Во-первых, одиночные домохозяйства менее бедны, и чем больше размер семьи, имеющей в своем составе инвалида, тем более высок риск бедности. Во-вторых, доходы зависят от возраста респондента. Так, одиночные домохозяйства инвалидов старше трудоспособного возраста практически не подвержены бедности. То же самое касается домохозяйств из двух человек, поскольку они редко содержат в своем составе иждивенцев (детей). Риски бедности для трудоспособных инвалидов составляют около 30% в домохозяйствах, включающих до трех человек. Домохозяйства из четырех человек часто имеют в своем составе детей, и это резко повышает риски бедности. Значительных гендерных различий по рискам бедности среди инвалидов не наблюдается, но средние оценки могут различаться из-за структурных факторов: в частности, в составе инвалидов старше трудоспособного возраста доля женщин значительно выше, чем мужчин.

Таблица 6. Доля бедных среди инвалидов в разрезе пола, возраста и размера домохозяйства, %

Возраст	Мужчины					Женщины				
	домохозяйства с числом членов, чел.									
	1	2	3	4	5 и более	1	2	3	4	5 и более
Моложе трудоспособного	-	33,5	31,6	60,2	57,7	-	20,7	40,4	76,4	64,5
Трудоспособный	32,7	24,2	34,2	56,4	70,3	30,2	32,0	39,8	57,5	72,5
Старше трудоспособного	2,9	2,9	16,0	26,0	47,2	3,4	6,7	23,0	32,7	42,6

Источник: расчеты авторов по данным КОУЖ (Росстат) 2016 г.

В среднем уровень бедности среди взрослых инвалидов составляет около 20% и слабо зависит от группы инвалидности: бедные составляют 21,7% среди инвалидов самой тяжелой I группы, 19,1% – II группы и 23,4% – самой легкой III группы.

Дефицит дохода или глубина бедности в данном случае измеряется через отношение к величине прожиточного минимума домохозяйства (табл. 7). В среднем 15% домохозяйств инвалидов не хватает более 50% прожиточного минимума для выхода из-за черты бедности. Только четверть домохозяйств инвалидов из числа бедных имеют дефицит дохода менее 10% прожиточного минимума. Чем больше размер домохозяйства, тем выше дефицит дохода.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что, несмотря на все меры государства, уровень бедности инвалидов в России остается высоким. При этом бедность присуща не отдельным инвалидам, а домохозяйствам, в составе которых есть инвалиды. Большему риску подвержены семьи, в составе которых три человека и более, в том числе лица с ограниченными возможностями здоровья. Действующие выплаты не полностью гарантируют инвалидам национально установленный уровень минимальных доходов. Это связано с тем, что они ориентированы на индивидуальных получателей мер социальной поддержки, а не на полные домохозяйства. Кроме того, размеры материальной помощи хотя и дифференцированы по категориям лиц с инвалидностью, но в ее основе лежат не критерии нуждаемости, а принцип «заслуженности».

В частности, наиболее высокие размеры материальной помощи приходится на инвалидов войны. Слабо учитывают выплаты и реальные ограничения трудоспособности инвалидов.

Действующую систему выплат нельзя назвать эффективной с точки зрения преодоления рисков бедности.

Таблица 7. Глубина бедности (% от величины прожиточного минимума среди инвалидов, доходы домохозяйства которых ниже черты бедности, в разрезе возраста и размера домохозяйства), % по строке

Возраст	Состав домохозяйства, чел.	Более 50% ПМ	От 30% до 50% ПМ	От 10% до 30% ПМ	Менее 10% ПМ
Моложе трудоспособного	2	0,0	26,0	36,6	37,4
	3	2,3	32,5	39,1	26,1
	4	14,4	28,7	41,6	15,3
	5 и более	25,7	30,9	30,3	13,1
	в среднем	17,3	30,3	35,9	16,5
Трудоспособный	1	1,5	24,3	66,8	7,5
	2	9,6	20,9	32,2	37,3
	3	14,0	23,4	41,1	21,5
	4	16,6	34,9	31,2	17,3
	5 и более	29,6	18,8	26,0	25,6
	в среднем	16,5	24,2	35,5	23,7
Старше трудоспособного	1	0,0	0,0	19,0	81,0
	2	8,6	15,4	42,6	33,4
	3	11,3	16,1	43,5	29,1
	4	12,5	21,9	45,0	20,6
	5 и более	15,9	18,5	42,1	23,5
	в среднем	11,7	16,5	41,1	30,7
В среднем		14,9	22,1	37,5	25,4

Литература

Бурдяк А. Я., Попова Д. О. Причины бедности семей с детьми (по результатам выборочного обследования домохозяйств Ленинградской области) // SPERO. 2007. № 6. С. 31–56.

Зубок Ю. А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль. 2007. 222 с.

Инвалидность и социальное положение инвалидов. Под ред. Т. М. Малевой / Бурдяк А. Я., Васин С. А., Макаренцева А. О., Хасанова Р. Р., Цацура Е. А. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2017. 256 с.

Колосницына М., Филиппова А. Детские пособия и бедность в России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 4. С. 118–153.

Корнилова М. В. Качество жизни и социальные риски пожилых // СИСП. 2011. № 3. С. 76.

Лежнина Ю. П. Российские пенсионеры: уровень жизни, здоровье, занятость // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М. К. Горшков. Вып. 7. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 178–195.

Лежнина Ю. П. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28.

Овчарова Л. Н. Предложения для стратегии содействия сокращению бедности в современной России // Уровень жизни населения регионов России. 2012. № 10–11. С. 78–89.

Овчарова Л. Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. М.: М–Студио, 2009. 268 с.

Овчарова Л., Горина Е. Развитие адресной социальной поддержки нуждающихся в России: барьеры и возможности // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 5–21.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О. Детская бедность в России: тревожные тенденции и выбор стратегических действий. Доклад ЮНИСЕФ. М.: ЮНИСЕФ, 2005. 24 с.

Положение детей в Российской Федерации. Итоги социальной политики 1990-х годов и перспективы / Пер. с англ. М.: Изд-во «Весь мир», 2003. 304 с.

Смолькин А. А. Бедность и социальный статус пожилых людей в современной России // Мониторинг. 2010. № 3 (97). С. 181–195.

Цацура Е. А., Тындик А. О., Гришина Е. Е. Региональные особенности политики в отношении инвалидов с учетом бюджетной обеспеченности. Препринт. М.: ФГБОУ ВПО Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2015. 89 с.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2003, 231 с.

Статья поступила 02.02.2018.

Summary

Khasanova R. R. Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Makarentseva A. O. Head of Laboratory for Studies of Demography and Migration, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow

Poverty of Disabled People and Households

Our findings evidenced that the poverty level of disabled people is remain to be high despite the government policy regarding poverty and disability. Usually, not only disabled people but households with disabled individuals have high level of poverty. If one of the household's members is disabled, the probability for household to be in the group with the income below poverty line increases dramatically. It is because majority of disabled people (in employable and childhood age groups) are members of households with three and more members. Households with one or two members have lower level of poverty than households with three and more members, particularly, in comparison with households with disabled persons. The probability to be in the group with income below poverty line is 30% for disabled people in employable age from households with three and more members. Often, households with four members have children that increase the probability to be in the group with income below poverty

line. The data derived from surveys is shown that the main disadvantage of Russian government policy related to social care for disabled people is almost fully neglecting specific needs of different disabled groups. Existed payments are oriented to individual recipients of social support rather than whole households.

Disability; household; poverty of population; poverty of disabled; poverty of households with disabled

References

Burdjak A. Ja., Popova D. O. (2007) Prichiny bednosti semej s det'mi (po rezul'tatam vyborochnogo obsledovaniya domohozhajstv Leningradskoj oblasti) *SPERO [SPERO]*. № 6. Pp. 31–56 (In Russ.).

Zubok Ju. A. (2007) Fenomen riska v sociologii. Opyt issledovaniya molodezhi. Moscow, Mysl' Publ. 222 p. (In Russ.).

Invalidnost' i social'noe polozhenie invalidov (2007) Pod red. T. M. Malevoj. Burdjak A. Ja., Vasin S. A., Makarenceva A. O., Khasanova R. R., Cacura E. A. Moscow, Delo Publ. RANHiGS. 256 p. (In Russ.).

Kolosnitsyna M., Filippova A. (2017) Detskie posobija i bednost' v Rossii. *Ekonomicheskaja politika [Economic Policy]*. T. 12. № 4. Pp. 118–153. (In Russ.).

Kornilova M. V. (2011) Kachestvo zhizni i social'nye riski pozhilyh. *SISP [Modern Research of Social Problems]*. № 3. P. 76 (In Russ.).

Lezhnina Ju. P. (2008) Rossijskie pensionery: uroven' zhizni, zdorov'e, zanjatost'. In: Rossiya reformirujushhajasja. Ezhegodnik. Otv. red. M. K. Gorskov. Vyp. 7. Moscow. Institut sociologii RAN Publ. Pp. 178–195 (In Russ.).

Lezhnina Ju. P. (2014) Social'no-demograficheskie osobennosti bednosti v Rossijskoj Federacii. *Sotsiologicheskie Issledovaniia [Sociological research]*. № 1. Pp. 20–28 (In Russ.).

Ovcharova L., Gorina E. (2017) Razvitie adresnoj social'noj podderzhki nuzhdajushhijasja v Rossii: bar'ery i vozmozhnosti. *Voprosy Ekonomiki [Economic issue]*. № 3. Pp. 5–21 (In Russ.).

Ovcharova L. N. (2012) Predlozhenija dlja strategii sodejstvija sokrashheniju bednosti v sovremennoj Rossii. *Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii [Level of life of the population of regions of Russia]*. № 10–11. Pp. 78–89 (In Russ.).

Ovcharova L. N. (2009) Teoreticheskie i prakticheskie podhody k ocenke urovnja, profilja i faktorov bednosti: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt. Moscow. M-Studio Publ. 268 p. (In Russ.).

Ovcharova L. N., Popova D. O. (2005) Detskaja bednost' v Rossii: trevozhnye tendencii i vybor strategicheskikh dejstvij. In: Doklad JuNISEF. Moscow. JuNISEF Publ. 24 p. (In Russ.).

Polozhenie detej v Rossijskoj Federacii. Itogi social'noj politiki 1990-h godov i perspektivy (2003) Per. s angl. Moscow. Ves' mir Publ. 304 p. (In Russ.).

Smol'kin A. A. (2010) Bednost' i social'nyj status pozhilyh ljudej v sovremennoj Rossii *Monitoring [Monitoring]*. № 3 (97). Pp. 181–195 (In Russ.).

Cacura E. A., Tyndik A. O., Grishina E. E. (2005) Regional'nye osobennosti politiki v otnoshenii invalidov s uchetoj bjudzhetnoj obespechennosti. Preprint. Moscow. FGBOU VPO Rossijskaja akademija narodnogo hozhajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF Publ. 89 p. (In Russ.).

Chuprov V. I., Zubok Ju. A., Uil'jams K. (2003) Molodezh' v obshhestve riska. Moscow. Nauka Publ. 231 p. (In Russ.).

Жилищная дифференциация в постсоветской России: институциональный и экономический контекст динамики жилищных групп¹

Т.Ю. ЧЕРКАШИНА, кандидат социологических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет, Новосибирск. E-mail: touch@nsu.ru

В статье представлена динамика численности жилищных групп в постсоветской России в меняющихся институциональных и экономических условиях. Показано, что на первых этапах приватизации разные доходные группы не различались по доле домохозяйств, члены которых приобрели статус собственников жилья, с начала 2000-х гг. в низкодоходной группе доля собственников занимаемого жилья становится меньше, чем в остальных группах. При этом дифференциация доходных групп по обладанию другими жилищными активами сохраняется: среди домохозяйств с высоким доходом владельцев второго жилья в два раза больше, чем среди бедных. Современная жилищная стратификация российских домохозяйств представляет собой совокупность двух крупных срединных групп – собственников только квартир или домов (70%) и множества малочисленных групп: «жилищных меньшинств» квартиросъемщиков внизу стратификации (10%) и владельцев нескольких жилищных активов – на верхних ступенях (16–17%). К срединному слою можно отнести 1,5% домохозяйств, проживающих в несобственном жилье, но владеющих другими жилищными активами.

Ключевые слова: нефинансовые активы, жилищные группы, собственность на жилье, приватизация жилья, жилищная стратификация

В нашей стране за четверть века советская модель, в которой доминировали владельцы домов в частном секторе и обладатели ордеров на квартиры, трансформировалась в модель с собственниками жилья и квартиросъемщиками. Основным механизмом обретения собственности на жилье была его массовая приватизация в 1990-х – начале 2000-х гг. Однако сегодня вступает во взрослую жизнь поколение, не получившее жилья в собственность в ходе приватизации, и нарастающее давление «поколенческого» фактора усугубляется высокой степенью износа жилья [Бурдяк, 2015]. Одним из способов решения квартирного вопроса все чаще

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16–03–00640-а «Структура российских домохозяйств по нефинансовому богатству в динамике: от приватизации к накоплению».

стали называть формирование рынка арендного жилья [Шомина, 2014], которое может привести к увеличению численности коммерческих квартиросъемщиков.

Собственность на занимаемое жилье является значимым критерием выделения жилищных классов, но анализ литературы показывает, что в настоящее время российские социологи выводят данный критерий «за скобки», оценивая неравенство населения России в жилищной сфере преимущественно по размеру занимаемого жилья и его благоустроенности [Бурдяк, 2015; Гасс, 2014; Димова, Ефимова, 2012; Косарева и др., 2015]. Однако в 1990-е годы «имел место величайший передел собственности, совершенный в пользу домашних хозяйств» [Уровень и образ..., 2011. С. 47], и меняющиеся институциональные условия подразумевают включение в состав критериев для выделения жилищных групп не только размер и благоустроенность, но и собственность на занимаемое жилье. И хотя теоретические обоснования для подобного структурирования есть [Айзинова, 2007; Шомина, 2010], количественные оценки численности таких жилищных групп фрагментарны [Богомолова, Черкашина, 2015; Караваева, Черкашина, 2015]. Материалы исследования, представленные в статье, восполняют этот пробел.

Жилье как основа нефинансового богатства домохозяйств

Изучение жилищной дифференциации в разрезе собственности на занимаемое жилье интересно как само по себе, так и в более широком контексте изучения богатства домохозяйств. При всем многообразии трактовок понятия «богатство» для исследований на микроуровне его используют в узком экономическом смысле – оно состоит из элементов, которые имеют определенную экономическую ценность и являются объектом права собственности². Стандартный набор нефинансовых активов домохозяйств включает основное жилье, занимаемое домохозяйством и принадлежащее одному или нескольким его членам; другое жилье, также принадлежащее кому-либо из членов семьи;

² OECD Framework for Statistics on the Distribution of Household Income, Consumption and Wealth. OECD Publishing, 2013. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/framework-for-statistics-on-the-distribution-of-household-income-consumption-and-wealth_9789264194830-en. (дата обращения: 05.09.2016).

другую недвижимость в виде нежилых зданий и земельных участков; транспортные средства и прочие потребительские товары длительного пользования; ценности и объекты интеллектуальной собственности и другие нефинансовые активы³.

Возможны различные варианты классификации объектов нефинансового богатства. Например, Управление национальной статистики Великобритании в обследованиях «Богатство в Великобритании» делит его на собственность (все виды жилья и землю, то есть недвижимость) и физическое богатство (транспортные средства, предметы коллекционирования, предметы длительного пользования и т.п.)⁴.

Существующие на сегодняшний день статистические оценки нефинансового богатства показывают, что занимаемое жилье – самый важный актив в собственности домашних хозяйств в зарубежных странах, хотя существуют различия: доля стоимости основного жилья в совокупных активах колеблется от около 30% в США до более 70% в Словакии⁵. Часть этих межстрановых различий связана с тем, что во второй половине XX века во многих странах мира государство разными способами содействовало тому, чтобы домохозяйства становились собственниками жилья. Так, в Великобритании, реализовавшей программу «Право на выкуп», позволявшей съемщикам жилья, принадлежащего государству, выкупать его по цене, ниже рыночной [Ле Гранд и др. С. 138], рост числа собственников жилья был оценен как «одно из самых значительных изменений двадцатого века» [Stephens et al. P. 3].

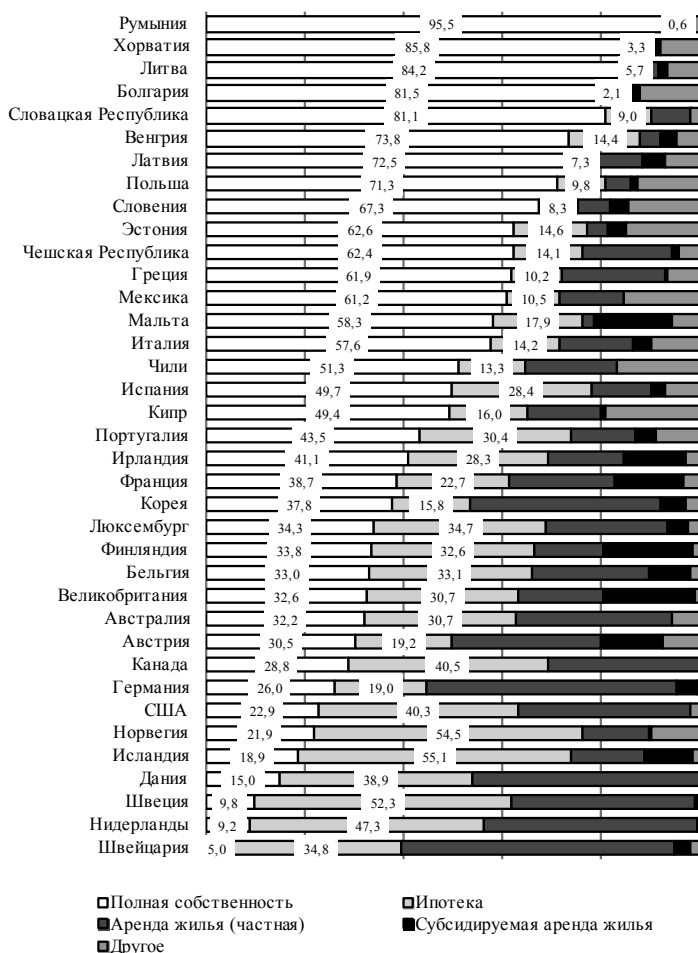
В странах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) доля собственников занимаемого жилья существенно различается (рис. 1): от 39,8% в Швейцарии и 45,0% в Германии (включая полных собственников и владельцев жилья, купленного по ипотеке) до 96,1% в Румынии и 90,1% в Словакии⁶.

³ OECD Guidelines for Micro Statistics on Household Wealth. OECD Publishing, 2013. URL: http://www.oecd-ilibrary.org/economics/guidelines-for-micro-statistics-on-household-wealth_9789264194878-en. (дата обращения: 05.09.2016).

⁴ Wealth in Great Britain. Wave 4, 2012 to 2014 (2015). Office for National Statistics. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160105160709/http://www.ons.gov.uk/ons/rel/was/wealth-in-great-britain-wave-4/2012-2014/index.html>

⁵ OECD. In It Together: Why Less Inequality Benefits All, Paris: OECD Publishing, 2015. URL: <http://s3.documentcloud.org/documents/2084674/in-it-together.pdf> (дата обращения: 22.05.2015).

⁶ New OECD Affordable Housing Database, 2016. URL: <http://www.oecd.org/social/affordable-housing-database.htm> (дата обращения: 07.08.2017).

Источник: OECD. URL: <http://www.oecd.org/social/affordable-housing-database.htm>

Рис. 1. Доля домохозяйств в странах ОЭСР, владеющих или арендующих жилье в 2014 г. (либо по последним имеющимся данным),%

Из стран ОЭСР максимальна доля собственников жилья в бывших социалистических странах, при этом владельцев ипотеки в них меньше. Массовая приватизация жилья в этих странах в 1990-е гг. существенно увеличила число домовладельцев,

при этом до сих пор жилищный статус мало зависит от дохода. Так, если в объединенной Германии среди 20% самых богатых домохозяйств являются собственниками жилья 64,8%, а в нижнем доходном квинтиле – 22,3%, то в Румынии, Хорватии такой дифференциации нет, а в остальных бывших социалистических странах доля собственников жилья среди низкодоходных домохозяйств составляет 70–80%, в высшем квинтиле – 85–95%⁷.

Жилищные стратегии и их результаты

С начала 1990-х гг. в России все жилищные стратегии, программы, проекты были направлены на создание рынка жилья и класса собственников. Приватизация жилья была фактически бесплатной для населения, и сразу проявилась тенденция, при которой «чем лучше по качеству и больше по площади жилье имеет семья, тем активнее ее “приватизационное” поведение» [Бессонова, Крапчан, С. 30–31]. Так, по данным проведенного О.Э. Бессоновой и С.Г. Крапчан исследования, в феврале-марте 1993 г. в Новосибирске доля приватизировавших свои квартиры среди тех, кто обладает отдельной благоустроенной квартирой с числом комнат больше, чем проживающих, составила 44,4%, а среди живущих в коммунальных квартирах – 2% [Бессонова, Крапчан, С. 31].

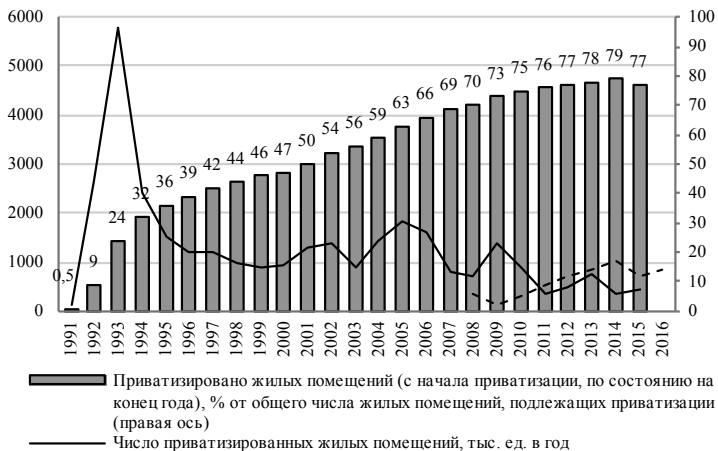
В целом в России с начала приватизации до 1 января 2016 г. было приватизировано 30557 тыс. жилых помещений (77% всех подлежащих приватизации)⁸ (рис. 2). Сокращение темпов приватизации жилья в начале 2000-х гг. совпало с уменьшением объемов его строительства. Возникший в результате приватизации вторичный рынок жилья снижал остроту квартирного вопроса, но не решал его полностью [Пузанов и др., 2011]. А к предоставляемым банками жилищным кредитам россияне относились сдержанно. Это было связано, по мнению экспертов, «не только с отсутствием опыта, культуры и привычки делать столь важные и крупные покупки в кредит, но в большей степени... с явной неадекватностью условий имеющегося на ипотечном рынке предложения» [Ивантер, 2004]: ни сроки, ни стоимость кредитов

⁷ New OECD Affordable Housing Database, 2016. URL: <http://www.oecd.org/social/affordable-housing-database.htm> (дата обращения: 07.08.2017).

⁸ Федеральная служба государственной статистики РФ (2015) Российский стат. ежегодник. 2016: Стат.сб. М.: Росстат. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2016/year/year16.pdf. (дата обращения: 11.08.2017).

не совпадали с возможностями и желаниями большинства потенциальных заемщиков.

Приоритетный национальный проект «Доступное и комфортное жильё – гражданам России» (2006 г.) предполагал выполнение государством обязательств по обеспечению жильем отдельных групп населения, а для остальных – совершенствование рыночных механизмов (увеличение объемов ипотечного жилищного кредитования, рост жилищного строительства и модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры). Развитие ипотечного кредитования можно считать самым успешным результатом проекта [Гонтмахер, 2008]: ставки по ипотеке снизились с 17–19% до 10–14%, уменьшился размер первоначального взноса, упростилась процедура согласования сделок и др.

Источник: Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>; Банк России. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/>

Рис. 2. Динамика показателей приватизации жилья и ипотечного жилищного кредитования в России с начала 1990-х гг., тыс. ед. в год

Хотя экономические кризисы 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. вносили понижающие коррективы в статистику ипотечного кредитования, число предоставленных ипотечных кредитов выросло с 349,5 тыс. в 2008 г.⁹ до исторического максимума в 2014 г. –

⁹ Банк России дает статистику до 2008 г. только об объеме предоставленных ипотечных кредитов, но не их количестве.

1012,8 тыс.; в 2015 г. этот показатель упал до 699 тыс., но уже в 2016 г. вырос до 856,4 тыс. Доля ипотечных кредитов в общем объеме жилищного кредитования увеличилась с 49,4% в 2005 г. до 99,3% в 2016 г.; стабилизация этого показателя на уровне 96–98% наблюдается с 2012 г. Также выросла доля ипотечного кредитования в объеме выданных физическим лицам кредитов: с 3,6% в 2005 г. до примерно 20% в 2014–2016 гг.¹⁰ С 2011 г. количество ипотечных кредитов превышает число приватизированных за год квартир (см. рис. 2): купля-продажа с привлечением заемных средств стала основным механизмом обретения жилищной собственности.

С 2014 г. (в планах – до 2017 г.) запущена новая программа «Жилье для российской семьи» как часть государственной программы РФ «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». Заявленные ее цели – поддержка отдельных категорий граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий, увеличение объемов строящегося жилья в РФ, повышение его доступности за счет снижения средней стоимости одного квадратного метра – отчасти совпадают с целями предыдущего проекта, что косвенно указывает на то, что не все из них были достигнуты. Но проект 2014 г. более конкретен: на его сайте можно найти информацию о жилых комплексах, возводимых в рамках проекта в регионах России; указана целевая группа – граждане в возрасте 25–40 лет, относящиеся к одной из установленных категорий, имеющие постоянную занятость, нуждающиеся в улучшении жилищных условий; зафиксировано, что возводимое жилье относится к экономическому классу (его цена – не более 80% от средней рыночной на аналогичное жилье на соответствующей территории и не превышает 35 тыс. руб./м²)¹¹.

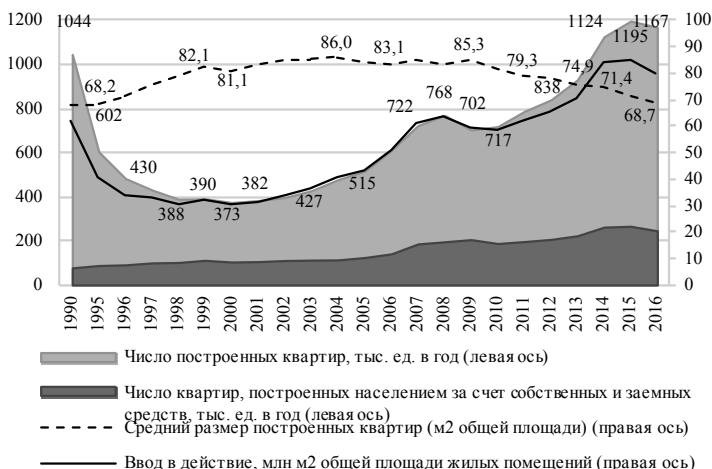
Статистика жилищного строительства свидетельствует о том, что цели программы «Жилье для российской семьи» имеют шанс на достижение. В решении квартирного вопроса в 2010-е гг. Россия

¹⁰ Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России (интернет-версия). Стат. сб. № 1 (2005–2013 гг.) (2014) // ЦБ РФ, Департамент статистики. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=ipoteka>; Сведения о рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования в России (интернет-версия). Стат. сб. № 3 (2011–2015 гг.) (2016) // ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlId=ipoteka>

¹¹ Программа «Жилье для российской семьи». URL: http://xn——7sbaks7aamikcgn.xn—plai/about/general_condition/

обратилась к проверенному рецепту 1950–1960-х гг. – строительству многоквартирных домов, преимущественно в городах. Но если полвека назад экономическая эффективность жилищного строительства достигалась как раз «ускоренными» строительными технологиями (появлением крупнопанельного строительства), то сейчас растет этажность возводимого жилья.

В 1990–2000 гг. число построенных квартир снизилось с 1044 тыс. до 373 тыс., но затем постепенно увеличивалось. Уровень 1990 г. был превышен в 2014 г. – тогда построили 1124 тыс. квартир, в 2015 г. – 1195 тыс., в 2016 г. – 1167 тыс. Доля трехкомнатных квартир среди построенных упала с 42% (1995 г.) до 18% (2015 г.), а однокомнатных – выросла с 18% до 43%. Средний размер построенных квартир увеличился с 68,2 м² в 1995 г. до 83–85 м² в 2010-е гг., однако с 2009 г. средняя площадь новых квартир ежегодно снижалась до 68,7 м² в 2016 г. (рис. 3).

Источник: Росстат. URL: <http://www.gks.ru/>

Рис. 3. Динамика показателей жилищного строительства в России с начала 1990-х гг.

Доля общей жилой площади квартир, построенных в домах из 17 и более этажей, выросла с 12,1% в 2009 г. до 22,4% в 2015 г.¹²

¹² Строительство в России – 2016 // Федеральная служба гос. статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138716432453

Строительная отрасль отреагировала на потребности населения пропорционально платежеспособному спросу: квартиры стали меньше, а дома – выше, что вносит вклад в снижение себестоимости строительства.

О значимости жилья для россиян свидетельствуют результаты других программ. Так, программа поддержки семей с детьми, предполагающая выдачу государственных сертификатов на материнский (семейный) капитал за рождение (усыновление) второго или следующего ребенка, допускает использование этого капитала на улучшение жилищных условий семьи. Именно этот способ стал самым востребованным: за 2007–2016 гг. 91,4% суммы всех осуществленных выплат были потрачены на улучшение жилищных условий¹³, что говорит об остроте жилищной проблемы. При этом российские семьи в три раза чаще прибегают к покупке новой жилплощади, чем к ее строительству, и почти в два раза чаще используют для этого кредитные или заемные средства, которые впоследствии погашают средствами материнского капитала, чем идут на прямую покупку жилья¹⁴.

Жилье в составе нефинансовых активов российских домохозяйств

Статистические показатели жилищной обеспеченности не отражают распространенность владения вторым жильем и концентрацию активов (в разных комбинациях) в частных домохозяйствах. Ответы на эти вопросы могут быть получены при работе с микроданными – результатами обследований домашних хозяйств. Информационная база представленных далее расчетов – Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) НИУ «Высшая школа экономики» за 1994–2016 гг.¹⁵ и Комплексное наблюдение условий жизни населения России (КОУЖ) (Росстат, 2014, 2016 гг.)¹⁶. Эти данные

¹³ Пенсионный фонд РФ. Публичный годовой отчет Пенсионного фонда России за 2016 год. URL: http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Annual_report_2016_3.pdf (дата обращения: 02.10.2017).

¹⁴ Пенсионный фонд РФ (2015) Годовой отчет. 2015. URL: // http://www.pfrf.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension_fund_Annual_report_2015_1.pdf

¹⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/flms/>

¹⁶ Итоги комплексного наблюдения условий жизни населения. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/inspection/itog_inspect1.htm

репрезентируют население России по городским и сельским поселениям с различной численностью населения, по отдельным социально-демографическим группам. Выборка РМЭЗ включает в разные волны обследований 4–6,3 тыс. домохозяйств, но это единственная база данных, позволяющая *в динамике* на уровне отдельных домохозяйств оценить владение нефинансовыми активами, в том числе жильем, в течение двух десятилетий. Тогда как, по данным КОУЖ (выборка в 2016 г. – 60 тыс. домохозяйств), возможно детальное сравнение характеристик жилищных групп.

Обозначим ряд ограничений при работе с этими базами данных в отношении жилья.

1. Из-за разных формулировок вопросов в отдельных волнах РМЭЗ жилищные права на занимаемое жилье описывались с помощью разных шкал. В 1994–2002 гг. шкала строилась из ответов на вопросы: «Жилье, в котором Ваша семья живет в настоящее время, это общежитие, Вы его снимаете или это Ваше жилье?» и «Жилье Вашей семьи приватизированное, частное или неприватизированное, нечастное?». В 2003–2005 гг. вопроса о том, приватизировано ли жилье, в анкете не было, и невозможно определить для этого периода долю домохозяйств-собственников. С 2006 г. респондентов по-прежнему спрашивают о том, живут ли они в общежитии, снимают жилье, а далее – о том, кто является собственником занимаемого жилья.

2. Вопрос о наличии другой квартиры или ее части в неизменной формулировке присутствует в анкетах всех раундов РМЭЗ; при положительном ответе домохозяйство считается владельцем такого актива. Хотя о правах собственности на вторую квартиру респондентов не спрашивают, и теоретически это может быть неприватизированное жилье кого-либо из членов домохозяйства, то есть в статье дается верхняя граница оценки численности собственников вторых квартир.

3. В РМЭЗ до 2000 г. об отдельно стоящих строениях задавали два вопроса: есть ли «садовый домик» или «дача или другой дом». С 2001 г. вопрос стал общим: есть ли «дача или другой дом, часть дома, садовый домик». Для унификации расчетов к владельцам данного актива до 2000 г. причислялись те, кто владел садовым домиком и/или дачей, другим домом.

4. КОУЖ не имеет такой длительной истории проведения; формулировки вопросов о собственности на занимаемое жилье в нем

несколько отличаются от тех, что задаются в РМЭЗ; в КОУЖ в 2014 и 2016 гг. невозможно разделить частных квартиросъемщиков на коммерческих и проживающих в жилье, принадлежащем родственникам, но КОУЖ позволяет более детально представить характеристики занимаемого жилья и других жилищных активов.

5. Базы данных содержат сведения о привлечении заемных средств на текущее или планируемое строительство жилья, взятии ипотечных кредитов в течение последнего года, но не позволяют оценить полную численность домохозяйств, имеющих долговые обязательства, связанные с жильем.

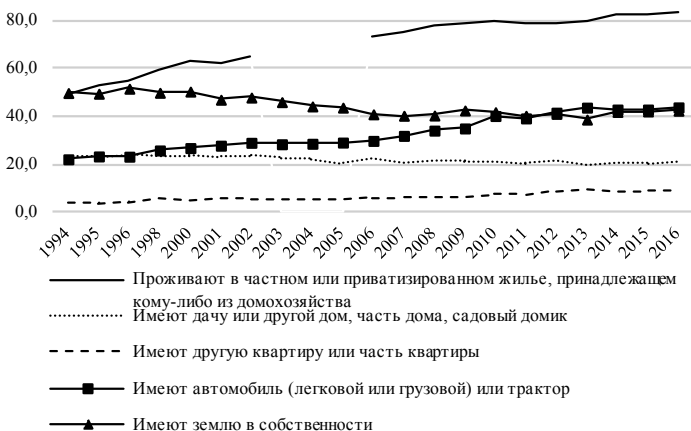
6. В исследованиях собственности и имущества населения единицей счета является, как правило, домохозяйство (и в РМЭЗ, и в КОУЖ); жилье будет считаться собственным, если принадлежит кому-либо из членов домохозяйства (не обязательно всем).

Основная часть результатов представлена по данным РМЭЗ, и, если не оговорено, подразумевается работа именно с этими данными, использование КОУЖ – вспомогательное.

В 1994 г., когда был пройден пик массовой приватизации жилья и земли (1992–1993 гг.), именно эти нефинансовые активы были самыми распространенными: они имелись в собственности у 49–50% домохозяйств (рис. 4). За следующие 20 лет численность владельцев земельных участков сократилась до 42,5%, а занимающих собственное жилье – выросла до 83%. До конца первого десятилетия 2000-х гг. планомерный рост численности владельцев жилья обеспечивался преимущественно его приватизацией, затем их численность в течение 5–6 лет была стабильна, но в последние 3–4 года проявляется эффект роста объемов жилищного строительства и ипотечного кредитования.

Дом на садовом участке был самым стабильным по масштабу распространенности у населения активом в 1994–2016 гг.: среди домохозяйств доля владельцев дач и других домов составляла 20–23%. Наименее распространенным активом в 1994 г. был еще один жилой объект недвижимости в виде отдельной квартиры, комнат(ы) в коммунальной квартире: активом владели 4%, к 2016 г. эта доля удвоилась.

Вторым элементом нефинансового богатства, наличие которого в собственности россиян росло примерно такими же темпами, как собственного жилья, – это автотранспорт. Доля домохозяйств, владеющих им, выросла за двадцать лет с 22 до 44%.

Источник: расчеты автора по данным РМЭЗ.

Рис. 4. Доля российских домохозяйств, обладающих отдельными составляющими нефинансового богатства в 1994–2016 гг.,%

В части обладания жилищными активами есть специфика: в сельских населенных пунктах девять из десяти домохозяйств (88% в 2016 г.) проживали в собственном жилье (для сравнения: в областных центрах – 78%, а в целом в городах – 82%). Однако второе жилье – это городской феномен. Второй дом/дача или еще одна квартира есть у 5–6% сельских домохозяйств и у 26% и 11% городских соответственно.

Если домохозяйство обладает *только одним* из нефинансовых активов, представленных в анализе, то в 1994 г. 54% из них обладали собственностью на жилье, вторыми по распространенности в этой группе домохозяйств были земельные участки – 25,5%, на третьем месте – автомобиль (11,6%). К 2016 г. занимаемое жилье в качестве единственного актива почти вытеснило остальные – им владеют 82% домохозяйств, имеющих только один нефинансовый актив; на втором месте – автотранспорт (13%). В целом, по данным РМЭЗ, в 2016 г. 25% российских домохозяйств обладали собственностью только на занимаемое жилье, не имея других нефинансовых активов.

Динамика численности жилищных групп в России в 1994–2014 гг.

Для представления жилищной стратификации в разрезе собственности на занимаемое жилье мы будем отталкиваться от «социальной жилищной лестницы», предложенной Е. Шоминой. На основе критерия «прав и свобод жителей» она выделяет следующие ступени: на самой нижней находятся бездомные (жители приюта), далее – сквоттеры (захватчики пустующего жилья), обитатели общежитий, квартиросъемщики, члены жилищных кооперативов, собственники квартир в многоквартирных домах, собственники частного дома; на самой верхней ступени – владельцы многоквартирного дома [Шомина Е. С., 2010]. Используемые базы данных не позволяют зафиксировать численность крайних групп этой стратификации, но дают близкие оценки численности остальных (табл. 1 и 2).

Самая многочисленная на данный момент жилищная группа – собственники занимаемых квартир: 57% домохозяйств, по данным РМЭЗ, и 62% – по данным КОУЖ¹⁷. Примерно четверть домохозяйств живет в собственных домах; 8–10% – в жилье, принадлежащем частным лицам – не членам домохозяйства; однако коммерческий наём занимаемого жилья осуществляют 5–5,5% домохозяйств. В жилье, принадлежащем государству (муниципальные квартиросъемщики), проживают 3–4% семей. Соотношение собственников жилья и квартиросъемщиков сближает Россию с бывшими социалистическими странами. Трансформация жилищной стратификации в течение двадцати лет, как показывают данные РМЭЗ, происходила за счет увеличения численности домохозяйств – владельцев квартир (преимущественно через приватизацию), сокращения числа живущих в общежитиях. При этом были относительно стабильны доли коммерческих квартиросъемщиков (4,5–6,5%) и владельцев частных домов (22–26%).

Данные КОУЖ позволяют дать более полную оценку наличия других жилищных активов у российских домохозяйств. В целом, согласно КОУЖ, таковые (квартиры, комнаты в коммунальных квартирах, дома, садовые домики) имеются у 18,8%, из них

¹⁷ За счет разницы в оценке численности именно этой жилищной группы складывается разница в оценке численности домохозяйств, проживающих в собственном жилье в целом. По данным КОУЖ, их примерно на 5 п.п. больше, чем по данным РМЭЗ.

у 9,1% – жилье, пригодное только для сезонного проживания, а у 9,7% есть второе жилье, пригодное для проживания круглый год.

Таблица 1. Численность жилищных групп, различающихся правом собственности и типом занимаемого жилья, 1994–2016 гг., РМЭЗ, % среди домохозяйств

Жилищная группа	1994	1998	2002	Жилищная группа	2006	2010	2014	2016
Живут в приватизированном, частном доме, части дома	22,1	25,9	26,0	Собственники дома, части дома	22,5	23,2	23,4	23,9
Занимают приватизированную, частную квартиру	26,5	33,0	37,9	Собственники квартиры	49,0	54,1	56,7	57,1
Занимают долю частной, приватизированной квартиры	0,4	1,0	1,4	Собственники части квартиры	1,9	1,7	2,6	2,3
<i>Всего проживающие в приватизированном, частном жилье</i>	<i>49,0</i>	<i>59,9</i>	<i>65,3</i>	<i>Всего проживающие в собственном жилье</i>	<i>73,4</i>	<i>79,0</i>	<i>82,7</i>	<i>83,3</i>
				Проживают в жилье, принадлежащем родственникам, но не членам домохозяйства	3,3	3,3	3,7	4,4
Проживают в неприватизированном жилье	40,1	30,7	26,2	Проживают в неприватизированном жилье	12,4	6,8	4,3	4,3
Снимают жилье	5,7	4,8	4,5	Снимают жилье	5,5	6,5	5,6	5,4
				Живут в жилье, принадлежащем другим субъектам	1,4	0,6	1,1	0,6
Живут в общежитии	4,3	4,0	3,2	Живут в общежитии	3,3	2,4	2,1	1,9
Неполная информация о характеристиках жилья	1,0	0,7	0,7	Неполная информация о характеристиках жилья	0,7	1,3	0,5	0,1

Среди собственников занимаемого жилья доля владельцев сезонных и капитальных жилищных строений составляет 10,8% и 9,1%, а среди проживающих в несобственном жилье – 4,6% и 11,1% соответственно. То есть у каждой десятой семьи-квартиросъемщика в собственности есть жилье, в котором можно проживать круглогодично, но в общей численности домохозяйств эта группа составляет лишь 1,4%. И если во всей совокупности домохозяйств только 2,7% имеют доход от сдачи в аренду

собственности, то среди занимающих собственное и имеющих второе жилье, пригодное для проживания круглый год, – 16,4%, а среди квартиросъемщиков, владеющих таким активом, – 9,1%. Можно предположить, что сдача в аренду собственного жилья, приносящая более высокий рентный доход, чем оплата занимаемого съемного жилья, является одной из финансовых стратегий, хотя и для очень малочисленной группы семей.

Таблица 2. Численность жилищных групп, различающихся правом собственности и типом занимаемого жилья, в 2014 г. и 2016 г., КОУЖ, % среди домохозяйств

Жилищная группа	2014	2016
Собственники дома, части дома	25,5	24,8
Собственники квартиры	60,7	62,1
Собственники части квартиры	0,9	1,0
Всего проживающие в собственном жилье	87,1	87,9
Занимают жилье, принадлежащее частным лицам	7,6	7,8
Занимают жилье, принадлежащее государству, муниципалитету	4,6	3,3
Занимают жилье, принадлежащее юридическим лицам	0,5	0,6
Живут в общежитии	0,3	0,4

Если совместить два рассмотренных критерия выделения жилищных групп – право собственности и тип занимаемого жилья и наличие или отсутствие второго жилья, на верхней ступени стратификации будут домохозяйства, занимающие дом или часть дома, которые принадлежат кому-либо из домохозяйства, и обладающие вторым жильем, пригодным для круглогодичного проживания (1,8%). На следующих ниже двух ступенях будут находиться домохозяйства, владеющие занимаемой квартирой и вторым жильем, пригодным для круглогодичного (6,4%) или сезонного (8,3%) проживания. В середине жилищной стратификации расположены две самые многочисленные группы домохозяйств – владельцы занимаемого дома или его части (22,9%) либо квартиры (47,3%), а также малонаполненные группы домохозяйств, имеющих второе жилье, пригодное для круглогодичного проживания, но занимающих жилье, принадлежащее муниципалитету, государству (0,3%) или другим частным лицам (1,1%). И далее вниз располагаются домохозяйства, не имеющие в собственности никаких жилищных активов и занимающие жилье, принадлежащее муниципалитету, государству (2,8%),

частным (6,6%) или юридическим лицам (0,5%), живущие в общежитии (0,4%)¹⁸.

Собственники жилищных активов в составе экономических и демографических групп домохозяйств

На первых этапах приватизации разные доходные группы¹⁹ не различались по доле домохозяйств, члены которых приобрели статус собственников жилья, но постепенно в низкодоходной группе доля собственников занимаемого жилья становится меньше, чем в остальных группах (табл. 3). При этом зафиксированная в середине 1990-х гг. дифференциация доходных групп по обладанию другими жилищными активами сохраняется в течение 20 лет, и среди домохозяйств с высоким доходом владельцев второго дома, в том числе дачи или квартиры (комнаты), в два раза больше, чем среди бедных.

Таблица 3. Доля обладающих собственностью на занимаемое жилье и другие жилищные активы среди домохозяйств с разным душевым доходом, 1994–2016 гг., РМЭЗ, % в группах домохозяйств

Квintильные группы по душевому доходу (в числе региональных прожиточных минимумов)	Собственники занимаемого жилья					Владельцы других жилищных активов	
	1994	2002	2006	2010	2016	1994	2016
1 (с самым низким доходом)	47,4	59,9	67,8	73,2	77,9	18,1	18,4
2	48,0	63,4	76,4	77,5	82,3	22,6	22,2
3	49,4	69,5	75,4	82,6	86,5	25,2	27,1
4	52,9	69,8	73,6	81,7	85,2	28,0	30,8
5 (с самым высоким доходом)	45,5	65,7	74,0	81,2	87,0	36,1	37,3

Ожидаемо, что индивиды или семьи, находящиеся в начале самостоятельной жизни и накопления имущества, отличаются

¹⁸ Суммарная численность названных групп домохозяйств – 98,4%. Остальные 1,6% домохозяйств рассредоточены по жилищным группам (доли – менее 0,2%); это проживающие в несобственном жилье и указавшие на владение другими различными жилищными активами.

¹⁹ Домохозяйства разделены на доходные группы по соотношению душевого дохода и душевого прожиточного минимума, рассчитанного с учетом демографического состава домохозяйства и величин прожиточных минимумов для разных категорий населения в регионах размещения выборки РМЭЗ [Величина прожиточного минимума // Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/30957> (дата обращения: 27.10.2017)].

относительно низкой долей собственников занимаемого жилья. По данным КОУЖ, из одиноких взрослых²⁰ не старше 30 лет проживали в собственном жилье 53,4%, из супружеских пар такого же возраста – 61,4% (в остальных группах домохозяйств – 90,5%). Варианты решения жилищной проблемы для молодых домохозяйств – коммерческая аренда жилья либо проживание в жилье, принадлежащем родственникам. Не позволяя разделить эти виды съема жилья, КОУЖ дает совокупную оценку численности проживающих в жилье, принадлежащем частным лицам: 40,3% среди домохозяйств молодых одиночек, 34,3% – среди молодых супружеских пар и 5,3% – среди остальных домохозяйств.

Наличие второго жилья – «производная» от длительности периода накопления имущества (возраста членов домохозяйства) и семейного состава. Так, из молодых одиночек только 6,3% имеют второе жилье для круглогодичного проживания; среди молодых супружеских пар – 9%, еще 2,3% – пригодное для сезонного проживания (табл. 4). И примерно такая же обеспеченность вторым жильем у одиноких взрослых в возрасте 31–60 лет.

Таблица 4. Доля обладающих собственностью на другие жилищные активы (помимо занимаемого жилья) среди домохозяйств разного демографического состава в 2016 г., КОУЖ, % в группе домохозяйств

Наличие супружеских пар и возраст старшего члена домохозяйства	Владельцы других жилищных активов, пригодных для проживания:	
	сезонного	круглогодичного
Один взрослый в возрасте до 30 лет	1,0	6,3
Супружеская пара, старшему из них менее 30 лет	2,3	9,0
Один взрослый в возрасте 31–60 лет	4,4	7,3
Супружеская пара, старшему из них 31–45 лет	6,3	12,3
Супружеская пара, старшему из них 46–60 лет	11,4	14,6
Один взрослый в возрасте 61 год и более	7,6	3,5
Супружеская пара, старшему из них 61 год и более	17,3	8,9
Супружеская пара и другие взрослые лица	13,3	12,9
Две или более супружеские пары, с другими взрослыми или без них	14,6	14,7
Остальные домохозяйства	9,1	8,1

²⁰ В данной классификации учитывался возраст старших членов домохозяйства, наличие супружеских пар и других взрослых лиц, не учитывалось наличие или отсутствие детей в возрасте до 18 лет.

В группе одиноких взрослых старше 61 года владельцев сезонного жилья больше (7,6%), чем второго жилья, пригодного для проживания круглый год (3,5%). В целом чем старше супруги и чем сложнее демографический состав домохозяйства (наличие других взрослых, кроме супругов, две или более супружеские пары), тем больше в данной категории семей владельцев второго жилья. При этом среди молодых семей соотношение владельцев сезонного жилья и пригодного для круглогодичного проживания – в пользу последних, а среди одиночек или супружеских пар, старшему члену которых более 61 года, преобладают владельцы сезонных строений.

Заключение

Измерение жилищной стратификации вариативно. В статье показана относительная численность российских домохозяйств, различающихся правом собственности на занимаемое жилье и наличием других жилищных активов. Согласно данным Комплексного наблюдения условий жизни населения, примерно 70% домохозяйств занимают принадлежащее им жилье и не имеют других жилищных активов. В нижний слой жилищной стратификации входят живущие в несобственном жилье и не имеющие других жилищных активов – это каждое десятое домохозяйство. Из проживающих в несобственном жилье 1,5% домохозяйств владеют другими жилищными активами. Оставшиеся 16–17% владеют как занимаемым жильем, так и другими жилыми помещениями для сезонного или круглогодичного проживания. В качестве второго жилья дачи, садовые домики сконцентрированы преимущественно в семьях старших возрастов, тогда как относительно молодые обладатели второго жилья предпочитают объекты, пригодные для круглогодичного проживания.

Жилищная стратификация российских домохозяйств предстает при таких критериях структурирования как совокупность двух крупных групп – собственников только квартир или домов – и множества малочисленных групп: как «жилищных меньшинств» внизу стратификации, так и владельцев нескольких активов – на верхних ступенях. Дальнейшая дифференциация двух крупных групп возможна по размеру жилья, его благоустроенности, по времени строительства и состоянию постройки. Различные варианты жилищной стратификации дают многомерное

представление о жилищных отношениях, но такие структурные оценки также компенсируют информационные ограничения.

Общепринятая в статистике развитых стран практика – выделять жилищные слои по стоимости активов – позволяет количественно оценить неравенство. Из открытых данных по России для этого можно использовать лишь данные РМЭЗ (НИУ ВШЭ), в котором с 2000 г. задается вопрос о примерной рыночной стоимости занимаемого жилья, но респонденты из 20–25% семей затрудняются с ответом на него; а отсутствие вопросов о стоимости второго жилья не позволяет дать совокупную денежную оценку всех жилищных активов. То есть для денежного измерения жилищной стратификации отсутствуют полные открытые данные, при этом недостаточна и «оценочная» компетенция респондентов.

Тем не менее на эмпирических данных показана возрастающая значимость жилья как элемента нефинансового богатства российских домохозяйств. В течение постсоветского периода сокращается численность владельцев активов производственного плана (из рассмотренных в данной статье – земля) и растет численность собственников активов потребительского плана (жилье, автотранспорт). И часть домохозяйств использует именно жилье для извлечения рентного дохода.

С ростом значимости жилья в контексте нефинансового богатства острее становится реакция населения на регулирование государством жилищных отношений. Примером может выступать селективное неприятие программы реновации жилья в Москве, подразумевающей масштабный снос домов первых многоквартирных серий с переселением в новостройки. В целом с ростом численности домохозяйств – собственников жилья с середины 2010-х гг. наблюдается активизация фискальной политики государства, которая сама по себе является институциональным условием формирования нефинансового богатства. С 2015 г. в ряде «экспериментальных» регионов налог на имущество рассчитывался по кадастровой, а не инвентаризационной стоимости объекта, что приводило к увеличению его суммы. Ограничение на продажу или иную «смену собственника» дачных участков, не прошедших процедуру определения границ и постановки на кадастровый учет, также потенциально расширяет состав налогооблагаемых активов. Сложные схемы исчисления налогов, обязательства, связанные с обладанием нефинансовой

собственностью, требуют от владельцев повышения финансовой грамотности, которая позволила бы распознать момент, когда собственность из актива превращается в пассив, чтобы выгодно конвертировать одни активы в другие.

Литература

Айзинова И. М. «Жилищный вопрос» в трех измерениях // Проблемы прогнозирования. 2007. № 2. С. 90–115.

Бессонова О. Э., Крапчан С. Г. Участие населения в приватизации жилья // Социологические исследования. 1994. № 8–9. С. 27–40.

Богомолова Т. Ю., Черкашина Т. Ю. Регионально-поселенческие аспекты структуры нефинансового богатства российских домохозяйств // Регион: экономика и социология. 2015. № 1. С. 79–107.

Бурдяк А. Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. 2015. Т. 13. № 2. С. 273–288.

Гасс Т. А. Неравенство населения России в жилищной сфере / XIV Апрельская межд. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества: в 4 кн. / Отв. ред. Е. Г. Ясин; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2014. Кн. 3. С. 581–590.

Гонтмахер Е. Ш. Национальные проекты: первые итоги реализации // SPERO. 2008. № 8. С. 119–134.

Димова Н. А., Ефимова И. А. Жилищная обеспеченность и условия жилья / Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 2 [Эл. ресурс]: сб. науч. ст. / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: НИУ «Высшая школа экономики», 2012. С. 147–169. URL: www.hse.ru/data/2012/08/25/1243030112/Vestnik_RLMS-HSE_2012.pdf (дата обращения: 05.10.2014).

Ивантер А. Еще не наелись // Эксперт. 2004. № 7. С. 46–53.

Караваева Е. Ю., Черкашина Т. Ю. Жилищные отношения, политика и условия // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2015. № 6. С. 118–135.

Косарева Н. Б., Пузанов А. С., Полиди Т. Д. Основные тенденции жилищной экономики российских городов // Городские исследования и практики. 2015. Пилотный выпуск. URL: https://usp.hse.ru/data/2016/11/15/1110398279/USP_eng_pilot-small.pdf. (дата обращения: 19.08.2017).

Ле Гранд Дж., Пронпер К., Смит С. Экономический анализ социальных проблем: учеб. пособие / Пер. с англ. Л. С. Засимовой; под науч. ред. М. Г. Колосницкой; НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2013.

Пузанов А., Косарева Н., Туманов А., Полиди Т. Где нам живется // Эксперт. 2011. № 14. С. 28–34.

Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах. Докл. к XII Междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 5–7 апр. 2011 г. / НИУ «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом ВШЭ, 2011. URL: <https://www.hse.ru/news/science/28230475.html>. (дата обращения: 19.08.2017).

Шомина Е. С. Квартирисьемщики – наше «жилищное меньшинство»: российский и зарубежный опыт развития арендного жилья. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.

Шомина Е. С. Современные домовладельцы в России и за рубежом // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2014. № 3–4. С. 133–144.

Stephens M., Ford J., Spencer P., Wallace A., Wilcox S., Williams P. Housing Market Recessions and Sustainable Home-ownership. York: Joseph Rowntree Foundation, 2008. URL: www.jrf.org.uk/publications/housing-market-recessions-and-sustainable-home-ownership

Статья поступила 13.11.2017.

Summary

Cherkashina T. Yu. Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS. Novosibirsk State University, Novosibirsk

Housing Differentiation in Post-Soviet Russia: the Institutional and Economic Context of the Dynamics of Housing Groups

The article presents the dynamics of the number of housing groups in post-Soviet Russia in changing institutional and economic conditions. Information base of research are data of state statistics, Central Bank of the Russian Federation, the The Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), Comprehensive monitoring of living conditions (Rosstat, 2014, 2016). In the early stages of privatization of different income groups did not differ on the proportion of households whose members have acquired the status of homeowners, since the beginning of 2000-ies in the low-income group, the share of owners occupied housing is smaller than in the other groups. At the same time recorded in the mid-1990s, the differentiation of income groups according to the possession of other housing assets is maintained for twenty years: among households with high income of owners of second homes in two times more than among the poor. Modern housing stratification of Russian households is a combination of two groups in the middle layer – owners only apartments or houses (70%) and many small groups: “housing minority” of tenants at the bottom of the stratification (10%) and owners of several housing assets in the higher levels (16–17%). To the middle layer can be attributed 1.5% of households living in non-own housing, but owning other housing assets.

Non-financial assets; housing groups; ownership of housing; privatization of housing; housing stratification

References

Ajzinova I. M. (2007). «Zhilishhnyj vopros» v treh izmerenijah. *Problemy prognozirovanija*. No. 2. Pp. 90–115. (In Russ.).

Bessonova O. Je., Krapchan S. G. (1994). Uchastie naselenija v privatizacii zhil'ja. *Sociologicheskie issledovanija [Sociological studies]*. No. 8–9. Pp. 27–40. (In Russ.).

Bogomolova T. Ju., Cherkashina T. Ju. (2015). Regional'no-poselenceskie aspekty struktury nefinansovogo bogatstva rossijskih domohozjajstv. *Region: jekonomika i sociologija [Region: Economics&Sociology]*. No. 1. Pp. 79–107. (In Russ.).

Burdjak A. Ja. (2015). Obespechennost' zhil'em v postsovetsoj Rossii: neravenstvo i problema pokolenij. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*. T. 13. No. 2. Pp. 273–288. (In Russ.).

Gass T. A. (2014). Neravenstvo naselenija Rossii v zhilishhnoj sfere. XIV Aprel'skaja mezhd. nauch. konf. po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva: v 4 kn. Otв. red. E. G. Jasin; NIU «Vysshaja shkola jekonomiki». M. Publ. VShJe. Kn. 3. Pp. 581–590. (In Russ.).

Gontmaher E. Sh. (2008). Nacional'nye proekty: pervye itogi realizacii. *SPERO [SPERO]*. No. 8. Pp. 119–134. (In Russ.).

Dimova N. A. Efimova I. A. (2012). Zhilishhnaja obespechennost' i uslovija zhil'ja. Vestnik Rossijskogo monitoringa jekonomicheskogo položenija i zdorov'ja naselenija NIU VShJe (RLMS-HSE). Vyp. 2 [Jel. resurs]: sb. nauch. st. Otв. red. P. M. Kozyreva. M.: NIU «Vysshaja shkola jekonomiki» Publ. Pp. 147–169. Available at: www.hse.ru/data/2012/08/25/1243030112/Vestnik_RLMS-HSE_2012.pdf (accessed: 05.10.2014). (In Russ.).

Ivanter A. (2004). Eshhe ne naelis'. [*Expert*]. No. 7. Pp. 46–53. (In Russ.).

Karavaeva E. Ju., Cherkashina T. Ju. (2015). Zhilishhnye otnoshenija, politika i uslovija. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*. No. 6. Pp. 118–135. (In Russ.).

Kosareva N. B., Puzanov A. S., Polidi T. D. (2015). Osnovnye tendencii zhilishhnoj jekonomiki rossijskih gorodov. *Gorodskie issledovanija i praktiki*. Pilotnyj vypusk. Available at: https://usp.hse.ru/data/2016/11/15/1110398279/USP_eng_pilot-small.pdf. (accessed: 19.08.2017). (In Russ.).

Le Grand Dzh., Propper K., Smit S. (2013). Jekonomicheskij analiz social'nyh problem: ucheb. Posobie. Per. s angl. L. S. Zasimovoj; pod nauch. red. M. G. Kolosnicynoj; NIU «Vysshaja shkola jekonomiki». M. VShJe Publ. (In Russ.).

Puzanov A., Kosareva N., Tumanov A., Polidi T. (2011). Gde nam zhivetsja. [*Expert*]. No. 14. Pp. 28–34. (In Russ.).

Uroven' i obraz zhizni naselenija Rossii v 1989–2009 godah. (2011). Dokl. k XII Mezhdunar. nauch. konf. po problemam razvitija jekonomiki i obshhestva, Moskva, 5–7 apr. 2011 g. NIU «Vysshaja shkola jekonomiki». M. VShJe Publ., Available at: <https://www.hse.ru/news/science/28230475.html>. (accessed: 19.08.2017). (In Russ.).

Shomina E. S. (2010). Kvartiros#emshhiki – nashe «zhilishhnoe men'shinstvo»: rossijskij i zarubezhnyj opyt razvitija arendnogo zhil'ja. M. GU VShJe Publ., (In Russ.).

Shomina E. S. (2014). Sovremennye domovladel'cy v Rossii i za rubezhom. *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija*. No. 3–4. Pp. 133–144. (In Russ.).

Stephens M., Ford J., Spencer P., Wallace A., Wilcox S., Williams P. Housing Market Recessions and Sustainable Home-ownership. York. Joseph Rowntree Foundation Publ., 2008. Available at: www.jrf.org.uk/publications/housing-market-recessions-and-sustainable-home-ownership

Бедность и богатство: восприятие российских интернет-пользователей

С.А. БАРКОВ, доктор социологических наук,

МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: barkserg@live.ru

О.В. ГАВРИЛЕНКО, кандидат социологических наук,

МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ol.gavrilenko2014@yandex.ru

А.В. МАРКЕЕВА, кандидат социологических наук,

МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: anna_markeeva@mail.ru

Е.А. СВЕРДЛИКОВА, кандидат философских наук,

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. E-mail: elena.sverdlikova@gmail.com

В статье на материалах проведенного контент-анализа сообщений в социальных медиа рассмотрены особенности отношения российских интернет-пользователей к проблемам бедности и богатства. Общение в сети предполагает прагматическую направленность. Здесь не обсуждаются общие проблемы социально-экономического и социально-политического характера. Бедность и богатство воспринимаются сквозь призму потребительского поведения с целью поиска возможностей удовлетворения потребностей людей. В интернет-коммуникациях проявляется очевидная негативная оценка бедности, в то время как отношение к богатству и богатым, к социальной дифференциации общества представлено более нейтральными оценками. На первый план в обсуждениях выдвигается возможность поддерживать приемлемый уровень жизни в непростых экономических реалиях. Люди делятся рецептами выживания в условиях резкого сокращения доходов.

Ключевые слова: бедность, богатство, бедные, богатые, интернет-пользователи, социальные медиа, сетевые сообщества, инфляция, неравенство, потребление, зарплата, доход

Бедность как социально-экономическое явление в той или иной степени присуща любому обществу. Формы ее проявления и масштабы распространения могут быть разными. Столь же разнообразны и методы изучения бедности. В настоящем исследовании¹ представлены результаты анализа высказываний россиян в Интернете по поводу особенностей богатства

¹Исследование проводилось в рамках научно-исследовательского проекта «Наблюдая за русскими: экономические реалии», реализуемого на кафедре экономической социологии и менеджмента социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова с 2016 г. Проект ориентирован на изучение различных аспектов экономического поведения россиян, а также восприятие ими разнообразных экономических явлений на основе анализа интернет-коммуникаций. Контент-анализ интернет-пространства как один из этапов данного проекта собирався в сентябре 2017 г. – январе 2018 г. В проекте задействованы преподаватели и магистранты кафедры (Д. Еркина, А. Зинченко, Ю. Иваничева, А. Корастылева, В. Матеева, С. Мурадян, М. Пивоварова, Е. Федорова).

и бедности в стране, отношений между богатыми и бедными, а также факторов, непосредственно воздействующих на данные социальные явления.

Нынешняя социально-экономическая ситуация в стране характеризуется значительным сокращением реальных доходов населения и увеличением бедности. По данным Федеральной службы государственной статистики, в 2014 г. число россиян с доходом ниже прожиточного минимума в России составляло 16,1 млн чел. (11,2% всего населения), в 2015 г. – 19,5 млн чел. (13,3%), в 2016 г. – 19,6 млн чел. (13,4%), в первом полугодии 2017 г. – уже 21,1 млн чел. (14,4%)².

Проблема усугубляется массовым сокращением расходов на оплату труда, затронувшим в 2015 г., по данным социологических исследований, почти 30% российских компаний (чаще всего экономят на рядовых сотрудниках). В 17% организаций заработную плату сотрудникам сократили на 20–30%, хотя ранее о таком масштабе сокращений думали лишь в 13% компаний [Бибков, 2015].

Данные традиционных опросов по проблемам богатства и бедности

По информации ФОМ, население за последние 3–4 года стало менее негативно оценивать динамику своего материального положения: если в декабре 2015 г. и 2016 г. доля лиц, считающих, что их материальное положение за последние два-три месяца ухудшилось, составляло соответственно 49 и 32%, то в июле 2017 г. – 28%. Доля лиц, указывающих, что их материальное положение за последние месяцы практически не изменилось, составила в июле 2017 г. 64% (в конце 2015 г. – 41%, а по итогам 2016 г. – 56%)³. Схожие данные получены при мониторинге социально-экономического положения и социального самочувствия населения России НИУ ВШЭ: в сентябре 2017 г. доля населения, характеризующего материальное положение своих семей как плохое и очень плохое

²Данные Федеральной службы государственной статистики [Эл. ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/# (дата обращения: 20.01.2018).

³Данные опроса Фонда общественного мнения «ФОМнибус», 2015–2017 гг. Опрос граждан РФ от 18 лет и старше. 43 субъекта РФ, 100 населенных пунктов, 1500 респондентов [Эл. ресурс]. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/12462>; URL: <http://fom.ru/Ekonomika/13115> (дата обращения: 11.01.2018).

(бедные по самооценке материального положения), составила 23%, доля семей, испытывающих затруднение с приобретением одежды или продуктов питания, – 38%. По данным мониторинга, с начала 2016 г. отсутствуют статистически значимые изменения в показателях бедности, но к осени 2017 г. увеличилась доля граждан, позитивно оценивающих свое материальное положение: в сентябре 2017 г. 15% опрошенных назвали его хорошим или очень хорошим (в сентябре 2016 г. – 11%) [Овчарова и др., 2017. С. 25].

При этом, по данным исследования Института социологии РАН, доля лиц, экономящих на покупке продуктов питания, а также одежды и обуви, сократилась весной 2017 г. по сравнению с тем же периодом 2016 г. с 51 до 35% и с 61 до 47%⁴.

Важно отметить, что усталость от перманентного кризиса компенсируется тем, что россияне ищут и находят новые источники хорошего настроения. Так, ВЦИОМ в августе 2017 г. зафиксировал исторический максимум уровня счастья у россиян: 84% опрошенных ощущают себя счастливыми (среди респондентов с достатком – 94%, малообеспеченных – 61%). На уровень счастья, безусловно, влияет материальное положение, но важнее наличие семьи (33%), хорошее физическое самочувствие (22%) и дети (14%). Недовольство жизнью связано, прежде всего, с проблемами материального характера (10%), низкой заработной платой (6%), состоянием здоровья (6%) и плохим положением дел в стране (6%)⁵.

Проблема антагонизма богатства и бедности остается по-прежнему актуальной. Так, по данным ВЦИОМ, распределение доходов в нашем обществе большинство соотечественников считают несправедливым (однако за 25 лет эта доля несколько снизилась: с 84% в 1990 г. до 77% в 2015 г.)⁶. При этом 73% россиян полагают, что разница в доходах продолжает увеличиваться, и 63% – что это мешает развитию страны⁷.

⁴Кудрин К. Россияне адаптировались к экономической ситуации // Известия. 2017. 11 июля. [Эл. ресурс]. URL: <https://iz.ru/616017/kill-kudrin/rossiian-spasaet-ogorod> (дата обращения: 15.11.2017).

⁵Счастье в России: мониторинг // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 3431. 2017. 1 авг. [Эл. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116335> (дата обращения: 15.11.2017).

⁶Богатые и бедные – вчера и сегодня // Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2878. 2015. 14 июля [Эл. ресурс]. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317> (дата обращения: 18.12.2017).

⁷Данные опроса Фонда общественного мнения «О бедных, богатых и разнице в доходах». 2017. 18 окт. [Эл. ресурс]. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/13815> (дата обращения: 20.01.2018).

По данным опроса «Левада-центра», напряженность между богатыми и бедными 41% респондентов оценили как «очень сильную» (в 1994 г. – 18%). О «некоторой напряженности» говорят 35% опрошенных (в 1994 г. – 32%), считают ее «не очень сильной» – 14% (в 1994 г. – 30%)⁸. Получается, что 90% опрошенных в той или иной мере признают существование этой проблемы.

Специфика анализа интернет-коммуникаций как метода получения социологической информации

Опрос как метод социологического исследования имеет ряд особенностей: исследователь при общении часто предлагает вопросы респонденту, которые сами по себе у последнего обычно не возникают.

Анализ интернет-коммуникации, в отличие от опроса, представляет собой наблюдение за вербальным поведением и включает только небольшие элементы опросов, причем вопросы формулируют непрофессионалы, исходя из своих интересов. Чаще всего эти интересы далеки от познавательной деятельности ученых и касаются тех аспектов, обладание знанием о которых может помочь людям в разных жизненных ситуациях. Можно сказать, что в этом случае происходит «практическая операционализация» вопросов.

Изучение сетевых сообществ для выявления мнений пользователей актуально, потому что включенность в них создает специфический гибридный мир, в котором живут миллионы людей. Современное состояние включенности людей в социальные медиа (вне зависимости от уровня дохода, профессионального статуса, пола и т.д.) позволяет предполагать, что в сети формируется вполне репрезентативная аудитория, а не отдельные виртуальные сообщества. Изучение этого мира становится в современных условиях важнейшей задачей социологии. Согласно отчету Digital in 2017: Global Overview, из 7,476 млрд населения мира относятся к активным пользователям социальных медиа 2,789 млрд (37%)⁹. По данным Всероссийского омнибуса GfK,

⁸ Лория Е. Богатые стали раздражать россиян вдвое больше // Данные портала Левада-центр. 2016. 26 июля [Эл. ресурс]. URL: <https://www.levada.ru/2016/07/26/bogatye-stali-razdrzhat-rossiyan-vdvoe-bolshe/> (дата обращения: 18.12.2017).

⁹ Обзор «Digital in 2017: Global Overview» [Эл. ресурс]. URL: <https://wearesocial.com/s/blog/2017/01/digital-in-2017-global-overview> (дата обращения: 19.01.2018).

к началу 2018 г. аудитория интернет-пользователей в России среди населения в возрасте 16+ составила 87 млн чел. (72,8%). Так как среди молодежи уровень пользования Интернетом достиг предела 98% (2015 г.), аудитория растет в основном за счет людей старшего возраста. За последний год среди людей в возрасте от 55 лет и старше доля пользователей Интернета увеличилась на четверть, а мобильного Интернета – вдвое¹⁰. По данным ФОМ, на январь 2016 г. 87% всех российских интернет-пользователей посещают социальные сети, при этом доля тех, кто делает это раз в день и чаще, по всем возрастным группам составила 66%¹¹.

Россия признана страной с самой активной интернет-аудиторией: согласно мониторингу Brand Analytics, количество активных авторов в социальных медиа в мае 2017 г. составило 38 млн чел. (они сгенерировали за месяц 670 млн сообщений). Преобладающая доля контента сосредоточена в социальных сетях – 470 737 тыс. публикаций (70,2% от совокупного объема упоминаний в социальных медиа)¹².

Каковы же методологические и методические особенности анализа сообщений в Интернете по проблеме бедности? Во-первых, данная проблема, несмотря на свою актуальность, не является в сети центральной и как самостоятельная не обсуждается. Высказывания о богатстве и бедности возникают в процессе обсуждения других проблем, например, нового закона (поправок к закону), политических новостей, новинок на потребительском рынке и др. Это обусловило сложность и некоторую субъективность определения выборки. В анализе участвовали те сообщества и те темы обсуждения, которые виделись как смежные с проблемами богатства и бедности. При этом за рамками анализа оставались высказывания из различных дискуссий, названия (или общая тема) которых никак не соотносились с предметом нашего исследования.

¹⁰ Игнатъева Н., Федотов А. Проникновение Интернета в России: итоги 2017 года// Пресс-релиз Всероссийского омнибуса GfK. 2018. 16 янв. [Эл. ресурс]. URL: http://www.gfk.com/fileadmin/user_upload/dyna_content/RU/Documents/Press_Releases/2018/GfK_Rus_Press_Release_Internet_Penetration_in_Russia_2017-2018.pdf (дата обращения: 19.01.2018).

¹¹ Данные опроса Фонда общественного мнения 15–19 января 2016 г. «Онлайн практики россиян: социальные сети». 2016. 28 янв. [Эл. ресурс]. URL: <http://fom.ru/SMI-i-internet/12495> (дата обращения: 20.01.2018).

¹² Социальные сети в России, лето 2017: цифры и тренды. 2017. 29 июня. [Эл. ресурс]. URL: <http://blog.br-analytics.ru/sotsialnye-seti-v-rossii-leto-2017-tsifry-i-trendy/> (дата обращения: 20.01.2018).

Во-вторых, в интернет-коммуникациях редко присутствуют нейтральные оценки: как правило, социальные медиа представлены поляризованными точками зрения.

В-третьих, за пределами исследования остались проблемы гастарбайтеров, которые в России сталкиваются с бедностью в ее классическом капиталистическом понимании (мы анализировали только русскоязычные сайты).

Традиционно социологи различают абсолютный и относительный типы бедности. Если взять за основу определение бедности Э. Гидденса (это «условия отсутствия доступа к благам, которые считаются “базовыми” или “нормальными” в обществе» [Giddens, Satton, 2017. С. 103]), то разграничение двух данных типов будет вполне логичным. Понятие абсолютной бедности связано с базовыми условиями существования. Так, люди, испытывающие недостаток в продуктах питания и одежде, живут в абсолютной бедности. И тем не менее исчерпывающие критерии абсолютной бедности отсутствуют, так как определение базовых потребностей зависит от культуры. Поэтому большая часть современных социологов используют понятие относительной бедности, которая соотносится с общим стандартом «нормальной» жизни в конкретном обществе. Основоположником данного подхода считают П. Таунсенда, указавшего, что признаками бедности выступают лишения, которые испытывают бедные семьи и которые в соответствующей культуре рассматриваются как свидетельства бедности [Townsend, 1979, 2010].

По мнению Гидденса, теории, объясняющие феномен бедности, разделяются на «обвиняющие жертву» и «обвиняющие систему» [Giddens, Satton, 2017. С. 104]. В первом случае индивид сам «виноват» в том, что беден: общество предоставило ему шансы на успех, а он, например, из-за лени и имиджа не воспользовался. Во втором случае «виноваты» скорее социально-экономические условия. Как будет показано далее, участники интернет-коммуникаций однозначно относятся к группе обвиняющих систему. В ряде случаев люди, пользуясь анонимностью, откровенно говорят о себе то, что невозможно услышать в реальном общении. Но никто из них не выложил в сеть признания о том, что он сам виноват в своем бедственном положении.

Представляя собой специфическую площадку для обсуждений, Интернет тем не менее не может в полной мере быть назван

«зеркалом» социальной реальности; это – особый гибридный мир. Здесь некоторые вопросы неуместны, а другие обсуждаются под специфическими углами зрения. Часто сообщения возникают спонтанно в ответ на уже опубликованные посты или статьи. При этом обсуждение начинает идти по неожиданным сценариям, а многие логически связанные аспекты проблемы выпадают из поля зрения интернет-пользователей. Общение в сети задает особые ракурсы рассмотрения проблем, не схожие ни с теми, которые присутствуют в научном дискурсе, ни с характерными для реального повседневного общения людей.

О программе исследования интернет-коммуникаций

Объектом нашего эмпирического исследования выступили сообщения (300 информационных блоков) – статьи, посты и комментарии, размещенные пользователями в социальных медиа – социальных сетях, блогах и на форумах, посвященные двум взаимосвязанным темам: 1) «Бедность и бедные в современной России» и 2) «Богатство и богатые в современной России». Предметом исследования послужили оценочные и содержательные мнения авторов сообщений по данным темам. Целью исследования стало выявление особенностей восприятия богатства и бедности, а также богатых и бедных в российском интернет-пространстве. Исследование проводилось в конце 2017 г. – начале 2018 г. методами контент-анализа и качественного анализа интернет-сообщений. Были обработаны сообщения за 2013–2017 гг. и проведены следующие исследовательские процедуры:

- 1) отбор из всей информационной совокупности сообщений по исследуемым темам;
- 2) выделение факторов, объясняющих причины исследуемых феноменов, путем многоступенчатой содержательной группировки соответствующих высказываний в сообщениях;
- 3) выделение (также путем группировки) индикаторов, с которыми у авторов сообщений ассоциируются исследуемые феномены;
- 4) подсчет появления индикаторов в сообщениях (единиц анализа) в количестве слов (единицы счета) и определение их удельного веса в процентах;
- 5) подсчет оценочных характеристик исследуемых феноменов (единиц анализа) в каждом из сообщений (единицы счета) и определение процентного соотношения этих характеристик, в первую очередь, характера оценок – позитивного, негативного или нейтрального;
- 6) качественный анализ наиболее репрезентативных высказываний, различающихся по своим оценочным и содержательным характеристикам.

Выборку составили наиболее часто посещаемые интернет-ресурсы, напрямую не связанные с обсуждением политических проблем, поддержкой определенных политических сил или идеологий.

Были проанализированы статьи из электронного журнала «ВОС» (Вокруг Огромная Страна, <http://w-o-s.ru/>) – аудитория около 80 000 читателей; группа «Лентач» социальной сети «ВКонтакте» (<https://vk.com/public29534144>) – 1 747 655 подписчика; ответы пользователей сайта The Question (<https://thequestion.ru/ru/feed>) – 356665 подписчиков, ежемесячное количество посетителей форума – 41 1954; сообщения и комментарии к ним в форуме Леди@Mail.ru – ежемесячное количество посетителей 15 547 160 чел.; посты и комментарии на сайте PolitUserForum (<https://www.polituserforum.ru/>) – 443 зарегистрированных пользователя, ежемесячное количество посетителей – 4275 чел.; официальная группа сайта «Финансовый гений» ВКонтакте (<https://vk.com/fingeniy>) – 3547 подписчиков; ответы и комментарии к вопросам Ответы.Mail.ru (ежемесячное количество посетителей на январь 2016 г. – 88 163 078 чел., январь 2017 г. – 80 565 522, январь 2018 г. – 69 087 078) и портала «Мировой кризис – хроника и комментарии» (<http://worldcrisis.ru/#>) – 37242 зарегистрированных пользователя. Всего было проанализировано 300 статей и постов и комментариев к ним.

Проблема бедности в российском интернет-пространстве

Первая тема – «Бедность и бедные в современной России» – была ориентирована на наиболее острые социальные проблемы, и собранные по ней материалы задавали содержательные приоритеты всего исследования.

В проанализированном массиве о бедности удельный вес информации, непосредственно затрагивающей проблемы бедности и ее социально-экономического контекста, – всего 16,2%. При этом 58% постов, комментариев и т.д. генерируют женщины. Но небольшой объем информации отнюдь не говорит об отсутствии интереса к проблеме: пользователи социальных сетей рассматривают бедность в более широком контексте, связанном с падением уровня жизни и социально-экономической ситуацией в стране и в мире, а также увязывают ее с определенной причиной падения уровня жизни (например, инфляцией, снижением заработных плат, ростом налогов и т.д.).

В ходе проведенного анализа были выявлены три ключевых фактора, названных пользователями в качестве причин бедности:

- 1) снижение заработной платы, которое влечет за собой толерантное отношение к проблеме «серых» зарплат;
- 2) рост инфляции, «невидимый» официальной статистикой (инфляция приводит к существенному удорожанию стоимости

товаров и услуг, причем не абстрактной потребительской корзины, а к реальному сужению возможностей людей, в результате чего им приходится перестраивать потребительские стратегии);

3) экономическая политика Правительства и Президента РФ (обусловленность проблемы бедности как внешними факторами – мировой политической и экономической обстановкой, санкциями в отношении страны и др., так и внутренними – структура экономики, отсутствие преобразований, коррупция и т.д.).

В проанализированных интернет-форумах превалирует информация по таким индикаторам, как «деньги» (30,7% общего объема информации), «доход» (28,8%), «экономия» (17,0%), «нищета» (16,0%). Таким образом, бедность ассоциируется преимущественно с товарно-денежными отношениями и потребительским поведением и практически не связывается с проблемами миграции, доступа к образованию и вообще с социокультурными факторами (табл. 1).

Таблица 1. Распределение объема и удельного веса информации о бедности и бедных

Индикатор	Объем информации в словах	Удельный вес информации, %
Деньги	1074	30,7
Доход	1008	28,8
Экономия	594	17,0
Нищета	558	16,0
Работающая бедность	150	4,3
Кредит	66	1,9
Бедность и образование	30	0,9
Мигранты	18	0,4
Итого:	3498	100

В процессе анализа был сделан вывод о том, что налицо общее превалирование негативных высказываний о бедности (54,9%). Среднестатистический интернет-пользователь крайне импульсивно высказывает свое негодование по поводу того или иного закона, его отдельной статьи, роста налогов и т.д. Однако значительно число и нейтральных (21,5%), и положительных (23,6%) оценок, которые, правда, относятся не столько к бедности, сколько к бедным.

Негативные оценки связаны в первую очередь с социальной политикой государства, а также с отсутствием социального

партнерства. Тем самым интернет-пользователи в целом относятся к людям, «обвиняющим систему» в том, что касается проблемы бедности. Несмотря на существующую тенденцию к индивидуализму, в общественном сознании со времен СССР осталось иждивенческое отношение к государству, которое обеспечивало людей работой, жильем и т.д. Также пользователи указывают, что общая поддержка действующего Президента и Правительства обусловлена тем, что большинству *«плевать на коррупцию и экономику. Им важны внешнеполитические понты... Люди одобряют действия воровской власти, им нравится этот президент, его друзья, дума, правительство, пропаганда, ненависть к гомосексуалам, мигрантам, Западу»* (Евгения, 38 лет, маркетолог).

Органически продолжает эту критику и переводит ее в более прагматичное русло отсутствие желания сотрудничать с властями. Если государство не выполняет свои обязанности перед народом, то зачем быть законопослушным, в частности, платить налоги? Так, изрядное количество сообщений в сети оправдывают систему нелегальных выплат за труд или «серых» зарплат. Приведем одно из них: *«Учитывая, что пенсии, того и гляди, отменяют, а кредит при нынешней ставке брать бессмысленно, то серая зарплата ничем не плоха. Более того, можно самостоятельно выбрать схему сбережений, чтобы затем более рационально инвестировать их... Плюс к этому для работающих граждан экономически выгоднее не пользоваться государством как посредником, а самостоятельно копить себе на пенсию, оплачивать медицину и т.д.»* (Борис, 46 лет).

В рамках исследования было выявлено очевидное отрицательное отношение общественности к феномену бедности, но к самим бедным и неимущим проявляются жалость и сопереживание. Этим сегодня нередко пользуются мошенники, запрашивая в сети помощь у сердобольных россиян на лечение несуществующих болезней и пр.

Именно в рамках анализа темы бедности и бедных проявилась главная особенность интернет-коммуникаций – органичное сочетание описательности и прагматизма. В Интернете люди прежде всего делятся своим опытом, а не дискутируют на обобщенные наукообразные темы. Они считают, что их опыт может быть интересен другим. Причем в ряде случаев этот опыт пользователь

может просто сравнить с собственным или почерпнуть из него что-то полезное для себя. Людей не интересует абстрактная проблема бедности. Они готовы рассказать о том, как стали бедными, а также поделиться своим опытом выживания в условиях бедности. Часть высказываний носит описательный характер.

«Кризис он как грянул неожиданно, так половина заказчиков отвалилась. А потом вторая волна пошла – и все, вместо хаты в центре – жизнь в области, вместо “Чиваса” – “Столичная”. В первую очередь я отказался от ресторанов. Раньше питался исключительно в них. Потом я в них только ужинал. А потом – все, жрать только дома. Сейчас экономлю вообще на всем. Мне ничего особо не надо. На мясо денег пока хватает, слава богу, на “Столичную” – тоже» (Олег, 30 лет, безработный).

«Вот вам история про бедных людей: нормальную зп порезали на 50%, на аренду [квартиры] уходит 90%, на еду остается 7 тыщ в месяц, и это курочка с макаронами каждый день в лучшем случае и бутылка беленькой по пятницам с друзьями! И никаких поездок, одежды, досуга, развлечений, какое, блин, в кино сходить, щаз, вообще из дома не выйти – за проезд только 2 тысячи в месяц уходит ...Если раньше мог себе позволить сходить в бар с друзьями, сейчас только посиделки по домам, бюджет на такие посиделки 1–2% от оставшихся денег. Одежду не покупаю совсем, эта не порвалась еще» (Сергей, 24 года, геолог).

Наряду с подобными жалобами Интернет наполнен постами, в которых люди описывают, как планируют (или не планируют) бюджет, используют скидочные программы различных компаний, экономят на еде. В этих высказываниях есть реальная прагматическая сторона – возможность что-то позаимствовать из рецептов выживания в условиях хронического безденежья. К этому типу принадлежит большинство высказываний по теме. Приведем некоторые из них.

«Бюджет я особенно не планирую, но есть финт: стараюсь все покупать с кредитки, но не вылезать за грейс. Очень дисциплинирует, учит считать деньги. Сейчас я пробую работать дальше, ну а если не выйдет, то бежать. Никогда не поздно заняться духовным ростом в тихой обители» (Олег, 30 лет, безработный).

«...Стараюсь выбирать время сеанса в кинотеатре преимущественно в ранние часы, так же тщательно подбираю киноленты к просмотру. Часть фильмов смотрю дома, после того как заканчивается их прокат в кинотеатре» (Дарья, 30 лет, ассистент).

«В последнее время я перестала совершать импульсивные покупки...

– перестала покупать каждое утро кофе в Старбакс. Поняла, что небольшие на первый взгляд 300 рублей 5 раз в неделю – это 6000 рублей в месяц!

– урезала бюджет на развлечения, уменьшила количество посещений ресторанов, кафе. Стараюсь не пользоваться столовой в офисе;

– отказалась от покупки колбасы, йогуртов, творожков, снеков» (Дарья, 30 лет, ассистент).

«Первые два года пытался извращаться, готовить что-нибудь вкусненькое – котлеты с начинкой, курицу в каком-нибудь соусе и все такое... Последний год начал покупать макароны и полуфабрикаты – котлеты там, наггетсы, сосиски. В целом, если не выпендриваться, не питаться пельменями “Цезарь” со сметаной из “Избенки”, получается 7000–8000 в месяц на еду... Если с деньгами совсем плохо, покупаю пачку фасоли и тушу ее так же, как макароны, с луком и помидорами... Очень сытно и вкусно» (Яша, студент, 19 лет).

Любопытно, что, несмотря на наличие огромного числа ресторанов с итальянской кухней, где паста – традиционное и не самое дешевое блюдо, в сознании соотечественников еще с советских времен эта еда ассоциируется с отсутствием денег и урезанием бюджета.

Инфляция и бедность глазами интернет-пользователей

Один из интересных аспектов восприятия проблем бедности и богатства – это обсуждение инфляции как фактора, непосредственно влияющего на материальное положение людей. С ней было связано 24,6% информации о падении уровня жизни. В отличие от общего контента о бедности, который, как отмечалось, продуцируют, как правило, женщины, основная часть высказываний об инфляции и подорожании товаров и услуг

в интернет-источниках принадлежит мужчинам (60%). Большая их часть встроена в высказывания на тему «отказа от товаров/услуг/развлечений, доступных ранее» и «положительные/отрицательные отзывы об экономике страны в целом», либо это комментарии к «высказываниям по поводу ухудшения/улучшения условий жизни». Под влиянием кризиса и роста стоимости товаров и услуг пользователи вынуждены были резко снизить импульсные покупки и начать экономить на развлечениях и досуге, а в целом – существенно скорректировали потребительские стратегии. Эти процессы затронули различные половозрастные и доходные группы.

Регулирование инфляции – это значимая составляющая макроэкономической политики государства. Поэтому снижение своего жизненного уровня и общее ухудшение экономической ситуации в стране пользователи связывают с неправильными и неэффективными действиями Правительства и властной элиты в целом, а также с проблемой коррупции.

«Все экономические проблемы в России – следствие неумелого руководства, поэтому и инфляция у нас постоянно высокая. А неумелое руководство сидит вследствие отсутствия конкурентной политической среды... Монополизированная недиверсифицированная экономика, управляемая неучами, никак не может выйти на стабильный рост, что может снизить инфляцию. Честно сказать, экономическими институтами у нас управляют не совсем неучи, а даже, нередко, наоборот, но они связаны по рукам и ногам захватившими власть политиками, которые затащили страну в “голландскую болезнь”, поделили меж собой самые выгодные отрасли и пытаются удержаться за власть, устраивая то аннексии соседних территорий, то войны, что привело к санкциям против нашей страны, снижению инвестиций и растрате средств... Ну и, конечно, про коррупцию надо не забывать: не менее 10%, а скорее всего более, мы почти в каждом товаре имеем коррупционной наценки... Так что пока не появится реальной конкурентной политической среды, которая также способствует демополизации и декорруптинизации экономики, с инфляцией будет у нас полный швах. Всё остальное – полумеры» (Алексей, 39 лет, юрист).

«Я захожу в магазин, чтобы купить мою любимую замороженную пиццу “Ресторанте”. Она стоит 112 рублей. Вдруг меня пронзает мысль: “Надо позаботиться о будущем! Пусть мне будет что есть через три года!” И вместо пиццы я откладываю 112 рублей во вклад на три года. Я уверен, что через три года я сниму эти деньги, пойду в магазин и куплю эту пиццу и еще баночку газировки.

Проходит три года. Проценты каплют. Я снимаю со счета 145 рублей, иду в магазин, а пицца стоит уже 264 рубля. Я уже не могу ее купить на свои сбережения. Ценовая инфляция сожрала мою пиццу и выпила баночку газировки. Может показаться, что всё тлен: инфляция сжирает деньги, ОФЗ дают мизерную доходность, хочется лечь ровно в банковскую ячейку и заснуть летаргическим сном» (Артем, 27 лет, инвестор).

Инфляция как экономическое явление и одновременно недовольство инфляцией как социальное явление сопровождали весь ход хозяйственных преобразований в стране. Темпы инфляции менялись, но никогда не достигали приемлемого уровня. В конце 2017 г. в результате принятых Правительством мер инфляция сократилась до минимального уровня с начала 1990-х годов. Это не могло не сказаться на потребительском поведении. При этом возникает вопрос о том, как это объективное изменение экономической реальности отразится в интернет-коммуникации? Запоздает ли осознание того, что цены стали расти значительно медленнее, в сравнении с реальным положением дел? И если запоздает, то насколько? Или в сети быстро появятся посты, отражающие новые реалии, что называется «с прицелом на будущее», т.е. рецепты выживания в условиях относительно стабильной системы цен? Ответы на эти вопросы могут дать будущие исследования, ориентированные на сравнительный анализ условий жизни и стереотипов восприятия людей в периоды с разными экономическими условиями (уровень инфляции, проценты по кредиту, курс валюты и др.).

Проблема богатства

В отличие от проблемы снижения уровня жизни проблеме богатства и отношения к богатству в сетях уделяется значительно меньше внимания. Из общего объема обработанной информации по богатству только 10,4% обсуждений посвящены напрямую теме

исследования. Анализ удельных весов по каждому содержательному признаку позволяет сделать следующие выводы (табл. 2).

Таблица 2. **Распределение объема и удельного веса информации о богатстве и богатых**

Индикатор	Объем информации в словах	Удельный вес информации, %
Высокие доходы	481	25,4
Моральные качества богатых	350	18,5
Элитарный уровень потребления	290	15,3
Обладание властью	170	9,0
Накопления	165	8,7
Престижность социального статуса	125	6,6
Совокупность социальных связей	112	5,9
Методы достижения богатства	85	4,5
Разрыв между богатыми и бедными	62	3,2
Отношение богатых к бедным	54	2,9
Итого:	1894	100

Наибольшее число упоминаний получил индикатор «высокие доходы» – 25,4%, далее располагаются такие индикаторы, как «моральные качества богатых» (18,5%), «элитарный уровень потребления» (15,3%) и «обладание властью» (9,0%). Наименьшее количество упоминаний касается следующих содержательных характеристик: «методы достижения богатства» – 4,5%; «разрыв между богатыми и бедными» – 3,2% и «отношение богатых к бедным» – 2,9%. В дискуссию об отношении к богатству и богатым одинаково вовлечены как мужчины (48%), так и женщины (46%), еще у 6% пользователей по профилям установить пол не удалось.

На наш взгляд, наиболее значимым результатом исследования стало то, что положительные (49%) и нейтральные (33%) оценки богатства преобладают над отрицательными (18% интернет-пользователей). В проанализированном массиве данных к богатым людям относятся с уважением и одобрением, воспринимая их достаток как вознаграждение за сверхусилия и напряженную работу: «У богатых работы много, по 12 часов» (Иннокентий, 25 лет); «ленивым сложно разбогатеть... Сидючи на диване богатым не станешь» (Анастасия, 31 год); «...Если человек

сумел заработать богатство сам – это сильный человек. Сильных людей надо уважать» (Иннокентий, 25 лет). Такая оценка богатства в российском обществе может свидетельствовать об изменении сознания россиян в сторону принятия формирующихся принципов рыночной экономики и идеи предпринимательства как способа достижения богатства.

Стремление к богатству становится важнейшей жизненной стратегией и побуждает людей больше работать и изобретать самые разные способы для обретения высокого имущественного статуса: *«В любом случае материальное богатство – это цель, о которой мечтает и к которой стремится абсолютное большинство из живущих на земле. Многие стесняются говорить об этом вслух, но внутри себя вынашивают робкие надежды, в конце концов, стать богатыми* (Аноним, 28 лет).

Примечательно, что результаты многих социологических исследований, например, Института социологии РАН «О чем мечтают россияне», подтверждают позитивное отношение к богатству, стремлению к обеспеченной жизни. Самая популярная мечта россиян – «жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, “не считая копейки”» [О чём мечтают россияне..., 2013. С. 22]. Богатство перестает быть жупелом, и с ним, судя по отсутствию соответствующих высказываний, никто не собирается бороться: *«Я совершенно не хочу ничего отбирать например, у известных богатых художников, музыкантов и прочих людей, действительно честно заработавших свое состояние...»* (Вебсталкер, 31 год).

Здесь следует снова обратить внимание на особенности интернет-коммуникации. В личных беседах люди сплошь и рядом ругают богатых, доходит даже до вполне конкретных призывов к «раскулачиванию» олигархов. В принципе, «шариковский» лозунг «Взять все, да и поделить!» не может потерять своей популярности в условиях сильной имущественной дифференциации и ощущения того, что кто-то другой получает доходы, причитающиеся тебе. Но оказалось, что об этом не принято высказываться в сети.

Причины этой «застенчивости» могут быть самыми разными. Одной из них вполне вероятно может служить прозападная ориентация многих протестных сообществ в Интернете: они не хотят иметь ничего общего с коммунизмом и социализмом. Выступая

против российских властей, эти сообщества не могут назвать социальное неравенство как главное зло, так как предлагаемое ими направление социально-экономического развития страны как раз эту проблему решить не сможет: ведь неравенство характерно для всех, даже очень «правильных», с их точки зрения, капиталистических государств. Однако проанализированные сайты, блоги и порталы не имели явной протестной или «прозападной» направленности.

Полученные данные могут свидетельствовать о том, что в условиях реального снижения уровня жизни российских интернет-пользователей в первую очередь волнуют проблемы собственного выживания, поиска способов поддержания сформированных в «тучные нулевые» стандартов потребления, что переводит на второй план обсуждение вопроса о причинах социального расслоения и поиск ответа на извечный вопрос «Кто виноват?». Можно констатировать, что в сети сформировался особый стиль обсуждения проблем, особый дискурс, в рамках которого призывы против богатых оказываются неуместными.

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать ряд важных и интересных выводов.

Во-первых, негативная оценка бедности, демонстрируемая данными мониторингов, так же явно проявляется и в интернет-аудитории, в то время как отношение к богатству и богатым, к социальной дифференциации общества представлено более нейтральными оценками. Проблема справедливого распределения доходов отходит на второй план, а на передний выдвигается возможность поддерживать приемлемый уровень жизни в непростых экономических условиях.

Во-вторых, несмотря на преимущественно негативную оценку деятельности Правительства и понимание отсутствия институциональных преобразований в структуре российской экономики, интернет-пользователи не демонстрируют ярко выраженные протестные настроения. Скорее проблемы бедности и богатства обсуждаются в рамках личных переживаний и опыта пользователей.

В-третьих, общение в сети предполагает прагматическую направленность. Здесь не обсуждаются общие проблемы социально-экономического и социально-политического характера.

Бедность и богатство в анализируемом текстовом массиве воспринимаются сквозь призму потребительского поведения с целью поиска возможностей для удовлетворения потребностей людей.

В-четвертых, население привыкает к перманентному кризису, перестает остро ощущать резкое снижение материального достатка и покупательной способности, оно ищет различные формы адаптации и способы выживания в современных условиях.

Проведенный контент-анализ источников в социальных медиа позволяет также сформулировать исследовательские задачи для дальнейших социологических исследований.

Требует проверки вопрос об отношении к богатым. В условиях углубления социального неравенства важно понять, действительно ли в сознании интернет-пользователей происходит принятие существующего положения вещей, формируется ли более позитивное восприятие богатства и богатых, или же общение в социальных медиа заставляет людей следовать социально одобряемой в сети точке зрения и не высказывать реального отношения к богатым.

Вторым возможным развитием настоящего исследования является лонгитюдный анализ восприятия изменений параметров бедности и богатства интернет-пользователями. Восприятие часто отстает от быстро меняющейся социальной реальности. Здесь можно вспомнить ситуацию начала XXI столетия, когда значительная часть населения в условиях начавшегося экономического роста воспринимала существующее положение как кризис. Однако в ряде случаев люди могут и предугадывать перемены, и высказывать соответствующие предположения. Гибридный мир, созданный интернет-коммуникациями, может позволить реализоваться обеим возможностям, и, с социологической точки зрения, важно понять, какая из этих альтернатив восприятия мира будет более адекватной общению в сети.

Литература

Бибков А. Почти треть компаний заявила о начале сокращения зарплат. Данные портала РБК. 2015. 9 апр. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2015/55267fd09a7947e81040e8f3> (дата обращения: 18.12.2017).

Овчарова Л. Н., Бирюкова С. С., Селезнева Е. В., Абанокова К. Р., Абрамова Н. В. Население России в 2017 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. 2017. нояб. /Под ред. Л. Н. Овчаровой. М., НИУ ВШЭ, 2017. 51 с.

О чём мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. Горшкова, Р. Крумма, Н. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013. 400 с.

Giddens A., Satton P. *Essential Concepts in Sociology*. 2nd Edition. Polity Press, 2017. 240 p.

Townsend P. *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Harmondsworth, Penguin, 1979. 1216 p.

Townsend P. *Meaning of Poverty // The British Journal of Sociology*. 2010. № 61. Pp. 85–102.

Статья поступила 29.01.2018

Summary

Barkov S. A., Markeeva A. V., Gavrilenko O. V., Sverdlkova E. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow

Poverty and Wealth: the Perception of Russian Internet Users

The article presents the results of the content-analysis of messages in social media about peculiarities of Russian Internet users' attitude of to the problems of poverty and wealth. Communication in Internet suggests a pragmatic orientation. It's not a place for discussions of general socio-economic and socio-political problems. Poverty and wealth are perceived through the prism of consumer behavior, in order to find opportunities to meet the needs of people. In Internet communications, there is an obvious negative assessment of poverty, while attitudes toward wealth and rich, towards social differentiation are represented by more neutral assessments. In the forefront of discussions, there is an opportunity to maintain an acceptable standard of living in difficult economic conditions. People share the recipes of survival in the face of a sharp drop in incomes.

Poverty; wealth; poor; rich; Internet users; social media; network communities; inflation; inequality; consumption; wages; income

References

Bibkov A. Pochti tret' kompanii zayavila o nachale sokrashcheniya zarplat. (In Russ.). Available at: <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2015/55267fd09a7947e81040e8f3> (accessed 18.12.2017).

Ovcharova L. N., Biryukova S. S., Selezneva E. V., Abanokova K. R., Abramova N. V. (2017) *Naselenie Rossii v 2017 godu: dokhody, raskhody i sotsial'noe samochuvstvie*. Monitoring. Moscow, HSE Publ. 51 p. (In Russ.).

Gorshkov M. K., Krumm R., Tikhonova N. E., Andreev A. L., Anikin V. A., Barash R. E., Byzov L. G., Lezhnina Yu. P., Mareeva S. V., Mchedlova M. M., Petukhov V. V., Tyurina I. O. (2013). *O chem mechtayut rossiyanе: ideal i real'nost'*. Moscow, Ves' mir Publ. 400 p. (In Russ.).

Giddens A., Satton P. (2017). *Essential Concepts in Sociology*. 2nd Edition. Polity Press. 240 p.

Townsend P. (1979). *Poverty in the United Kingdom: A Survey of Household Resources and Standards of Living*. Harmondsworth, Penguin. 1216 p.

Townsend P. (2010). *Meaning of Poverty. The British Journal of Sociology*. No. 61. Pp. 85–102.

В поисках утраченного равновесия: между государственным регулированием и рыночной неопределенностью

А.В. АЛЕКСЕЕВ, доктор экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирск. E-mail: avale@mail.ru

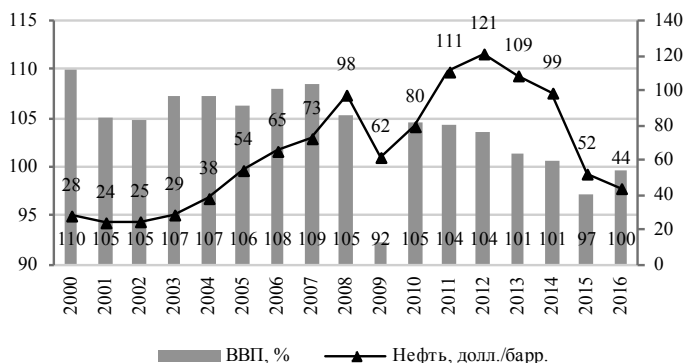
В статье дается характеристика действующей экономической модели развития РФ, доказывається, что попытки ее апгрейда бесперспективны. Обосновывается утверждение, что главной целью экономического развития на среднесрочную перспективу является создание относительно независимой (по критическим технологиям) от мировой экономики национальной экономической системы, способной обеспечить национальный суверенитет. Делается вывод, что российская экономика нуждается в усилении стратегического управления с использованием потенциала рыночного механизма в противовес чрезмерной опоре на рыночные методы с фрагментарными элементами индикативного планирования, как это наблюдается в настоящее время.

Ключевые слова: экономический рост, производство промышленной продукции, инвестиции, модель экономического развития, денежное стимулирование, государственные программы развития

Недоумение российских граждан по поводу качества современного экономического развития все отчетливее трансформируется в раздражение. Да, экономическая модель, обеспечивавшая рост с конца XX в., работать перестала. Но и перехода к новой не намечилось. Объяснения, оправдывающие застой, неубедительны. Цены на нефть действительно упали. Но десять лет назад, когда она стоила столько же, ВВП рос с темпом 6–7% в год. Ничего подобного в последние годы не наблюдается (рис. 1).

Санкции и ограничение доступа к капиталу – фактор значимый, но в контексте российской действительности не столько объясняющий ситуацию, сколько ее запутывающий. Действительно, уже много лет Россия является нетто-кредитором остального мира. Так, чистая международная инвестиционная позиция РФ на начало 2017 г. составляла 222,1 млрд долл. Казалось бы, не хватает финансовых ресурсов – достаточно перестать кредитовать

хотя бы тех, кто поддерживает ограничения на доступ к капиталу. Только в долговых ценных бумагах (в основном правительств ведущих стран Евросоюза и США), которые в любой момент могут быть даже если не аннулированы, то заморожены на неопределенное время, аккумулировано 242,7 млрд долл. (на 01.01.17 г.). За первое полугодие 2017 г. данная позиция возросла более чем на 12 млрд долл.¹ Видимо, санкционные финансовые ограничения не столь уж критичны для российской экономики.

Источник: Росстат. www.gks.ru. Цены на нефть. URL: http://newsruss.ru/doc/index.php/%D0%A6%D0%B5%D0%BD%D1%8B_%D0%BD%D0%B0_%D0%BD%D0%B5%D1%84%D1%82%D1%8C (дата обращения: 05.10.2017).

Рис. 1. Темпы роста ВВП РФ (левая шкала, %) и среднегодовые цены на нефть (правая шкала, долл./барр.) в 2000–2016 гг.

Ограничения на доступ к товарам и технологиям стали вводиться еще в советский период, менялась лишь жесткость их применения. За более чем полвека в России научились хорошо обходить эти ограничения. Они уже давно воспринимаются не как проблема, а как затраты: чем к менее прямым схемам приобретения санкционной продукции или технологий приходится прибегать, тем дороже они обходятся.

Таким образом, *внешние* объяснения современной российской стагнации неубедительны. Впрочем, этот вывод очевиден, если просто обратиться к данным рисунка 1: темпы роста ВВП

¹ ЦБ РФ. URL: http://www.cbr.ru/statistics/? Prtid=svs&ch=ITM_49537#CheckedItem (дата обращения: 05.10.2017).

начали снижаться, когда цены на нефть были на историческом максимуме, а об ужесточении санкций не шло и речи.

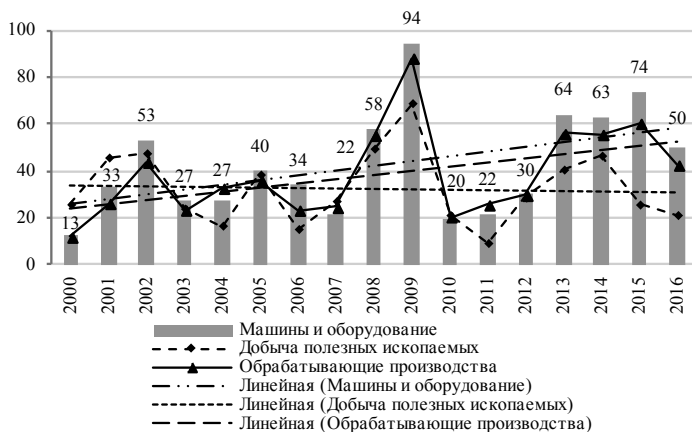
Современная модель российского экономического развития

В 1990-е гг. Россия сделала свой исторический выбор – интегрироваться в мировую экономику на рыночных принципах. В эти годы и начала формироваться постсоветская экономическая модель. **Суть модели – не мешать рыночным силам самим определять приоритеты развития материального производства и сферы услуг. Если они указывают на то, что сконцентрироваться следует на добыче нефтегазовых ресурсов, а на ренту, полученную в результате их реализации на мировом рынке, приобретать продукцию, которую производить в РФ «неэффективно», то так и следует поступать** [Алексеев, 2017].

Последствия этого выбора не заставили себя долго ждать. Выяснилось, что некогда манящий образ глобальной экономики, «оптимально перераспределяющей ресурсы и развивающей производство товаров и услуг там, где это наиболее эффективно», работает весьма избирательно – сильные экономики становятся сильнее, слабые – слабее. Так, еще до кризиса 2008–2009 гг. снижение производства ежегодно наблюдалось по значительному числу видов продукции добывающих производств и еще большему – обрабатывающих. Наиболее остро данная проблема проявилась в производстве машин и оборудования (рис. 2).

Восстановление нефтяных цен в посткризисный период не позволило усвоить полученный урок. Действующая модель развития экономики после кратковременного сбоя заработала вновь. К этому времени российская экономика уже всерьез интегрировалась в мировую, правда, на правах сырьевого придатка, при деградации собственной технологической системы. Так, за 16 лет XXI в. объемы выпуска (выборка по 700 видам) снизились по 1/5 видов продукции добывающих производств, 1/3 обрабатывающих и 40% машин и оборудования².

² Рассчитано по ЦБСД Росстата. URL: www.gks.ru

Источник: Росстат. ЦБСД. URL: www.gks.ru (дата обращения: 10.06.2017).

Рис. 2. Снижение производства по видам экономической деятельности в 2000–2016 гг., % от числа позиций

В поисках новой модели экономического развития

В настоящее время уже почти никто не отрицает, что действующую модель надо менять, и даже есть понимание, к чему стремиться: к инновационной модели развития. Проблема в том, что глобальная экономика организована по классическому принципу: «вход – рубль, выход – два». Как только Россия перестала безоговорочно подчиняться правилам глобальной экономики, последняя стала постепенно исключать ее из международных цепочек создания стоимости, вводя различные тарифные и нетарифные ограничения, штрафы, санкции и т.п. Сознательно провоцируемое обострение социально-экономических проблем направлено на то, чтобы вернуть российскую экономику на «магистральный путь» интеграции ее в мировую.

Россия вплотную подошла к рубежу, на котором необходимо делать выбор: продолжать встраиваться в глобальную экономику (подчиняться ей) или ориентироваться на создание многополярного мира. На декларативном уровне этот выбор уже сделан, на экономическом – нет. Действительно, ориентация на многополярный мир в экономическом смысле предполагает разработку (и реализацию) стратегии если и не создания параллельной «полуглобальной»

экономики, то, во всяком случае, формирования ключевых элементов такой экономики, достаточных для того, чтобы другой центр силы не мог просто «выключить» Россию из системы мирохозяйственных связей. Пока сколько-нибудь системных решений здесь нет. Соответственно, если действующая экономическая модель как-то и адаптируется к внешним шокам, то происходит это в режиме стихийного апгрейда того формата развития, который необходимо не улучшать, а менять. И ситуация усугубляется: рынок продолжает посылать сигналы, что российской экономике следует продолжить интеграцию в мировую, причем на более низком качественном уровне. В частности, стало сложнее интегрироваться в мировые цепочки создания стоимости при производстве продукции высоких технологических переделов – нам предлагают приобретать готовую продукцию (которая пока не находится под санкционными ограничениями).

Основное противоречие заключается в том, что обострившиеся проблемы стратегического развития российской экономики на современном этапе продолжают решаться неадекватными их сложности рыночными методами. Рыночный механизм хорош для определения эффективности инвестиций на кратко- и среднесрочном временном горизонте. В долгосрочной перспективе он работает существенно хуже, а в условиях весьма далекой от идеала российской институциональной системы не работает вовсе.

Идеологическое обоснование доминирования в системе принятия решений рыночного подхода не меняется уже четверть века: почему российский потребитель должен «страдать», приобретая менее качественную и дорогую продукцию отечественного товаропроизводителя при наличии более конкурентоспособной продукции иностранного? Обратная сторона медали – потребителем в общем случае можно быть, лишь предварительно став производителем, – остается в тени. А как стать производителем, если сильный иностранный товаропроизводитель легитимизирован в праве уничтожения слабого отечественного? При этом сильным иностранный товаропроизводитель стал в результате его поддержки всей мощью своего государства. Российскому же производителю в рамках либеральной экономической идеологии в этом праве отказано.

Основной целью экономического развития на среднесрочную перспективу является создание относительно независимой (по критическим технологиям) от мировой экономики национальной экономической системы, способной обеспечить национальный суверенитет. Данная формулировка отличается от представленной в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ» и приложении к ней («Основные параметры прогноза социально-экономического развития РФ на период до 2020-2030 гг.»), которая звучит так: «Стратегической целью развития РФ является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, с привлекательным образом жизни, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан. В 2015-2020 гг. Россия должна войти в пятерку стран-лидеров по объему ВВП (по паритету покупательной способности)»³. События последних лет показали, что позиционирование в «статусе ведущей мировой державы» уже невозможно без достижения относительной независимости от других экономик современного мира.

Решаема ли эта задача в принципе? На первый взгляд – едва ли. Действительно, воспроизвести в не самой крупной экономике существенную часть спектра технологий, определяющих формат современного мира, представляется не слишком реальной задачей. Правда, в рамках данного подхода невозможно объяснить уровень технического оснащения российской армии. Если страна не обладает передовыми технологиями и не имеет возможности их импортировать, ее боевая техника не может представлять серьезной угрозы для более развитых стран. В российском случае это определено не так. Из методологии научного познания известно – если хотя бы один факт не соответствует теории, это означает, что данная теория либо не верна, либо является лишь частным случаем более общей теории.

³ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р (ред. от 08.08.2009 г.) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

К тому же задачу создания относительно независимой экономики не следует понимать догматически. Речь не идет о воспроизведении всех существующих (и разрабатываемых) в мире технологий в одной отдельно взятой стране. Достаточно обладать лишь ключевыми. Решение этой задачи лишает смысла попытки иных центров силы изолировать Россию. Обладание ключевыми технологиями означает, что такая политика приведет лишь к увеличению множества уже освоенных технологий.

Если задача освоения в России ключевых для современного мира технологий в принципе решаема (обратное так и не доказано), то проблема эффективности такой экономики остается. Считается, что разработка прорывной технологии в рамках национальной экономики зачастую нерентабельна. Затраты на ее создание настолько велики, что не могут окупиться без выхода на мировой рынок. Понятно, что чем больше рынок для технологии, тем выше эффективность затрат на ее создание. Тем не менее для России, обладающей крупным национальным рынком, это ограничение не столь критично, как для большинства стран. Главное же в том, что поле для маневра здесь становится все меньше. Проблема все в большей степени смещается из плоскости «Что эффективнее: самостоятельно развивать технологии или заимствовать их из-за рубежа?» в зону «Возможно ли обладать суверенитетом, не развивая данные технологии?».

Российская экономика нуждается в усилении стратегического управления с использованием потенциала рыночного механизма, а не в рыночном подходе с элементами индикативного планирования, как это происходит в настоящее время. Необходимо ясное понимание того, какую технологическую систему мы хотим иметь в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе.

Нельзя сказать, что такое видение полностью отсутствует. В многочисленных стратегиях и ФЦП много правильных мер по созданию относительно независимой экономики инновационного типа. Но в основе их – не государственное, а какое-то обывательское представление об источниках реализации этих планов: «Есть деньги – строим инновационную экономику, нет – не строим».

Существуют ли объективные признаки того, что российская экономика адаптируется к новым реалиям, и, главное, достаточны ли генерируемые ею ресурсы для поддержания национального суверенитета и темпов технологического развития?

Адаптация к новым реалиям

Воспользуемся данными **Доклада о глобальной конкурентоспособности за 2017–2018 гг.**⁴ Доклад, как признается экспертным сообществом, в настоящее время представляет наиболее полный комплекс показателей конкурентоспособности (оценка производится по 114 параметрам) по 137 странам мира. Он позволяет в рамках единой методологии оценивать качество развития не только национальной экономики, но и сопоставлять достигнутые результаты с уровнем других стран.

На первый взгляд, достижения России очевидны – за 12 лет конкурентоспособность российской экономики повысилась в некотором смысле вдвое (с 75-го места в мире в 2005–2006 гг. до 38-го в 2017–2018 гг.). Радость от достигнутых результатов, правда, быстро сменяется недоумением: когда страна занимала 65–75-е места в мировом рейтинге конкурентоспособности, темпы роста промышленного производства составляли 5–8% в год, а когда она по уровню конкурентоспособности вошла в первую полусотню стран мира, темпы прироста производства снизились до 1–2%, а в 2015 г. и вовсе ушли в отрицательную область (рис. 3).

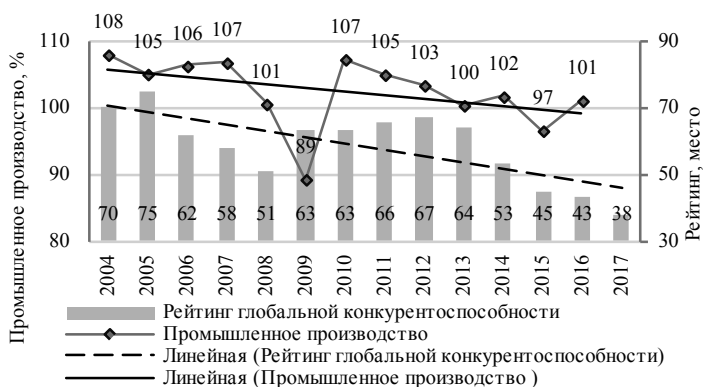

Рис. 3. Конкурентоспособность экономики РФ (правая шкала) и динамика промышленного производства в 2004–2017 гг. (левая шкала)

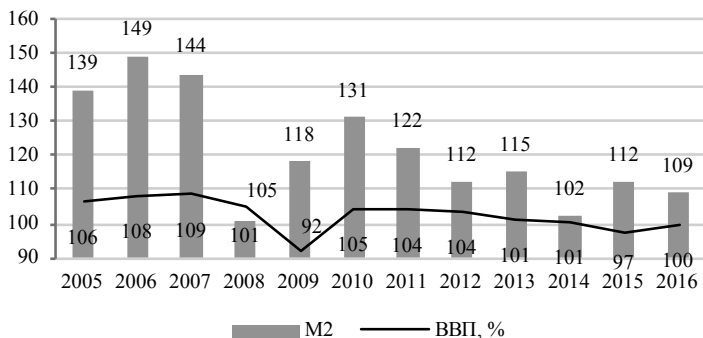
⁴ The Global Competitiveness Report 2017–2018. URL: <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017–2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>

Такая странная корреляция хорошо объяснима в рамках рассмотренной модели экономического развития. Действительно, для экономики ресурсного типа конкурентоспособность производств обрабатывающего сектора и сферы услуг вторична. Поступающие рентные доходы позволяют заместить продукцию *неэффективного* национального производителя импортной, а высвобождающуюся при этом рабочую силу – перенаправить в сектор неторгуемых услуг.

Обратим внимание, что высокие цены на нефть сохранились до 2014 г. Российские же темпы экономического развития начали снижаться с 2012 г. Именно в этом году цена на нефть достигла своего исторического максимума, хотя темпы прироста ее стоимости заметно снизились. С 2013 г. началось ускоряющееся снижение цен на нефть. Таким образом, для темпов российского экономического роста оказались важными не столько абсолютная величина стоимости нефтегазовых ресурсов на мировом рынке, сколько темпы их изменения (см. рис. 1). В этом нет ничего удивительного, так как спрос и подтягивающееся к нему предложение (задающее экономический рост) формируются не непосредственно на основе цен на нефть, а через денежное предложение, которое как раз и определяется нефтяными ценами.

Действительно, доходы нефтегазового сектора конвертируются в рубли. Если Центральный банк не вмешивается в этот процесс, валюта реализуется на рыночных принципах. Большой (и растущий) объем валюты при относительно фиксированной рублевой массе ведет к скорому укреплению рубля. Российское государство, несмотря на риторику и действия, основанные в немалой степени на либеральной идеологии, в данном вопросе все же пытается как-то ограничить «рыночные силы». Происходит это в режиме покупки валюты Центральным банком как для собственных нужд (создание золотовалютных резервов), так и потребностей Министерства финансов (пополнение Резервного фонда и Фонда национального благосостояния).

За ростом/снижением $M2$, в свою очередь, с лагом в один год следует рост/снижение ВВП (коэффициент корреляции с учетом годового временного лага – 0,9) (рис. 4).

Источник: ЦБ РФ. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtlD=ms&Year=2005> (дата обращения: 05.10.2017).

Рис. 4. Индексы роста денежного агрегата М2 и ВВП в 2005–2016 гг.,%

Достаточно ли для активизации экономического роста столь простой меры, как смягчение денежной политики, – предмет отдельной большой дискуссии, расколовшей академическое [Алексеев, 2015; Баранов, Сомова, 2015] и банковское сообщества [Кудрин и др., 2017]. Не вдаваясь в дискуссию, все же отметим, что когда прирост денежной массы составлял 40–50% в год, темпы прироста российского ВВП равнялись 8–9% в год, а когда прирост М2 сократился до 10–12%, ВВП расти перестал.

Даже если допустить, что контролируемая целевая денежная эмиссия способствует экономическому росту, то из этого вовсе не следует, что она обеспечивает требуемое качество этого роста. Формат экономического роста задается не масштабами денежного предложения, а осознанным (или нет) выбором: продолжать встраиваться в глобальную экономику или создавать свою относительно независимую, взаимодействуя с мировой экономикой уже по своим, а не по ее правилам. По сути, это реинкарнация рассмотренного выше вопроса, на который Россия как будто ответила еще в начале 1990-х гг.: «На какой из фундаментальных основ должна развиваться современная экономика: сознательном управлении или на рыночных принципах?».

Исторический опыт показывает, что противопоставление этих основ приводит к не лучшим результатам. Гипертрофирование роли сознательного фактора в управлении экономическим

развитием привело к краху плановой экономики советского типа. Опора на рыночные силы, которые сами генерируют цели экономического развития и сами же создают условия для их достижения, привела к закономерному результату – российская экономика стала быстро форматироваться под потребности мировой. А векторы, задаваемые интересами развития национальной и глобальной экономик, едва ли могут совпадать даже теоретически. Для России они заведомо существенно различны.

Вывод очевиден – необходимо сочетать оба фактора. **В среднесрочной перспективе следует ожидать усиления сознательного целеполагания в управлении отечественной экономикой. Здесь важно «не выплеснуть вместе с водой ребенка» – задача состоит не в том, чтобы уйти от не слишком адекватного российским реалиям механизма «невидимой руки» рынка, а в том, чтобы эта «рука» работала на повышение эффективности сознательно принимаемых управленческих решений. В этом и состоит основа новой российской экономической модели развития.** На какие системные свойства отечественной экономики при реализации этого подхода можно опереться? Вернемся к данным доклада.

По методологии расчета Индекса глобальной конкурентоспособности (ИГК) конкурентоспособность национальной экономики рассчитывается как взвешенная по специальной методике величина трех групп факторов – базовых требований, факторов эффективности и инновационного потенциала, структурированных по 12 категориям, называемым *основами*, или «краеугольными камнями» конкуренции. Это *базовые требования* – качество институтов, инфраструктура, макроэкономическая стабильность, здоровье и начальное образование. *Факторы эффективности* – высшее образование и профессиональная подготовка, эффективность рынков товаров и услуг, а также труда, развитость финансового рынка, уровень технологического развития, размер внутреннего рынка. *Факторы инновационности и конкурентоспособности* – конкурентоспособность компаний, инновационный потенциал. Для каждой из *основ* выбран свой набор показателей. Например, качество институтов определяется по 22 параметрам. Кроме того, показатели по отдельным странам получают экспертную оценку.

Большое количество показателей позволяет выявить как сильные, так и слабые стороны российской экономики. Хуже всего обстоят дела с рыночными основами (на которые до последнего времени делалась ставка по развитию экономики), лучше – при всей условности такого разделения – с основами, за которые государство отвечает вне зависимости от того, хорошо развита рыночная инфраструктура или нет. Так, по методологии расчета индекса, в России ужасные институты (83-е место в мире), не многим лучше организован рынок товаров и услуг (80-е), совсем плохо развит финансовый рынок (107-е), большие проблемы с эффективностью рынка труда (60-е место). Конкурентоспособность отечественных компаний (71-е место) на таком фоне уже не вызывает удивления.

Ситуация со второй группой факторов несколько лучше. По уровню развития инфраструктуры Россия находится на 35-м месте. Оценка здоровья населения и качества начального образования невысока (54-е), зато уровень высшего образования и профессиональной подготовки оценивается заметно выше (32-е). Не вызывает гордости технологический уровень отечественного производства (57-е), тем более неожиданна оценка инновационного потенциала российского бизнеса (49-е место). Практически для всех *основ* конкуренции за последние 10 лет характерен заметный прогресс (рис. 5).

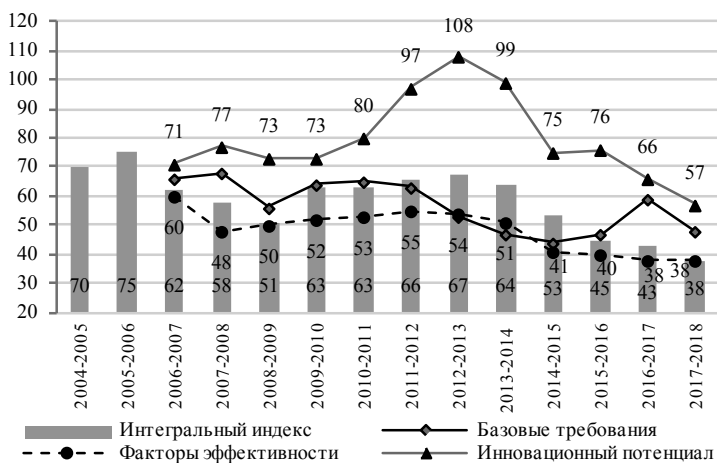

Рис. 5. Показатели конкурентоспособности экономики РФ в 2004–2018 гг., место в мире

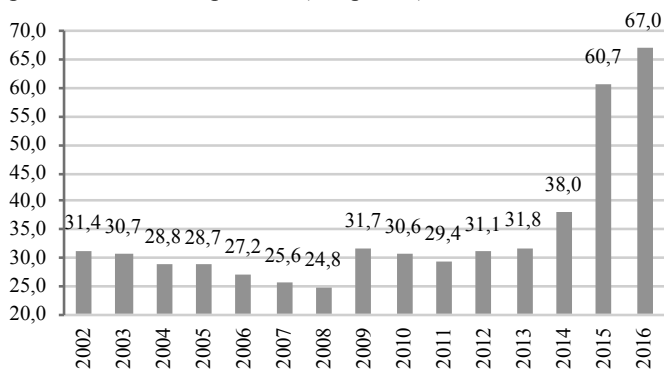
Интерпретировать данную динамику можно следующим образом. В 2006–2008 гг. российская экономика стала воспринимать сигналы глобальной и быстро адаптироваться под ее правила. Очень скоро мировой кризис 2008–2009 гг. показал, что такая адаптация стоит недорого – отечественная экономика вновь оказалась на позициях, с которых начинала подстраиваться под глобальную экономику. На протяжении последующих четырех лет в экономике происходили противоречивые процессы, равнодействующая которых выразилась в том, что ее конкурентоспособность практически не менялась.

Особенно интересен 2013 г. Цены на нефть здесь уже не на историческом максимуме, но все еще очень высоки, до «украинского обострения» еще целый год. Российская экономика начинает очередной раунд настройки на нужды глобальной экономики. Ее конкурентоспособность вновь начинает расти. Для российских резидентов этот факт, впрочем, остался незамеченным. Заметили они другое – снижение темпов роста ВВП и реальных доходов, что мы связываем с резким ужесточением денежного предложения с 2012 г. (см. рис. 4).

Но по-настоящему переломным стал 2014 г. Именно с этого периода конкурентоспособность российской экономики начала быстро расти. Здесь большой соблазн объяснить все резким падением рубля (рис. 6). Однако в методологии расчета ИГК данный фактор напрямую соотносится лишь с конкурентоспособностью компаний и развитостью финансового рынка, где ситуация действительно улучшилась. Но улучшалась она и по всем остальным факторам (за исключением показателя *макроэкономической стабильности*), причем не меньшими темпами.

Общий вывод, по-видимому, следующий. Российская экономика способна достаточно быстро адаптироваться к меняющимся условиям внешней среды. Проблема в том, что она уже второе десятилетие не может определиться с направлением, в котором ей двигаться. Сначала она ищет свое место в глобальной экономике в формате «энергоресурсы в обмен на продукцию обрабатывающих производств», отпуская собственную обрабатывающую промышленность на волю рыночных волн с напутствием – «Пусть выживут наиболее эффективные». Снижение нефтегазовых цен в 2009 г. дает первый сигнал, что с такой стратегией легко остаться без становящегося все более критичным импорта. Сигнал

не воспринимается, так как теоретический постулат – «Будем экспортировать продукцию выживших и, следовательно, эффективных обрабатывающих производств» – еще не подвергается серьезной проверке практикой, к тому же нефтяные цены начинают быстро восстанавливаться, что снижает остроту проблемы. Антирекорд инновационного потенциала отечественных компаний (108-е место в мире, см. рис. 5) в 2012 г. остается незамеченным – какой это может представлять интерес, когда нефть стоит так дорого, как никогда раньше (см. рис. 1).

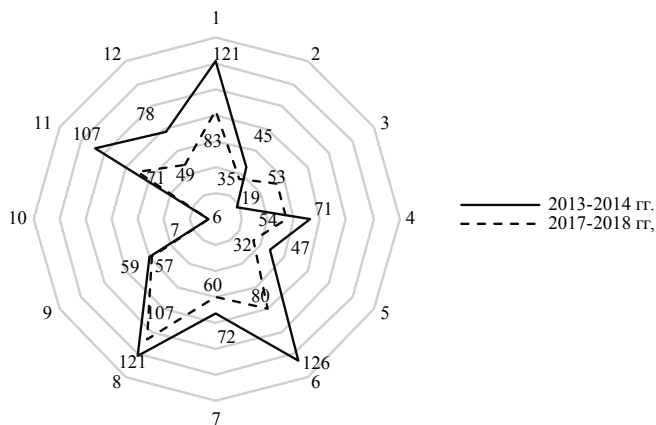
Источник: URL: https://www.audit-it.ru/currency/sr_vz.php

Рис. 6. Средний номинальный курс доллара США к рублю за период с начала года в 2002–2016 гг.

Но наступает 2014 г. Год в некотором смысле «идеального шторма» для российской экономики – нефть стремительно дешевеет, а множась санкции все жестче ограничивают импорт, в первую очередь критический. Модель, по которой работала российская экономика, начинает рассыпаться, но на ее месте все отчетливее проявляется необходимость другой, ориентированной не на адаптацию своего производства к требованиям глобальной экономики, а на внутреннюю самодостаточность. Основа этой самодостаточности – повышение качества организации национальной экономики.

Продвижение в этом направлении невозможно не заметить. Так, позиции РФ в ИГК за 2004–2008 гг. улучшились на 19 позиций (с 70-го места в мире до 51-го, затем последовал

откат до 67-го места к 2012 г.). А за последние четыре года (с 2013–2017 гг.) – на 26 позиций (с 64-го места в мире до 38-го). Ситуация улучшилась (в различной степени) по 11 параметрам из 12. Причем наибольший прогресс был достигнут в конкурентоспособности компаний и их инновационном потенциале (при этом их технологический уровень практически не изменился), а также в качестве институтов и эффективности рынка товаров и услуг. Хотя абсолютный уровень показателей остается низким, динамика их улучшения производит хорошее впечатление и, главное, демонстрирует, что прогресс, причем в различных областях российской экономики, вполне достижим (рис. 7).

1 – Качество институтов. 2 – Инфраструктура. 3 – Макроэкономическая среда. 4 – Здоровье и начальное образование. 5 – Высшее образование и профессиональная подготовка. 6 – Эффективность рынка товаров и услуг. 7 – Эффективность рынка труда. 8 – Развитость финансового рынка. 9 – Технологический уровень. 10 – Размер внутреннего рынка. 11 – Конкурентоспособность компаний. 12 – Инновационный потенциал.

Рис. 7. Конкурентоспособность экономики РФ по отдельным показателям, место в мире в 2013–2018 гг.

Что касается единственного ухудшившегося показателя *макроэкономической среды*, то провал здесь в основном связан с особенностями оценки в ИГК изменения инфляции и бюджетного дефицита. Так, в 2017–2018 гг. индикатору инфляция (изменение за год) было присвоено 112-е место в мире, в 2013–2014 гг. – 91-е. При этом, по оценкам Минэкономразвития, инфляция в 2017 г.

составит 3,0–3,2%⁵ (в 2013 г. – 6,5%). С бюджетным дефицитом также ничего из ряда вон выходящего не произошло.

Отметим, что за рассмотренный период в наибольшей степени сгладились самые вопиющие провалы в российской экономике: резко повысились инновационный потенциал, конкурентоспособность компаний, эффективность рынка товаров и услуг, качество институтов. Несколько улучшилась сбалансированность показателей. Так, стандартное отклонение по 12 базовым показателям, характеризующих российскую экономику, в докладе 2013–2014 гг. равнялось 39,9, а в докладе 2017–2018 гг. – уже 26,5. Абсолютные значения показателей, впрочем, остаются неприемлемо низкими, причем наиболее острая проблема – с развитостью финансового рынка (107-е место в мире).

Таким образом, по данным доклада, авторов которого трудно заподозрить в симпатиях к России, **низкие цены на нефть и введение санкций в большей степени способствуют качественному росту российской экономики, чем растущие цены на нефть и отсутствие санкций**. Имеющихся данных недостаточно, чтобы ответить на вопрос – «Чей вклад в повышение конкурентоспособности российской экономики – низкой стоимости нефти или введенных санкций» – больше. Но и оснований к стремлению изменить сложившееся статус-кво данные доклада не дают.

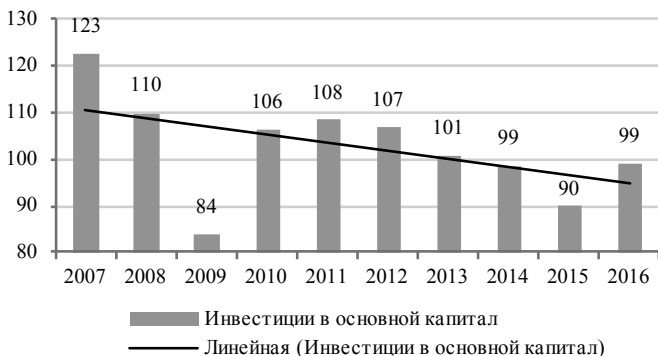
Рассмотренная динамика только обостряет вопрос: «Почему очевидные качественные улучшения российской экономики не трансформируются в экономический рост?». Ответить на него, находясь в парадигме доклада, не просто. Разве что предположить, что глобальная экономика успешно стимулирует рост только тех экономик, которые признают ее правила. При этом качество национальной экономики, и пример России это подтверждает, особого значения не имеет.

Создание относительно независимой экономики, осознанное или вынужденное из-за санкционных ограничений и сокращения рентных доходов, казалось бы, должно автоматически генерировать экономический рост. Действительно, столько уже созданных рыночных ниш из-за ухода иностранных конкурентов вдруг оказались свободными. Потребность же в соответствующих

⁵ Ведомости. 2017. 5 сент. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2017/09/15/733986-minekonomrazvitiya-prognoz-inflyatsii> (дата обращения: 26.10.2017).

продуктах и услугах осталась. Почему же эти ниши так вяло заполняются отечественным товаропроизводителем?

Мы бы это связали с чрезмерной жесткостью финансовой политики, ведущей к стагнации, а то и к сокращению совокупного спроса. Действительно, если денег в экономике больше не становится, как может расти спрос? Не растет спрос – бизнес в лучшем случае формирует свои инвестиционные программы на уровне обеспечения простого воспроизводства (рис. 8). А с учетом слабой загрузки производственных мощностей (на уровне 61–64% в I–III кварталах 2017 г., причем на уровне свыше 90% использовалось не более 16% мощностей⁶) зачастую и ниже. Стагнация в инвестициях ведет к невозможности сколько-нибудь существенного роста предложения (производства) со стороны отнюдь не молодого российского парка производственного оборудования⁷ в будущем. Ни о каких структурных сдвигах в экономике в условиях стагнации говорить также не приходится. Не случайно, как уже отмечалось, технологический уровень отечественного производства в последние годы практически не растет.

Источник: Россия в цифрах, 2017. С. 423., Россия в цифрах, 2010. С. 35–36.
URL: www.gks.ru

Рис. 8. Темпы роста инвестиций в основной капитал
в 2007–2016 гг.,%

⁶ Росстат. ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/33700> (дата обращения: 01.01.2017).

⁷ Средний возраст машин и оборудования в обрабатывающих производствах в 2016 г. составил 12,2 г., в 2014 г. – 12 лет. Росстат. ЦБСД. URL: <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi> (дата обращения: 01.03.2017).

Бизнес на протяжении последних, по меньшей мере, пяти лет получает ясные сигналы – роста спроса в среднесрочной перспективе не ожидается, расширять мощности, если речь не идет о переделе сложившихся рынков, не следует. По сути, **это признание ограниченности потенциала рыночного механизма в российских условиях: эффективность использования финансовых средств он, с известными оговорками, возможно, и обеспечивает, а развитие экономики – точно нет.**

Условия экономического роста: воля и деньги

Отметим, что крупные проекты, тем более преобразование национальной экономики, начинаются не с денег, а с наличия воли к их реализации. Есть воля – находятся и деньги. Ситуация с деньгами в РФ вообще подобна улыбке Чеширского кота из «Алисы в Стране чудес» Л. Кэрролла. С одной стороны, их настолько много, что Центральный банк уже не первое десятилетие борется с инфляцией, порождаемой (с его точки зрения) их излишком. С другой, как только речь заходит об инвестиционных программах, «кот» сразу исчезает. Материализуется он в неблизких для российского гражданина местах.

Так, обратим внимание на известный, но игнорируемый разработчиками государственных программ развития факт, что РФ является нетто-кредитором мировой экономики. Выше уже отмечалось, что масштабы этого кредитования сопоставимы с национальной инвестиционной программой. Иными словами, если бы РФ кредитовал остальной мир в той же мере, что и остальной мир кредитует РФ, национальную инвестиционную программу 2016 г. можно было увеличить вдвое.

При всей масштабности российского финансирования развития мировой экономики даже полная переориентация этих средств на нужды отечественной экономики все же недостаточна для создания инновационной отечественной экономики. Но с чего-то надо начинать. Так, объяснения, что денег для развития отечественной экономики нет, потому что они направлены на развитие тех, кто организывает санкционное давление на РФ, – представляются очень странными. Углубление в детали данной новеллы только повышает драматизм ситуации. Действительно, в долговых ценных бумагах (в основном правительств ведущих стран Евросоюза и США, которые в любой момент могут быть

даже если не аннулированы, то заморожены на неопределенное время) аккумулировано 164 (!) годовых инвестиционных бюджета «производства машин и оборудования» 2016 г. Даже если оставить в стороне частный капитал и ориентироваться только на государственные средства, невозможно объяснить, как может не быть финансовых ресурсов для развития отрасли «машины и оборудование», когда они есть.

Проблема, таким образом, все же не в деньгах, а в отсутствии политической воли развивать отечественную экономику. Самое удивительное здесь в том, что **никаких реальных ограничений для российского экономического роста нет**. В стране достаточно природных ресурсов, качественный человеческий капитал, большой внутренний рынок (см. рис. 7). Даже как будто специально созданы сильные внешние стимулы, которые в терминологии прошлых лет можно определить следующим образом: «Не будете развиваться – мы вас сомнем».

В этих условиях государство, отвечающее за те цели, к достижению которых осознанно или нет стремится общество, казалось бы, должно сказать свое веское слово. Но оно, как будто находясь под гипнозом давно усвоенных и не подлежащих проверке практикой догм, пытается переадресовать эту задачу рынку – системе институтов, «отвечающих» за эффективность использования имеющихся ресурсов, но никак не за стратегию развития общества в современной геополитической реальности.

До тех пор пока государство на деле, а не на словах не возьмет на себя ответственность за четкую постановку целей экономического развития, разработку стратегий их достижения и реализацию поставленных целей, социально-экономическая ситуация в РФ будет только ухудшаться. Уже потому, что в странах той же экономической весовой категории, что и РФ, национальные интересы хорошо осознаны и последовательно отстаиваются. И если для этого необходимо «подвинуть» (точнее, экономически «задвинуть») другие страны, то это проблема государств, которые, апеллируя к догмам столетней давности, во имя сиюминутной эффективности готовы жертвовать своим будущим.

Литература

Алексеев А. В. Денежное предложение: предпосылка или допинг для экономического роста? // ЭКО. 2017. № 3. С. 48–59.

Алексеев А. В. Пора за флажки? Экономический рост, пусть с инфляцией, лучше, чем инфляция без роста // ЭКО. 2015. № 9. С. 55–72.

Баранов А. О., Сомова И. А. Анализ основных факторов инфляционной динамики в России в постсоветский период // Проблемы прогнозирования. 2015. № 2. С. 16–32.

Кудрин А., Горюнов Е., Трунин П. Стимулирующая денежно-кредитная политика: мифы и реальность // Вопросы экономики. 2017. № 5. С. 11.

Статья поступила 19.12.2017.

Summary

Alekseev A. V., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

In Search of Lost Balance: Between State Regulation and Market Instability

The article characterizes the existing economic model of the Russian Federation development and proves that the attempts of its upgrade are a dead end. It proves the claim that the main objective of the middle-term development is making national economic system relatively independent of the world economy (regarding critical technologies) and capable to provide national sovereignty. We have come to the conclusion that the Russian economy needs strategic management intensification with the use of market mechanism potential as a counter to the excessive reliance on market methods with unsystematic elements of indicative planning, which can be seen nowadays.

Economic growth; industrial output; investment; economic development model; monetary stimulation; state development programmes

References

Alekseev A. V. (2017). Denezhnoe predlozhenie: predposylka ili doping dlja jekonomicheskogo rosta? *ECO*. [ECO]. No 3. Pp. 48–59. (In Russ.).

Alekseev A. V. (2015). Pora za flazhki? Jekonomicheskij rost, pust' s infljaciej, luchshe, chem infljacija bez rosta. *ECO*. [ECO]. No 9. Pp. 55–72. (In Russ.).

Baranov A. O., Somova I. A. (2015). Analiz osnovnyh faktorov infljacionnoj dinamiki v Rossii v postsovetkij period. *Problemy prognozirovaniya*. [Studies on Russian Economic Development]. No 2. Pp. 16–32. (In Russ.).

Kudrin A., Gorjunov E., Trunin P. (2017). Stimulirujushhaja denezhno-kreditnaja politika: mify i real'nost'. *Voprosy Ekonomiki*. No 5. Pp. 11. (In Russ.).

К вопросу о совершенствовании модели управления железнодорожным транспортом России

С.А. БЫКАДОРОВ, доктор экономических наук, Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск. E-mail: byser@ngs.ru
Е.Б. КИБАЛОВ, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск. E-mail: kibalovE@mail.ru

«История имеет значение».

Д. Норт

В статье синтезируются описательный и нормативный подходы к анализу крупномасштабного институционального проекта – структурной реформы железнодорожного транспорта России, реализуемой в течение последних 20 лет. Приводятся количественные показатели и качественные экспертные оценки, свидетельствующие о неоднозначности результатов многолетнего реформирования. Делается вывод, что эта реформа не привела к превращению железных дорог России – эффективного средства трансформации индустриальной экономики, где они были относительно результативными, в современную скоростную высокотехнологичную транспортную коммуникацию, конгруэнтную будущему обществу знаний, отождествляемому сегодня с цифровой экономикой. Формулируются предложения по содержанию вариантов дальнейшего развития реформы и механизма управления ею.

Ключевые слова: структурная реформа, ОАО «РЖД», концепция, государственное регулирование, конкуренция, вертикальное расщепление, стратегия двойного назначения, казенная эксплуатация, Транссиб, естественный монополизм

Амбивалентность целей

Цели и задачи многолетней структурной реформы железнодорожного транспорта (далее – *Реформа*) – крупномасштабного институционального проекта, первоначально обозначенные в правительственной концепции 1998 г.¹ и уточненные в 2004 и 2009 гг.² (далее – *Правительственная концепция*), формулировались следующим образом.

¹О концепции структурной реформы федерального железнодорожного транспорта. Постановление Правительства РФ от 15 мая 1998 г. № 448 // Бюллетень транспортной информации. 2000. № 4. С. 4.

²Постановление Правительства РФ от 20.12.2004 № 811; Постановление Правительства РФ от 22.07.2009 № 600.

«В условиях экономического роста ключевыми требованиями для эффективной работы железнодорожного транспорта становятся снижение собственных затрат, повышение мотивации работников отрасли, способность удовлетворять возрастающие требования пользователей к качеству услуг и гибко реагировать на изменения спроса. Решение этих вопросов связано в первую очередь с формированием и развитием конкуренции в сфере перевозок».

Указанные цели если и реализованы к настоящему времени, то лишь частично, а большинство целевых установок по состоянию на начало 2018 г., как отмечается в ряде работ [Буторина и др., 2015; Елисеев, 2016; Кибалов, Кин, 2017], не достигнуто вообще. Чтобы понять причины неуспешности правительственной реформы, мы обратились к корпоративной «Концепции системы управления компании холдингового типа, образуемой в результате реформирования ОАО «РЖД»»³ (далее – *Концепция РЖД*). Естественно предположив, что разработанная государственной железнодорожной корпорацией в 2008 г. *Концепция РЖД* носит исполнительный характер по отношению к *Правительственной концепции*.

Однако анализ соответствующих текстов показывает, что это не так: уже на этапе концептуального проектирования *Реформы* эти концепции оказались не субординированными, а скорее конкурентными, что следует из первой же фразы «*Концепции РЖД*»⁴. Цитируем.

«Мероприятия реформирования холдинга “РЖД” достигнут *ожидаемых результатов* (курсив наш. – Авт.) только при условии планомерного и адекватного совершенствования системы управления, в первую очередь – системы управления ОАО “РЖД” как головной компании холдинга. С этой целью в компании осуществляется проект “Построение системы управления ОАО “РЖД” в условиях реформирования”»⁵. Далее во всем документе

³ Аналитическая записка. Концепция системы управления компании холдингового типа, образуемой в результате реформирования ОАО «РЖД». М., 2008. URL: <http://gurjevandrey.narod.ru/artikals/Holding.htm> (дата обращения: 15.01.2018).

⁴ Согласованной, как следует из ее текста, с интересами ОАО «РЖД», как они понимались ее топ-менеджментом в момент подписания документа.

⁵ Договор на реализацию проекта в 2006 г. заключен ОАО «РЖД» с ЗАО «МКД Партнер» и, по сути, является совместной разработкой заказчика и исполнителя. Распоряжение ОАО «РЖД» от 23 января 2007 г. № 103р «О разработке и реализации проекта «Построение системы управления ОАО “РЖД” в условиях реформирования». URL: <https://jd-doc.ru/2007/yanvar-2007/12213-rasporjazyhenie-oao-rzhd-ot-23-01-2007-n-103r> (дата обращения: 16.01. 2018).

отсутствуют ссылки на *Правительственную концепцию*, и, как следствие, сформулированные в ней целевые установки *Реформы* непонятно как трактуются в обозначенном термине «ожидаемые результаты».

Безальтернативность средств

Цитированное означает, что *Концепция РЖД* исходила из априори заданной организационно-правовой формы корпорации (холдинг), управляющей железными дорогами общего пользования. А именно: «В отсутствие законодательно закрепленного понятия холдинга мы определили его для себя следующим образом, – заявил еще в 2006 г. в то время старший вице-президент ОАО «РЖД» Б. М. Лapidус. – Холдинг “РЖД” – это компания, включающая в себя основное общество (собственно ОАО “РЖД”) и группу его дочерних и зависимых обществ, связанных имущественными и договорными отношениями, едиными стратегическими целями развития и корпоративными ценностями»⁶.

Как стало ясно позже, по ходу *Реформы*, в цитате речь идет не о классическом «чистом» холдинге, когда выполняются только финансовые и контрольные функции, а о холдинге смешанном. Для понимания того, что это такое в интерпретации бывшего президента ОАО «РЖД» В. И. Якунина, приведем цитату из его статьи [Якунин, 2011], опубликованной в 2011 г., т.е. через пять лет после высказывания Б. М. Лapidуса, объясняющую, что такое смешанный холдинг в развитии.

«Следует понимать, что холдинг “Российские железные дороги” поступательно движется от оперативного управления к стратегическому. Концентрация функций оперативного управления в основном обществе при наличии значительного количества филиалов, более чем 150 дочерних и зависимых обществ потребовала бы чрезмерного количества менеджеров в центральном аппарате. Поэтому очевидно, что основное общество должно осуществлять глобальное руководство или системное управление, а непосредственно хозяйственная работа должна переноситься на места. Сегодня в филиалы ОАО “РЖД”

⁶Распоряжение ОАО «РЖД» от 20.12.2010 № 2628р «Об утверждении концепции корпоративной безопасности ОАО “РЖД” в условиях реформирования». URL: <http://scbist.com/scb/uploaded/docs/2010/dekabr-2010/5825-rasporyazhenie-oao-rzhd-ot-20-12-2010-n-2628r.htm> (дата обращения: 16. 01. 2018).

передаётся всё больше компетенций. Этот процесс начался с того, что начальникам железных дорог было делегировано право осуществления стратегического контроля в регионах, они являются представителями президента ОАО «РЖД»».

Как видим, холдинг, организационное средство для достижения целей и задач реформы железнодорожного транспорта, концептуально определялся железнодорожниками на безальтернативной основе и служил еще одной целевой установкой будущих преобразований, привнесенной в систему целей, декларируемых *Правительственной концепцией*.

Таким образом, на ключевом этапе *Реформы* – этапе целеполагания, сразу допускалась стратегическая ошибка, типичная для бюрократии, мыслящей средствами: цели спутаны со средствами их достижения. Поэтому исходно закрывалась возможность рассмотрения конкурирующих организационных альтернатив с последующим выявлением наиболее предпочтительной. Во главу угла, как и в плановой экономике, ставилась идея технологически единого иерархически управляемого из центра железнодорожного комплекса на всей суверенной территории страны, т.е. экстерриториально. Такому подходу несколько мешало наследие МПС СССР и РФ – территориально-дивизиональная организационная структура управления железнодорожным транспортом, но ее изменили, перейдя к модели управления по видам деятельности.

Неоднозначные результаты

В результате конкуренция как инструмент принуждения экономических агентов к эффективной работе в *Концепции РЖД* даже не упоминалась, а в ходе реформы инструмент применялся ограниченно и только на рынке перевозок компаниями-операторами подвижного состава (без локомотивной тяги). Более того, по мере развития реформы институт конкуренции был скомпрометирован, и отсутствие квалифицированного государственного регулирования едва не привело в 2011 г. к коллапсу на железных дорогах: вагоны частников, будучи ориентированными только на рентабельные перевозки, образовали пробки, простаивая в ожидании выгодных маршрутов на и без того дефицитной сети российских железных дорог.

В итоге была создана суперцентрализованная многомерная модель управления железными дорогами общего пользования,

сеть которых охватила 1/7 часть земной суши. По объемам перевозок, протяженности путей (85,2 тыс. км, т.е. 99% всех магистралей страны) российские железные дороги являются вторыми после железных дорог США, по грузонапряженности процесса перевозок ОАО «РЖД» входит в тройку крупнейших транспортных компаний мира. Доля РЖД в грузообороте транспортной системы России составляет около 42%, в пассажирообороте – около 33%. Но все это – экстенсивные показатели, свидетельствующие о гигантских масштабах перевозочной деятельности, управляемой с помощью многоступенчатой и многозвенной иерархии. Если же обратиться к показателям эффективности и качества этой мегаструктуры (табл. 1–3), то видно, что за годы *Реформы* они в лучшем случае не ухудшились.

В качестве комментария к таблицам 1 и 2 отметим следующее. Как известно из «классических исследований» экономики транспорта (см., например [Терёшина, 2011; Смахова, 2003], рост объема перевозок «при прочих равных условиях» приводит к снижению единичных затрат на перевозки. Однако, по данным некоторых последних исследований, это положение может быть опровергнуто на основе произведенных статистических расчетов [Супрун, 2005]. Рост интенсивности работы железных дорог ведет к росту прибыли, но повышает себестоимость продукции. Таким образом, увеличение веса поезда, сокращение времени оборота вагона, повышение среднесуточной производительности вагона и локомотива, сокращение простоев вагонов и «улучшение» других качественных показателей (их примерный перечень показан в табл. 1) повышает пропускную способность дорог, увеличивает доход, но не снижает себестоимость перевозок. При этом взаимосвязь прибыли и себестоимости недостоверна. Полученный результат неочевиден и требует дальнейшего исследования.

Отдельные специалисты ОАО «РЖД» (см., например [Дмитрук, 2014]), в 2014 г. на основе анализа динамики финансовых и технико-экономических показателей также отмечали «отрицательные тренды» в деятельности компании.

Указываются три системные причины этого:

- просчеты в стратегическом управлении;
- снижение качества операционной деятельности;
- ухудшение управления финансами.

Таблица 1. Показатели использования грузовых вагонов на сети железных дорог России в 2003–2017 гг.

Показатель	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Участковая скорость, км/ч	39,0	39,6	40,2	40,3	40,3	40,6	41,6	41,2	37,1	36,0	36,8	37,7	39,1	39,7	40,3
Техническая скорость, км/ч	46,8	47,5	48,4	48,7	48,9	49,1	49,3	49,3	46,5	45,2	45,6	45,6	46,4	46,7	47,0
Средняя скорость доставки грузовой отправки, км/сут.	252,0	269,0	280,0	277,0	284,0	273,0	290,0	274,0	247,0	219,0	223,0	299,2**	341,2	361,0	362,3
Коэффициент порожнего пробега к общему, %	39,9	39,9	39,6	40,2	39,3	39,1	41,3	40,5	40,2	40,3	40,8	40,9	40,7	40,6	40,4
Оборот грузового вагона, сут	8,35	8,06	7,75	7,73	7,70	7,58	7,45	13,44*	14,40	15,49	16,90	17,00	16,51	15,74	15,10
Парк грузовых вагонов, тыс. единиц	816,6	857,0	876,4	909,9	975,5	1004,3	991,9	1026,7	1091,8	1151,5	1200,5	1221,4	1155,7	1074,6	1077,5
Погружено, млн т	1160,8	1220,9	1273,1	1311,3	1344,2	1303,7	1108,2	1205,8	1241,5	1271,9	1236,8	1226,9	1214,5	1222,3	1261,3
Грузооборот, млрд т-км	1669,0	1802,0	1858,0	1951,0	2019,3	2116,2	1865,3	2011,3	2127,8	2222,4	2196,2	2298,6	2304,8	2342,6	2491,4

* Изменение системы (порядка) учета вагонных парков.

**В 2014 г. изменилась методика учета скорости доставки грузов.

Источник табл. 1-2: данные рассчитаны с использованием: Российские железные дороги. Раскрытие информации. URL: http://www.rzd.ru/openinfo/public/rzd?STRUCTURE_ID=5131&archive=1 (дата обращения: 17.01.2017).

Окончание табл. 2

Показатели	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Расходы по перевозкам, услугам инфраструктуры и локомотивной тяге	952,1	913,8	986,4	1050,8	1151,5	1165,9	1185,6	1266,2	1296,2
Из них:									
грузовые перевозки	722,7	691,1	796,1	933,2	1017,4	1027,6	1048,1	1137,4	1160,8
предоставление услуг локомотивной тяги	7,8	8,3	8,8	8,4	9,1	8,2	7,6	7,8	8,1
предоставление услуг инфраструктуры	4,7	11,1	86,2	102,2	118,8	122,3	119,4	109	112,4
пассажирские перевозки	216,9	203,3	95,3	7,0	6,2	7,8	10,6	11,9	14,9
Расходы по прочим видам деятельности	83,2	86,1	97,8	164,7	146,9	151,9	157,6	161	164,1
Прибыль (убыток) всего	66,4	50,2	110,9	72,8	67,4	58,8	58,5	83,6	117,2
В том числе:									
от перевозок, услуг инфраструктуры и предоставления локомотивной тяги	62,4	43,0	92,9	58,3	54,9	43,6	39,4	59,8	90,8
от прочих видов деятельности	4,0	7,2	18,0	14,5	12,5	15,1	19,1	23,8	26,4
до налогообложения	54,8	60,3	125,9	76,6	66,2	19,4	-39,2	25	43,6
Чистая прибыль	13,4	14,4	74,8	16,8	14,1	0,7	-44,1	0,3	6,5

Таблица 3. Некоторые показатели и оценки работы различных видов транспорта России*

Вид транспорта	Эксплуатационная длина, тыс. км	Густота сети, км на 1000 км ²	Себестоимость перевозки, руб./10 прив. т-км	Удельные кап. вложения, руб./10 прив. т-км	Производительность труда, тыс. прив. т-км/1 раб.	Потребительские оценки, место		
						по качеству обслуживания	по безопасности движения	по экологичности
Железнодорожный	85,7	5,1	0,48	9,2	1366	4	2	2
Автомобильный	950	47	10,7	8,0**	145	3	6	6
Нефтепроводный	75	4,4	0,18	6,5	18 000	1	1	1
Морской	—	—	0,32***	6,0	9500	5	5	5
Внутренний водный	101	5,3	0,50	3,8	1500	6	3	4
Авиационный	600	35,4	1,7	5,6	980	2	4	3

* Использованы данные [Терёшина, 2011].

** С учетом строительства автомагистралей.

*** По грузовым перевозкам.

Данные факторы тесно связаны между собой, но центральное место занимает стратегическое управление. В результате реформы железнодорожного транспорта из отрасли был выведен государственный регулятор, вагонный парк перешел в частные руки, т.е. тоже исключен из системы, ресурсное управление максимально централизовалось, иными словами, ранее существовавшие дороги как бизнес-единицы были упразднены. Центром ответственности стал аппарат ОАО «РЖД». Для выхода из сложного финансового положения компании возможны два варианта: либо улучшать систему управления в центральном аппарате, либо декомпозировать управление ресурсами дороги, другими словами, провести в определенном смысле контрреформу.

Анализ таблиц 1–3 и некоторых публикаций [Дмитрук, 2014] позволяет заключить, что *Реформа*, продолжающаяся 20 лет, не привела к превращению железных дорог России – действительно средства трансформации индустриальной экономики, где они были относительно эффективными, в современную скоростную

высокотехнологичную транспортную коммуникацию, конгруэнтную будущему обществу знаний, отождествляемому сегодня с цифровой экономикой.

Причины и средства

Остановимся на основных причинах происшедшего и попытаемся сформулировать варианты дальнейшего реформирования, поскольку дорогостоящий российский железнодорожный транспорт, перемещающий грузы и пассажиров со скоростью велосипедиста, представляет собой анахронизм, тормозящий развитие экономики страны. Для этого сначала рассмотрим модель управления корпорации ОАО «РЖД» на микроуровне, как бы «снизу», от процесса железнодорожной перевозки. Упростим ситуацию и сведем ее к бескоалиционной игре. Поскольку, по определению, модель управления гигантской корпорацией многомерна, то, упрощая далее, представим ее двумерной, когда некий игрок (назовем его «Рельсы») отвечает за состояние инфраструктуры, а другой (назовем его «Перевозчик») – за скорость перемещения грузов и пассажиров на полигоне одной из 16 железных дорог. Понятно, что за абстрактными игроками в первом случае стоит сквозной бизнес-блок «Инфраструктура» корпорации, во втором – РКЦУ (региональный корпоративный центр управления)⁷, являющийся «длинной рукой Центра» и отвечающий за координацию всех участников процесса перевозки в границах конкретного полигона [Якунин, 2011].

В зависимости от состояния пути и путевого хозяйства игрок «Рельсы» планирует «окна» – время, в течение которого движение поездов по перегону, отдельным его путям или через станцию прекращается для производства ремонтно-строительных или монтажных работ. Эти мероприятия увеличивают время перемещения грузов и пассажиров в границах полигона и противоречат целям игрока «Перевозчик».

Эффективный компромисс между структурными игроками невозможен: приоритет отдается ремонтникам (игрок «Рельсы»), так как в дореформенные годы пути не ремонтировались

⁷Лекция «Модели иерархических систем: общие положения, основные типы иерархий, основные принципы их формализации и алгоритмизации». URL: <http://dogmon.org/lekciya-17-modeli-ierarhicheskikh-sistem-obshie-polozeniya-osno.html> (дата обращения: 16. 01. 2018).

должным образом, и скорость передвижения по ним, особенно тяжеловесных составов, из соображений безопасности вынужденно снижается. Если же речь идет о высокоскоростных магистралях, когда скорости современных пассажирских поездов составляют 400 км/ч и выше, то попытки организовать такое движение на действующих сегодня железнодорожных линиях вообще бесперспективны: из-за технологических особенностей (требования к верхнему строению пути, конструкциям пересечений и др.) отечественные железные дороги для этих целей малопригодны. Необходимо строить путевую инфраструктуру, специализированную для высокоскоростного движения.

Поэтому если «рельсы» недоинвестированы, никакие организационные решения (типа многомерных и «мозаичных» иерархически устроенных систем управления перевозками) проблемы повышения скорости до уровня мировых стандартов не решат.

Теперь рассмотрим проблемную ситуацию, возникающую при попытке оценить общественную эффективность *Реформы* на макроуровне. Мультипликативные эффекты, проявляющиеся при этом, в мировой практике рассматриваются как косвенные социально-экономические, а соответствующие расчеты трактуются как дополняющий анализ в методологии анализа затрат и результатов с помощью той или иной макроэкономической модели [Кулешов, 2014. С. 319]. Что касается проектов институциональных, тем более таких масштабных, как интересующая нас *Реформа*, то количественные методы оценки ее общественной эффективности ввиду слабоструктуризованного характера проблемы находят ограниченное применение. В основном в процедурах структуризации проблемы и квантификации системы общественных целей используются эвристические подходы, базирующиеся на экспертных технологиях и методах прикладного системного анализа.

Рекомендации

Ниже для обоснования предлагаемого направления дальнейшего развития *Реформы* мы ссылаемся на нашу работу [Кибалов, Кин, 2017], где данный подход описан и выводы-рекомендации сформулированы. Тем не менее для перманентного увеличения темпов изменений внешней среды институционального проекта *Реформа* потребуется систематически корректировать прошлые

рекомендации, памятуя, однако, о явлении path dependence («эффект колеи»), когда имеет место зависимость будущего развития от выбранных ранее стандартов или правил. Именно это обстоятельство принимается во внимание в заключительном сюжете настоящей статьи, где наши прежние рекомендации обновляются.

Итак, варианты, послужившие основой для наших рекомендаций, предложенных в упомянутой работе (см. [Кибалов, Кин, 2017]), формировались во второй половине 2015 г. группой неправительственных экспертов, когда после знаковой отставки бывшего президента ОАО «РЖД» В.И. Якунина корпорация оказалась в так называемой институциональной ловушке. В группу, кроме российских, входили также иностранные эксперты. Экспертиза проходила в один тур, суждения экспертов выявлялись методом личного интервью, результаты фиксировались в анкете – опросном листе. Анализировались и оценивались следующие варианты развития *Реформы*.

I. Нынешнюю модель управления железными дорогами общего пользования сохранить, наложив запрет на дальнейшее экспериментирование.

II. Нынешнюю модель управления железными дорогами общего пользования по видам деятельности сохранить, но локомотивный парк приватизировать.

III. Вернуться к территориально-функциональной модели МПС РФ, национализировав все приватизированное, т.е. осуществив контрреформу.

IV. Расщепить нынешнее ОАО «РЖД» на три части: в Европейской России – две конкурирующие корпорации без статуса естественного монополиста; в Азиатской России – казенное предприятие, устроенное по модели бывшего МПС РФ.

V. Ликвидировать Минтранс, на базе ОАО «РЖД» создать новое МПС РФ, регулирующее деятельность всех видов транспорта России, и далее в части железных дорог – по варианту III или IV.

Предпочтительность вариантов оценивалась экспертами в трех сценариях-контрастах развития внешней среды проекта *Реформа*.

1. Россия – федеративное государство с доминирующей ролью Центра и социально-ориентированным государственным регулированием конкурентной экономики.

2. Россия – федеративное государство с координационно-консультативной ролью Центра и государственным регулированием рынка, ориентированным на интересы крупного капитала.

3. Россия – унитарное государство с жесткой вертикалью власти, губернским управлением и государственным капитализмом.

Для выявления группового суждения о предпочтительности того или иного из пяти рассмотренных вариантов на основе обработки анкет была сформирована оценочная матрица вариантов с помощью системы компьютерных продуктов, разработанных в ИЭОПП СО РАН и СГУПСе Росжелдора (см., например [Кибалов, Хуторецкий, 2015]). В предположении, что вероятность актуализации сценариев-контрастов, описанных в анкете, не может быть оценена ни на основе объективной статистики, ни на базе достоверных экспертных оценок, т.е. имеет место фундаментальная неопределенность, предпочтительность вариантов определялась с помощью соответствующих критериев теории принятия решений.

Оказалось, что наиболее предпочтительным по критерию Вальда (наибольшей осторожности) является вариант I, а по критериям Сэвиджа, максимакс, Гурвица (при $\alpha=0,66$) – вариант III.

Комментируя этот результат (см. [Кибалов, Кин, 2017]), мы отмечали, что групповое мнение экспертов отражает, во-первых, понимание того факта, что реформа железнодорожного транспорта России, проводимая многие годы по либеральным лекалам, зашла в тупик. Рекомендовалось:

- остановиться и критическим осмыслить накопленный опыт реформирования железных дорог в России и за рубежом;
- выработать новый подход, адекватный той политической и экономической ситуации, в которой находится сегодня страна.

Представляется, что первая рекомендация совпала с правительственными коррекциями *Реформы*: состав прежнего топ-менеджмента ОАО «РЖД» существенно обновлен, его ключевые фигуры получили статус советников относительно «свежей» генерации железнодорожных чиновников. То есть, сделав все, что умели, в части реформирования железнодорожного транспорта России, авторы *Концепции РЖД* концентрируются ныне на долгосрочной перспективе в российском и мировом масштабах, конкретно, на проблемах железнодорожных перевозок на основе использования магнитно-левитационных эффектов

в вакууме [Лапидус, 2016]. Не возвращаются к своим предложениям об организационном отделении «тяги» от ОАО «РЖД» и чиновники Минэкономразвития.

Что касается второй рекомендации, то заметных сдвигов в данном направлении не наблюдается, и здесь наши предложения состоят в следующем. Если вернуться к начальному сюжету статьи, где перечислялись целевые установки *Реформы*, то в их списке установка на развитие конкуренции в сфере перевозок названа первоочередной. К сожалению, установка оказалась декларативной, так как для того чтобы включить внутривидовую конкуренцию на рынке железнодорожных перевозок, следовало расщепить монополистическую структуру – ОАО «РЖД», что противоречило, как следует из *Концепции РЖД*, интересам его руководства и иных коалиций интересов.

Единственное, что удалось сделать, это осуществить частичное вертикальное разделение перевозочной и инфраструктурной деятельности по европейской модели. Заметим, вопреки исследованиям и рекомендациям ИПЕМ⁸, в которых указывалось (как на следствие) на слабую конкуренцию на железных дорогах Евросоюза и негативные последствия такого решения для России. Одновременно подчеркивалось, что сильная конкуренция на железнодорожном рынке существует только в США, где перевозки и региональные фрагменты путевой инфраструктуры вертикально интегрированы в составе частных железнодорожных корпораций-грузоперевозчиков, соперничающих за клиентов⁹.

Принимая во внимание сказанное и учитывая особенности железнодорожной деятельности в России, обратимся к вариантам IV и V продолжения *Реформы* (см. вопросы анкеты), которые, по коллективному мнению экспертов, при сравнении с вариантами I и III оказались менее предпочтительными. На наш взгляд, модели российской государственности, выступавшие в качестве сценариев-контрастов развития внешней

⁸ АНО «Институт проблем естественных монополий» (ИПЕМ). URL: www.ipem.ru

⁹ Презентационные материалы о научно-исследовательской работе «Анализ и систематизация результатов зарубежных исследований вопроса целесообразности разделения инфраструктуры железнодорожного транспорта и перевозочной деятельности, изучение особенностей и итогов реформирования железнодорожного транспорта за рубежом». М.: АНО «ИПЕМ», 2013. URL: <http://media.rspp.ru/document/1/5/5/5541c8c174b6bea99420b2c980c3831a.pdf> (дата обращения: 16.01.2018).

среды вариантов развития *Реформы*, за прошедшие годы (2014–2018) под влиянием изменения мировой внешней среды сильно «дрейфовали» в сторону сценария III. Но именно в этом сценарии, как показал дополнительный анализ анкетного массива, варианты IV и V были оценены в качестве наиболее предпочтительных.

Детализируем эти варианты с позиций текущего момента, поскольку, если конкуренция «на рельсах» как движитель принуждения естественного монополиста «работать» на общественный интерес не возникла на предыдущих этапах институционального проекта, то для дальнейшего продвижения *Реформы* следует искать релевантные методы государственного регулирования. Как учит теория и свидетельствует практика, продуктивен компромиссный вариант, когда конкуренция «снизу» дополняется регулированием «сверху», а координаты эффективной точки компромисса зависят от специфики объекта и субъекта регулирования. В нашем случае, опять же в терминах теории игр, компромисс между коалицией действия (ОАО «РЖД») и коалицией интересов (клиенты-грузовладельцы) видится в горизонтальном расщеплении корпорации, «назначенной» естественным монополистом без достаточных, как показано в ряде работ [Лапидус, 2006; Быкадоров, Кибалов, 2013; Белоусова, Васильева, 2006], на то оснований. Суть структурного компромисса, по нашему мнению, такова.

Сеть федеральных железных дорог разграничивается по Уралу на европейскую и азиатскую части. Субъектом управления азиатской части, где, собственно, вместо железнодорожной сети существует дерево со стволом – Транссибом, и ответвлениями от него – железнодорожными ветками-капиллярами – назначается казенное предприятие, наследующее функции ОАО «РЖД» на так называемом «восточном полигоне». Назовем получившийся «новодел» «*РЖД-Восток*». Его монополизм на бескрайних просторах страны от Урала до побережий Северного Ледовитого и Тихого океанов экономически естествен: у Трансиба от Челябинска до Владивостока нет и в ближайшей перспективе не просматривается появления внутрироссийских конкурентов. А коли так – святой долг государства такую инфраструктурную систему эксплуатировать и ее

развитие посредством создания широтных и меридиональных железных дорог финансировать.

Откуда брать деньги на такое программное государственное регулирование, направленное на усиление торгово-экономических связей со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, и должно решать по поручению государства «РЖД-Восток». С целью облегчить новой корпорации решение этой стратегической задачи, сформулированной еще в *Концепции РЖД* (участвовать в подготовке и разработке крупных инфраструктурных проектов, в том числе в проектах трансграничного сотрудничества со странами АТР), корпоративный центр управления следовало бы дислоцировать, например, в г. Красноярске, т.е. приблизить к объекту управления.

Настоятельность именно такого организационно-экономического решения в последние годы обострилась, особенно после введения Западом санкций против России и активизации военных приготовлений США в Арктике и на Дальнем Востоке. Ситуационно все крупномасштабные железнодорожные проекты, реализуемые и предполагаемые к осуществлению на территориях Сибири и Дальнего Востока, в указанном контексте становятся проектами двойного назначения – не только экономического, но и военно-стратегического. Предлагаемая структурная госрегуляция железнодорожного транспорта отмеченный факт учитывает, обеспечивая устойчивое развитие северо-восточных территорий России, обладающих ресурсным и эколого-ассимиляционным потенциалами планетарной значимости.

Что касается европейского фрагмента железнодорожной сети России, то модель управления им может быть структурно близкой к моделям европейским. Плотность сети от западных границ страны до Урала включительно достаточно высока и даже с учетом врожденного «дефекта радиальности» может служить основой для развития конкуренции разных видов (см., например [Саакян и др., 2008]), как отраслевой (внутрижелезнодорожной), так и межвидовой (с автомобильным, водным и авиатранспортом). Потребуется ли для этого вертикальное или горизонтальное расщепление «усеченного» после создания «РЖД-Восток» ОАО «РЖД», или же корпорация сохранит статус естественного монополиста на европейском полигоне сети, следует решать в рамках научно-исследовательского проекта

под эгидой РАН, а реализацию выбранного варианта – поручить специально созданной межотраслевой и междисциплинарной управляющей компании, напрямую подчиненной правительству и финансируемой из бюджета отдельной строкой. Потому что опыт многолетней железнодорожной реформы в России методом самореформирования, когда объект реформирования, будучи госкорпорацией, «самостийно» позиционирующей себя как смешанный холдинг, показал неспособность подобной экзотической структуры обеспечить ориентацию крупномасштабного институционального проекта на общественные интересы страны (см. *Концепцию РЖД* и результаты *Реформы*, иллюстрируемые цифровыми данными таблиц 1–3).

Резюме

Есть ли в этом выводе и наших предложениях, как принято ныне говорить, элемент новизны? В эпиграфе к настоящей статье «подводка» к правильному, на наш взгляд, ответу содержится. А именно: более ста лет тому назад проблемная ситуация – аналог сегодняшней – уже существовала, и вот что писал по этому поводу С. Ю. Витте:

«...Водворение казённой эксплуатации, взамен частной, на сети русских железных дорог в настоящее время едва ли будет полезно, мы, тем не менее, допускаем исключения. Исключения эти покуда могут вызываться не экономическими причинами, а чисто политическими». И далее: «будут понесены финансовые и экономические жертвы, которые, по нашему мнению, будут следствием водворения казённой эксплуатации»¹⁰.

Конечно, аналогия при принятии столь сложного институционального решения – весьма несовершенный инструмент, и ситуации не совпадают «один к одному» [Петраков, 2015]. Но ведь и экономическая и смежные с ней науки за сто лет, прошедшие после рекомендации выдающего российского государственного деятеля, знавшего проблемы железных дорог России не понаслышке, накопили солидный запас знаний. Его прагматическую ценность в смысле нахождения приемлемого компромисса между «экономическими жертвами» и «политическими выгодами»

¹⁰Цитируем по http://www.rostransport.com/article/33/?sphrase_id=30319 (дата обращения: 27.01. 2018).

было бы логично выявить ad hoc, т.е. применительно к данному случаю.

Литература

Белушова Н.И., Васильева Е.М. Вопросы теории государственного регулирования и идентификации естественных монополий. М.: Ком Книга, 2006. 320 с.

Буторина Е., Михайлов А., Баринов А. Вагончик никак не тронется// Деловой еженедельник «Профиль». 2015. 13 нояб. URL: <http://www.profile.ru/economics/item/100914-vagonchik-nikak-ne-tronetsya> (дата обращения: 07.01.2018).

Быкадоров С.А., Кибалов Е.Б. Естествен ли монополизм ОАО «РЖД»?// ЭКО. 2013. № 7. С. 91–106 URL: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010–2019/2013/N07/3_Articles/091Kibalov2013_07.pdf

Дмитрук А.К., Красковский А.Е. Анализ финансовых показателей деятельности ОАО «РЖД» за период реализации IV этапа реформирования // Транспорт Российской Федерации. 2014. № 4. С. 31–37.

Елисеев С. Вагонные споры//Деловой еженедельник «Профиль». 2016. 16 марта. URL: <http://www.profile.ru/economics/item/104884-vagonnye-spyry> (дата обращения: 07.01.2018).

Кибалов Е.Б., Кин А.А. Реформа железнодорожного транспорта: критический анализ и проблема оценки эффективности / Под ред. чл.-корр. РАН В.А. Крюкова. Новосибирск: Монография. Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. 160 с.

Кибалов Е.Б., Хуторецкий А.Б. Альтернативы транспортного обеспечения освоения арктического шельфа России // Регион: экономика и социология. 2015. № 1. С. 3–19.

Кулешиов В.В., Суслов Н.И. Системное моделирование и анализ мезо- и микроэкономических объектов / отв. ред. В.В. Кулешов, Н.И. Суслов; РАН, Сиб. отд-ние, ИЭОПП СО РАН. Новосибирск, 2014. 487 с.

Липидус Б.М. Об условиях и трендах эволюции транспорта и научно-технических задачах по созданию вакуумно-левитационных транспортных систем// Бюллетень ОУС ОАО «РЖД». 2016. № 4. С. 1–17. URL: http://www.vniizht.ru/files/bulletin/Bulleten_4_2016.pdf (дата обращения: 16.01.2018).

Липидус Б.М. Стенограмма публичной лекции «Стратегия развития ОАО "РЖД" до 2015 года», прочитанной старшим вице-президентом ОАО «РЖД» Б.М. Липидусом для студентов железнодорожных вузов (9 октября 2006 г., Москва, МИИТ). URL: <http://1.radoneg.z8.ru/777/394217>(дата обращения: 16. 01.2018).

Петраков В.В. Сравнительный анализ европейского и североамериканского вариантов для третьего этапа реформирования российского железнодорожного транспорта// Transport Business in Russia. 2015. № 1. С. 52–56. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-evropeyskogo-i-severoamerikanskogo-variantov-dlya-tretiego-etapa-reformirovaniya-rossiyskogo-zheleznodorozhnogo> (дата обращения: 17.01.2017).

Саакян Ю.З.и др. Мировой опыт реформирования железных дорог. М: ИПЕМ, 2008. 276 с.

Смехова Н.Г. и др. Себестоимость железнодорожных перевозок / Под ред. Н.Г. Смеховой и А.И. Купорова. М.: Маршрут, 2003. 494 с.

Супрун В. Н., Лакин И. К. Системный анализ показателей работы железных дорог как исходных данных систем менеджмента качества. Красноярск: Изд-во «Гротеск», 2005. 52 с.

Терешина Н. П. и др. Экономика железнодорожного транспорта: учеб. для вузов ж.-д. трансп. / ред. Н. П. Терешина, Б. М. Лапидус. М.: Учеб.-метод. центр по образованию на ж.-д. трансп., 2011. 675 с.

Якунин В. И. Корпоративная эволюция//Пульт управления. 2011. № 2. URL: <http://www.pult.gudok.ru/archive/detail.php? ID=899768> (дата обращения: 16.01.2018).

Статья поступила 19.02.2018.

Summary

Bykadorov S. A., Siberian State Transport University (STU), Novosibirsk.

Kibalov Ye. B., Institute of Economics and Industrial Engineering, SB RAS, Novosibirsk

To the Issue of the Russian Railway Transport Management Model Improvement

In article Structural reform of railway transport of Russia realized within the last 20 years is synthesized descriptive and standard approaches to the analysis of the large-scale institutional project. Quantitative indices and the qualitative expert judgments testifying to ambiguity of results of long-term reforming are given. The conclusion is drawn that Reform did not lead to transformation of the railways of Russia into an effective remedy of transformation of industrial economy where they were rather effective, in modern high-speed hi-tech transport communication, congruent to the future society of the knowledge, identified today with digital economy. Offers on the content of options of the further reform development and the mechanism of its management are formulated.

Structural reform; JSCO "RZD"; concept; state regulation; competition; vertical splitting; strategy of a dual purpose; state operation; Trans-Siberian Railway; natural monopolism

References

Belousova N. I., Vasil'eva E. M. (2006). Voprosy teorii gosudarstvennogo regulirovaniya i identifikacii estestvennyh monopolij. M.: Kom Kniga Publ., 2006. 320 p. (In Russ.).

Butorina E., Mihajlov A., Barinov A. (2015). Vagonchik nikak ne tronetsja// *Delovoj ezhenedel'nik «Profil'»*. 13.11. Available at: <http://www.profile.ru/economics/item/100914-vagonchik-nikak-ne-tronetsya> (accessed 07.01.2018). (In Russ.).

Bykadorov S. A., Kibalov E. B. (2013). Estestven li monopolizm OAO RZhD? *JeKO. [ECO]*. No. 7. Pp. 91–106. Available at: http://ecotrends.ru/images/Journals/2010–2019/2013/N07/3_Articles/091Kibalov2013_07.pdf

Dmitruk A. K., Kraskovskij A. E. (2014). Analiz finansovyh pokazatelej dejatel'nosti OAO «RZhD» za period realizacii IV jetapa reformirovaniya. *Transport Rossijskoj Federacii [Transport RF]*. No. 4. Pp. 31–37. (In Russ.).

Eliseev S. (2016). Vagonnye spory. *Delovoj ezhenedel'nik «Profil'»*. 16.03. Available at: <http://www.profile.ru/economics/item/104884-vagonnye-spory> (accessed 07.01.2018). (In Russ.).

Kibalov E. B., Kin A.A.(2017). Reforma zheleznodorozhnogo transporta: kriticheskij analiz i problema ocenki jeffektivnosti / Pod red. chl.-korr. RAN V.A. Krjukova. Novosibirsk: Monografija. Izd-vo IJeOPP SO RAN.160 p. (In Russ.).

Kibalov E. B., Hutoreckij A. B. (2015). Al'ternativy transportnogo obespechenija osvoenija arkticheskogo shel'fa Rossii. (2016). *Region: jekonomika i sociologija [Region: Economics&Sociology]*. No. 1. Pp. 3–19. (In Russ.).

Kuleshov V.V., Suslov N.I. (2014). Sistemnoe modelirovanie i analiz mezo- i mikrojekonomicheskikh ob#ektov / otv. red. V.V. Kuleshov, N.I. Suslov; RAN, Sib. otd-nie, IJeOPP SO RAN. Novosibirsk. 487 p. (In Russ.).

Lapidus B.M. (2016). Ob uslovijah i trendah jevoljucii transporta i nauchno-tehnicheskikh zadachah po sozdaniju vakuumno-levitacionnyh transportnyh sistem. *Bjulleten' OUS OAO «RZhD*. No. 4. Pp. 1–17. Available at: http://www.vniizht.ru/files/bulletin/Bulleten_4_2016.pdf (accessed 16. 01. 2018). (In Russ.).

Lapidus B.M. (2006). Stenogramma publichnoj lekcii «Strategija razvitija OAO "RZhD" do 2015 goda», pročitannoj starshim vice-prezidentom OAO «RZhD» B.M. Lapidusom dlja studentov zheleznodorozhnyh vuzov (9 oct. Moskva, MIIT). Available at: <http://1.radoneg.z8.ru/777/394217>(accessed 16. 01. 2018). (In Russ.).

Petrakov V.V. (2015). Sravnitel'nyj analiz evropejskogo i severoamerikanskogo variantov dlja tret'ego jetapa reformirovanija rossijskogo zheleznodorozhnogo transporta. *Transport Business in Russia*. No. 1. Pp. 52–56. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnyy-analiz-evropeyskogo-i-severoamerikanskogo-variantov-dlya-tretiego-etapa-reformirovaniya-rossijskogo-zheleznodorozhnogo> (accessed 17.01.2017). (In Russ.).

Saakjan Ju.Z.et al. (2008). Mirovoj opyt reformirovanija zheleznyh dorog. M: IPEM Publ. 276 p. (In Russ.).

Smehova N. G. et al. (2003). Sebestoimost' zheleznodorozhnyh perevozok / Pod red. N. G. Smehovoj i A. I. Kuporova. M.: Marshrut Publ., 2003. 494 p. (In Russ.).

Suprun V.N., Lakin I. K. (2005). Sistemnyj analiz pokazatelej raboty zheleznyh dorog kak ishodnyh dannyh sistem menedzhmenta kachestva. Krasnojarsk: «Grotesk» Publ. 52 p. (In Russ.).

Tereshina N.P. et al. (2011). Jekonomika zheleznodorozhnogo transporta: ucheb. dlja vuzov zh.-d. transp. / red. N. P. Tereshina, B. M. Lapidus M. Ucheb.-metod. centr po obrazovaniju na zh.-d. transp. 675 p. (In Russ.).

Jakunin V.I. (2011). Korporativnaja jevoljucija. *Pul't upravljenija*. No. 2. Available at: <http://www.pult.gudok.ru/archive/detail.php? ID=899768> (accessed 16. 01. 2018). (In Russ.).

Мутные зеркала нефтяной экономики

О.С. АНАШКИН, кандидат экономических наук,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва. E-mail: oanashkin@hse.ru

Анализируются возможности получения данных, необходимых для анализа экономических результатов недропользования, из отчётов о деятельности вертикально интегрированных нефтяных компаний. Рассматривается информация, содержащаяся в некоторых специализированных базах данных. Обсуждаются тенденции раскрытия информации добывающих компаний, складывающиеся в мире.

Ключевые слова: вертикально интегрированная нефтяная компания, отчётность, прозрачность информации, месторождение

В 2015 г. минерально-сырьевой и энергетический секторы экономики России обеспечили около 25–30% ВВП страны, 60% доходов федерального бюджета, 75% экспортных доходов, 35% инвестиций в основной капитал¹. При этом примерно 80% – вклад нефтегазового комплекса. Доминирующее положение в нём в настоящее время занимают несколько холдинговых структур – вертикально интегрированных компаний, объединяющих под своим контролем всю цепочку производственного процесса: поиск и добычу сырья, его переработку, сбыт конечной продукции. Поэтому их роль в отечественной экономике настолько значительна, что экономические перспективы страны во многом зависят от успешного развития этих компаний.

Отсюда с очевидностью вытекает необходимость регулирования деятельности таких компаний с тем, чтобы обеспечить её соответствие интересам страны. К тому же недра в России являются государственной собственностью, и компании, которым предоставлено право пользоваться ею, должны делать это эффективно. Государственное регулирование действительно сможет способствовать достижению указанных целей, только если оно будет опираться на результаты исследований, изучающих *фактическое* положение дел. В свою очередь, для таких работ

¹ Оценки В. А. Крюкова с учётом результатов, полученных Экономической экспертной группой (Е. Гурвич), Внешэкономбанком (А. Клепач), Институтом народнохозяйственного прогнозирования РАН (А. Широв).

нужна полная информация о деятельности компаний на каждом из разрабатываемых ею месторождений, позволяющая строить модели для проведения необходимых технологических и экономических оценок и получения на их основе выводов. А тут ситуация довольно печальная. Её рассмотрению применительно к вертикально интегрированным нефтяным компаниям (ВИНК) и посвящена данная статья.

Информационный голод

Аналізу развития вертикально интегрированных нефтяных компаний в России посвящено большое количество публикаций (например [Алекперов, 1996; Густафсон, 2017; Крюков, Шафраник, 2016]), где подробно рассматривается их история, начиная с первых лет приватизации. Согласно этим публикациям, завершение становления ВИНК и более-менее окончательного раздела деятельности в нефтяной отрасли можно отнести к началу 2000-х годов.

К этому времени вставшие на ноги ВИНК получили возможность осмотреться и определиться с приобретением новых месторождений, усиливающих их рыночные позиции. Большинство прошедших тяжелый путь становления и выживания малых нефтяных компаний, уставших от борьбы за существование и недостатка средств, созрели для продажи своего бизнеса за достойное вознаграждение. А что могло быть лучше для ВИНК, чем купить готовую компанию с неплохими месторождениями в активах, работающую на той же территории (о других способах приобретения таких компаний умолчим)?!

Это было время, когда имелась возможность получить доступ к бухгалтерской отчетности или заключениям независимых аналитиков (аудиторов), необходимым таким компаниям для определения своей стоимости. А поскольку их деятельность происходила в основном на одном-двух месторождениях, то и основные показатели этих месторождений становились известными и поддавались анализу. Приложив немного усилий, можно было запросить и получить в пользование необходимые данные, позволяющие строить модели для оценки деятельности предприятия (месторождения) как отдельно взятого объекта (проекта). Анализ такой информации позволял делать оценки принимаемых решений о приобретении активов и дальнейшем управлении ими.

Однако этот период оказался очень непродолжительным. Большинство привлекательных и перспективных малых компаний очень скоро были интегрированы в ближайшие дочерние компании основных ВИНК, а результаты их деятельности растворились во внутренних отчётах. На поверхности остались лишь показатели в обобщённом виде, в лучшем случае по отдельной дочерней компании головной ВИНК.

Сегодня, чтобы получить доступ к первичной информации о работе ВИНК на том или ином месторождении, мало даже работать в центральном аппарате ВИНК: нужно быть сотрудником экономического подразделения, курирующего деятельность дочерней компании, которая разрабатывает месторождение. Во многих случаях и этого может оказаться недостаточно, потребуется поездка на само месторождение, чтобы выяснить возможности получения доступа к первичной информации и убедиться в правильной её интерпретации в автоматизированной системе учёта ВИНК, если таковая имеется. По опыту автора, количество людей, имеющих возможность получить доступ к такой информации, очень ограничено, так что «непосвящённому» добыть её практически нереально. Как ведётся работа по повышению эффективности работы отдельных месторождений (залежей, пластов) службами компаний, включая экономические, скрыто от стороннего наблюдателя.

Следует, правда, сказать, что в очень редких случаях кое-какая информация появляется. Иногда для освоения новых месторождений в ВИНК создаются отдельные дочерние компании. Например, в составе НК «Роснефть» функционируют ОАО «Сузун» и ООО «Тагульское», разрабатывающие Сузунское и Тагульское месторождения на севере Красноярского края; для разработки Ванкорского месторождения было создано АО «Ванкорнефть». Когда отчётность по их деятельности публикуется, особенно на начальном этапе освоения месторождений, появляется возможность проведения хоть какой-то оценки успешности работы на соответствующих месторождениях.

Что же касается государственных органов, то со стороны кажется, что их поведение и организация работы сохраняют инерцию советских времён. Они, похоже, продолжают опираться на приобретённый тогда опыт взаимодействия с крупными объединениями. Статистическая отчётность остаётся с тех

времён практически в неизменном виде (правда, небольшие новации всё же есть). И хотя часть показателей имеет отношение к деятельности на отдельных месторождениях, как раз эта информация имеет статус конфиденциальной, а значит, недоступна для исследователей.

Как используется эта информация при разработке государственных нормативных документов, связанных с управлением и регулированием деятельности нефтяной отрасли, скрыто от широкой аудитории заинтересованных специалистов. Какие при этом применяются математические методы, с помощью которых, например, разрабатываются программы стратегического развития? Как учитываются в этих программах влияние инноваций, накопленных знаний, рост квалификаций специалистов и т.п.? Каким образом отслеживаются затраты на выполнение типовых производственных операций, транзакционные издержки? Всё это остаётся тайной для избранных.

В таких условиях исследователи изобретают собственные подходы для решения аналогичных задач. Например, строят трендовые модели по тем скудным фактическим данным, которые у них имеются, с учётом небольших отклонений, обусловленных возможными изменениями в технологических подходах, объектах и т.д. Но это не лучший путь для серьёзных научных исследований. Другой путь, по которому идёт большинство исследований – использование в качестве аналогов зарубежных проектов (месторождений), информация по которым намного полнее и доступнее.

Что имеем?

Рассмотрим, какая же информация имеется в наличии. Автоматом был проведен анализ практически всех показателей, содержащихся в первичных формах статотчётности о деятельности нефтегазодобывающих компаний (27 форм), а также показателей из сводных форм, публикуемых Росстатом и «ЦДУ ТЭК»².

² «ЦДУ ТЭК» – федеральное государственное бюджетное учреждение «Центральное диспетчерское управление топливно-энергетического комплекса». Оно осуществляет круглосуточный сбор и обработку первичной оперативной информации производственного характера о состоянии всех отраслей ТЭК. Формируемые «ЦДУ ТЭК» статистические отчёты предоставляются за плату, их перечень по нефтяной промышленности приведён на URL: http://www.cdu.ru/catalog/operative_data/section.php?SECTION_ID=117

Доступными (свободно или за плату) являются только сводные формы, показатели в которых получены агрегированием данных из отчётности отдельных компаний. Более того, эти показатели не позволяют делать конкретные и обоснованные экономические выводы, например, об успешности эксплуатации разрабатываемых месторождений. Что же касается первичной отчётности компаний, то в ней только две формы имеют непосредственное отношение к конкретным месторождениям и их залежам.

Первая из них носит длинное название: № 6-ГР «Сведения о состоянии и изменении запасов и ресурсов категории D_0 нефти, газа, конденсата, этана, пропана, бутанов, серы, гелия, азота, углекислого газа, примесей ванадия и никеля в нефти»³. Это годовая форма федерального статистического наблюдения, в которой два раздела: в первом указаны сведения о состоянии и изменении *запасов* нефти и содержании в ней отдельных химических элементов; во втором представлены данные о состоянии и изменении *ресурсов* нефти и свободного газа категории D_0 .

По распределённому фонду недр информация представляется владельцами лицензий на разработку месторождений (компаниями или физическими лицами), по нераспределённому фонду недр – территориальными органами Федерального агентства по недропользованию (Роснедра). Сведения о состоянии и изменении запасов предоставляются отдельными отчётами по каждому виду полезного ископаемого.

В отчёте приводятся значения текущих запасов углеводородного сырья по категориям от A до C_2 (в соответствии с российской классификацией запасов и ресурсов нефти и горючих газов) по состоянию на 1 января отчётного года, которые должны совпадать с данными государственного баланса запасов полезных ископаемых РФ за прошедший год, и по состоянию на 1 января года, следующего за отчётным. В форме содержатся показатели, отражающие параметры разработки месторождения (залежи), параметры пласта и качественные характеристики добываемых нефти, газа и конденсата. Кроме того, к каждому отчёту по форме № 6-ГР должна быть приложена пояснительная записка с обоснованием причин изменения состояния запасов за отчётный

³ URL: http://www.gkz-rf.ru/sites/default/files/docs/prikaz_rosstata_no844_ot_21.12.16_utverzhenie_novoy_formy_6-gr.pdf

год, включая данные по добыче нефти, газа (свободного, газовых шапок, растворённого) и попутных полезных компонентов.

В инструкции по заполнению формы указан способ проверки только правильности перехода от данных текущего года к следующему, но не определён сам механизм получения исходных данных и проверки правильности его применения. Поэтому невозможно его воспроизвести даже для элементарной проверки.

Ни в показателях формы, ни в пояснительной записке не нашлось места для отражения ни фактических, ни расчётных экономических результатов, позволяющих подтвердить правильность принятых (или обоснованность принимаемых) решений по разработке месторождения. Единственный показатель, который можно отнести к экономическим, – это показатель рентабельно извлекаемых запасов.

Но самое главное, содержащаяся в форме № 6-ГР информация является *конфиденциальной*, а значит, практически недоступной сторонним исследователям.

Вторая отчётная форма, заслуживающая внимания, находится в стадии апробации, она разработана в рамках совершенствования квартальной отчетности для «ЦДУ ТЭК» и касается добычи нефти из *трудноизвлекаемых запасов* и льготизируемой добычи углеводородного сырья. О конфиденциальности этой формы пока нигде не говорится, но в перечне форм «ЦДУ ТЭК» информации о возможности её приобретения нет. Форма была разослана по всем 195 компаниям, акционерным обществам и предприятиям, осуществляющим нефтедобычу на территории страны.

В разделе 1 рассматриваемой формы – «Добыча нефти трудноизвлекаемых запасов» – приводятся данные о добыче нефти из таких запасов с начала разработки и за отчётный квартал, а также об объёмах инвестиций с начала отчётного года. Отчёт составляется в разрезе залежей/пластов. К экономике здесь имеет отношение единственный показатель: «Объёмы фактически понесённых инвестиций с начала отчётного года, млн руб.». Он позволяет (по крайней мере, теоретически) определить удельный объём инвестиций – на тонну добытой нефти.

В разделе 2 формы – «Льготируемая добыча углеводородного сырья» – содержится информация о добытой нефти с начала получения льготы и за отчётный квартал, а также об объёмах инвестиций с начала отчётного года по месторождениям /объектам

разработки/ лицензионным участкам, по которым льготы либо фактически получены, либо их получение заложено в планы компании. Отчёт составляется в разрезе залежей /пластов/ месторождений/ лицензионных участков. Применение льгот осуществляется согласно порядку и перечню, установленным соответствующими пунктами ст. 342 и 343 Налогового кодекса РФ.

Содержащиеся в этом разделе данные позволяют определить количество льгот, которые получил недропользователь (компания) за время разработки определённых залежей и месторождений, а также об объёмах инвестиций на них за этот период. Тут тоже только один экономический показатель – опять же, объём инвестиций.

Отметим, что ещё совсем недавно в Налоговом кодексе почти не было статей, посвящённых льготам при добыче нефти. Сегодня же они стремительно размножаются. Если эта тенденция сохранится, то скоро мы столкнемся с ситуацией, когда вопрос о применении схемы налогообложения будет решаться для каждого месторождения индивидуально.

Однако трудноизвлекаемость, по мнению автора, – понятие не столько геологическое, сколько экономическое. В работе [Анашкин, Рохлин, 2015] было впервые предложено ввести в определение трудноизвлекаемых запасов углеводородного сырья экономический критерий. Суть этого предложения в том, что любое месторождение, даже самое успешное, доживает до периода, когда вся оставшаяся в нём нефть становится трудноизвлекаемой, т.е. экономически не выгодной для добычи. Таким образом, основным критерием выбора лучшего варианта освоения запасов может служить показатель эффективности проекта (практически аналогичный показателю общественной эффективности⁴), учитывающий интересы как государства, так и недропользователя.

Кроме официальной отчётности компаний, есть ещё один возможный источник информации – специализированные базы данных. Рассмотрим две наиболее популярные и развитые.

UCube компании Rystad Energy – это глобальная база данных и одновременно аналитический инструмент по международной нефтегазодобывающей индустрии, основанный на разнообразных

⁴ Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов и их отбору для финансирования. М.: Экономика, 1994.

данных по существующим месторождениям нефти и газа. База данных UCube представляет собой интегрированную среду, данные в которой можно просматривать в различных разрезах, например, по географической принадлежности, морским либо континентальным месторождениям, по этапам разведки или разработки месторождения, по типам углеводородов (включая нетрадиционные). Информация в базе организована «снизу вверх», что позволяет агрегировать данные по месторождениям до более высоких уровней: компании, страны, региона; можно также визуализировать полученный результат по любым имеющимся в базе показателям. UCube содержит информацию по более чем 65 тыс. активов (месторождений) и 3,2 тыс. компаний.

Информация в UCube представляет собой сочетание как фактических, так и смоделированных данных, а соотношение между ними прямо зависит от прозрачности добывающей отрасли в различных странах. Фактические данные берутся из всевозможных открытых источников, главным образом – из отчётности компаний и государственных организаций. Получаемые таким образом фактические сведения детально анализируются, приводятся в единообразный вид, в отдельных случаях – корректируются с помощью экспертных оценок. Далее информация калибруется по уровням: суммарно по компаниям, странам и т.д., что делает UCube полностью согласованным глобальным инструментом. Но так как данные по российским месторождениям, разрабатываемым отечественными компаниями, получают из открытых источников, их не может быть больше и они не могут быть точнее, чем в отчётных формах, представляемых компаниями в государственные органы.

Компанией Ingenix Group, входящей в группу Газпромбанк, создана база данных стоимости свыше 1800 объектов нефтегазового строительства. Она является информационной основой разработанного компанией программного комплекса для детального моделирования стоимости разработки, обустройства и эксплуатации нефтегазовых месторождений, а также оценки эффективности капиталовложений⁵. Этот комплекс поставляется добывающим компаниям, где может использоваться в рамках корпоративной информационной системы. Информация, содер-

⁵ URL: <http://ingenix-group.ru/services/software/>

жающаяся в рассматриваемой базе данных, доступна только специалистам Ingenix Group и компаний, приобретших её продукт. Посторонним вход воспрещён. Таким образом, возможность проведения независимой оценки и анализа результатов, получаемых по конкретным месторождениям, отсутствует.

А доступная для исследовательской работы информация недостаточна для построения даже простейших моделей, позволяющих получить элементарные оценки экономического состояния разработки конкретных месторождений. И без организации доступа к необходимой информации экспертное сообщество не может участвовать в процессе комплексной оценки и совершенствования государственного управления экономикой недропользования.

Добывающие компании осознают необходимость сбора такой информации, позволяющей им самим анализировать происходящие в них процессы, в том числе и с экономической точки зрения. Однако отнюдь не склонны такой информацией делиться, даже с государственными органами, используя её лишь в своих корпоративных интересах. Один из результатов такой закрытости – регулярное возникновение коалиций добывающих компаний, «проталкивающих» различные условия для получения «обоснованных» льгот.

Вот один из примеров. Министр энергетики А. Новак сообщил, что правительство скоро примет окончательное решение по законопроекту о льготах для обводнённых месторождений, и он вступит в силу с 1 января 2018 г. Законопроект предусматривает выдачу льготы обводнённым месторождениям в размере 50% от ставки налога на добычу полезных ископаемых⁶. А министр финансов А. Силуанов заявляет, что предоставление льгот для обводнённых месторождений нефти не обосновано с экономической точки зрения; Минфин по-прежнему выступает против их введения и оценивает возможные потери бюджета от них в 130 млрд руб. в год⁷. Будь информация обо всех месторождениях и деятельности компаний на них доступна независимым экспертам, подобные споры невозможно было бы даже представить.

В настоящее время этот механизм сведён к индивидуальному подходу. Так, льгота по НДС закреплена лишь за Самотлорским месторождением

⁶ Новак: обводненные месторождения нефти могут получить льготу уже в 2018 году // Ведомости. 2017. 6 июля. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2017/07/06/712523-novak>

⁷ Минфин оценил потери бюджета от льгот для обводненных месторождений в 130 млрд руб. в год // ТАСС. 2017. 10 июля. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4402272>

«Роснефти»: 6 октября 2017 г. Минфин сообщил, что НДС для этого месторождения будет снижаться на 35 млрд руб. ежегодно в течение десяти лет, а «Роснефть» взяла на себя обязательства по увеличению добычи на Самотлоре, но деталей не раскрыла. Другие нефтяные компании подобных льгот не получили. Естественно, они тут же обратились к главе правительства, поставив вопрос об отмене такой налоговой дискриминации⁸.

Казалось бы, подобные вопросы должны решаться просто – до тех пор, пока информация о месторождениях и их разработке компаниями не будет доступна для проведения независимой экономической экспертизы, государство не должно даже рассматривать вопросы о предоставлении каких-либо льгот для отдельно взятых месторождений⁹. Все необходимые оценки можно было бы провести за один-два года только силами вузов соответствующего профиля, не говоря уже об академических институтах. Но, видимо, правительство пока не понимает, зачем это нужно. Хотя прецеденты есть: в 2013 г. был снят гриф секретности с баланса нефтяных запасов¹⁰ [9]. Это позволило увеличить привлекательность отечественного топливно-энергетического комплекса для зарубежных инвесторов, а российским компаниям – облегчить прохождение международного аудита. Тут понимание пришло, президент страны даже назвал такую секретность «явным анахронизмом»¹¹ [10].

Однако, получив доступ к имеющемуся на 2012 г. перечню всех месторождений, мы смогли увидеть лишь информацию о географическом расположении, его типе, названии лицензии и сроках её действия, стадии освоения, имени недропользователя, а также объёмные характеристики добычи и запасов по категориям на начало и конец отчётного года. Никаких экономических показателей среди этих данных нет.

⁸ Конкуренты «Роснефти» пожаловались Медведеву на налоговую дискриминацию // РБК. 2017. 17 октября. URL: <https://www.rbc.ru/business/17/10/2017/59e0d5da9a794719ffa1bbd>

⁹ Ещё одним рычагом, побуждающим компании раскрывать информацию, может быть продление лицензий на разработку месторождений: нет информации – нет продления.

¹⁰ Постановление Правительства Российской Федерации от 5 июля 2013 г. № 569 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2002 г. № 210» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 28. Ст. 3834.

¹¹ В. Путин поручил «рассекретить» баланс нефтяных запасов РФ // РБК. 2013. 13 фев. URL: <http://www.rbc.ru/economics/13/02/2013/5704037d9a7947fcbdd445ab6>

А как в мире?

До недавнего времени мир двигался в сторону всё большей информационной открытости. В 2003 г. родилась «Инициатива прозрачности в добывающих отраслях» – *общемировой стандарт* публикации информации нефтяной, газовой и горнодобывающей отраслей промышленности, способствующий открытому управлению и подотчётности в секторах нефтяных, газовых и минеральных ресурсов¹². В поддержку этой инициативы ряд развитых стран, в том числе США, страны ЕС и Канада, законодательно утвердили требования о раскрытии компаниями информации о фискальных условиях и платежах за недропользование, включая разведку и добычу. Так, в 2016 г. Комиссия по ценным бумагам и биржам США одобрила требования об обязательном раскрытии информации сырьевыми компаниями.

Однако в последнее время началось попятное движение. Американские компании увидели в таком регулировании угрозу, ссылаясь на то, что подконтрольные государству крупные компании (такие как российская «Роснефть» или китайская SINOOC), с которыми им приходится конкурировать на мировом рынке, могут получить конкурентное преимущество: они владеют львиной долей запасов, но требования к отчётности у них другие. В своих предвыборных выступлениях Д. Трамп давал обещания существенно ослабить госрегулирование нефтяного и горнорудного секторов. А теперь стал их выполнять, пользуясь поддержкой пришедших к власти республиканцев, которые тоже считают, что установленное предыдущей администрацией требование обременительно для экономики США. И в феврале 2017 г. Сенат США принял резолюцию об отмене жёстких мер регулирования для американских ресурсодобывающих компаний, обязывающих их раскрывать информацию о налогах и других платежах перед иностранными правительствами¹³.

Каковы последствия этого, пока можно только предполагать. Отмена обязательной отчётности перед иностранными правительствами для американских компаний – включая таких гигантов, как Exxon и Chevron – скорее всего, ударит по европейским

¹² URL: <https://eiti.org/ru>

¹³ США отменяют обязательную отчётность о платежах для ресурсодобывающих компаний // Reuters. 2017. 3 фев. URL: <http://ru.reuters.com/article/businessNews/idRUKBN1511C4>

и канадским компаниям, которые по-прежнему будут подчиняться довольно жёстким требованиям (в том числе и в своих странах).

Возникнут трудности в установлении разумных мер регулирования в отдельно взятых странах, которые позволили бы найти баланс между прозрачностью и поддержанием конкурентоспособности среди работающих в стране компаний. Даже зная исходные условия и некоторые технические результаты основной деятельности каждой из компаний, государственные структуры страны всё равно не будут обладать полной информацией для оценки эффективности мероприятий, связанных с добычей сырья. Нельзя будет создать предпосылки для справедливой конкуренции между компаниями из-за отсутствия одинаковых условий и месторождений.

Наиболее крупные компании на время получают возможность использовать нерыночные формы (неконкурентные возможности) ведения бизнеса для достижения доминирующего положения в отдельных регионах. Но, думается, в конечном итоге большее преимущество получают всё же те компании, которые не побоятся начать раскрывать информацию о проводимых ими мероприятиях с обоснованной оценкой экономических результатов (и даже обеспечат участие владельца прав на недра в справедливом распределении этих результатов).

Там, где правительства стран, в которых ведут добычу иностранные компании, будут регулярно проводить анализ того, сколько средств вложено в разработку недр и что в результате получила от этого страна, возникнет необходимость в создании отчётности, содержащей необходимые для такого анализа данные, но без раскрытия дополнительных деталей.

Противоречивость ситуации с раскрытием информации сырьевыми компаниями должна привести к пониманию, что она не согласуется с мировой тенденцией к увеличению прозрачности нефтяной отрасли. И можно надеяться, что наметится путь к исправлению этой ситуации. Идеальным решением было бы присоединение к «Инициативе прозрачности в добывающих отраслях». Но у разных стран могут быть различные подходы – от установления обязательных правил отчётности для всех до индивидуальных договоров по каждому объекту. Не исключено, что некоторые страны станут отдавать предпочтение группам мелких компаний, соглашающимся на любые условия, а не транснациональным монстрам.

Что делать?

Итак, публикуемая сегодня отчётность нефтедобывающей отрасли *не позволяет* отслеживать или даже примерно прогнозировать формирование и движение денежных потоков ВИНК, порождаемых деятельностью на отдельных месторождениях. Эти отчёты почти не содержат экономической информации, запутаны, непрозрачны не только для фискальных органов, но зачастую и для инвесторов. Такую политику необходимо кардинально менять.

Только открытость и доступность информации о деятельности компаний, отчётность об исполнении условий лицензий на месторождения, прозрачность достигнутых результатов, включая экономические, могут стать залогом успешного регулирования экономики недропользования в стране. Мутные зеркала существующей отчётности, в которых едва отражается реальная ситуация в отрасли, заставляют исследователей и экспертов изобретать свои методы её интерпретации. Результаты можно сравнить с отражениями уже не в мутных, а в разнообразных кривых зеркалах собственного изготовления.

Какая же информация нужна? Если кратко, должна быть доступна информация, которая позволила бы рассматривать каждое месторождение (залежь) как самостоятельный проект и давала возможность проводить независимую оценку его технологических и экономических показателей.

Следует сказать, что такая информация нужна и самим ВИНК. Изменившиеся в последнее время условия функционирования отечественных нефтяных компаний (в частности, падение цен на нефть и санкции, введённые против российской нефтяной отрасли) заставляют управленческий персонал находить новые возможности для работы в нестабильной и неопределённой внешней среде. Необходимо чётко определять глобальную перспективу бизнеса. Единая стратегия управления и ориентированность на ключевые факторы успеха ВИНК требуют обращать внимание не только на консолидацию финансовых результатов дочерних компаний, но и на результаты деятельности на каждом отдельном месторождении. Эти задачи невозможно решать без наличия полной информации о состоянии ресурсной базы, условиях разработки объектов, учёта внедрения технологических инноваций и большого количества иной первичной информации.

Таким образом, необходимо проведение реформ, направленных на открытие первичной информации. Это позволит создать информационную среду, способствующую равноправной конкуренции нефтедобывающих компаний, независимо от их размеров и форм собственности. Только равноправная, прозрачная конкуренция между компаниями с разумным контролем государством всех условий, в которых она осуществляется, способна привести к долговременному эффективному использованию богатейших природных ресурсов нашей страны.

Литература

Алекперов В. Ю. Вертикально интегрированные нефтяные компании России. М.: АУТОПАН, 1996.

Анашкин О. С., Рохлин С. М. Интегральные показатели экономической эффективности при формировании сырьевой базы углеводородов России // Недропользование XXI век. 2015. № 7. С. 130–136.

Густафсон Т. Колесо фортуны: битва за нефть и власть в России. М.: Альпина Паблишер, 2017.

Крюков В. А., Шафраник Ю. К. Нефтегазовый сектор России: трудный путь к многообразию. М., 2016.

Статья поступила 23.01.2018.

Summary

Anashkin O. S., National Research University "Higher School of Economics", Faculty of World Economy and International Affairs, Moscow

Cloudy Mirrors of the Oil Economy

This article considers possibilities of obtaining data needed for analysis of economics results of mining from reports of vertically integrated oil companies. It also describes information contained in some special-purpose data bases. World trends in information disclosure of oil-producing companies are discussed.

Vertically integrated oil company; reporting; transparency of information; oilfield

References

Alekperov V. Ju. (1996). Vertikal'no integrirovannye nef tjanye kompanii Rossii. Moscow, AUTOPAN Publ. (In Russ.).

Anashkin O. S., Rohlin S. M. (2015). Integral'nye pokazateli jekonomicheskoy jeffektivnosti pri formirovanii syr'evoy bazy uglevodorodov Rossii. *Nedropol'zovanie XXI vek*. No 7. Pp. 130–136. (In Russ.).

Gustafson T. (2017). Koleso fortuny: bitva za nef t' i vlast' v Rossii. Moscow, Al'pina Publisher. (In Russ.).

Krjukov V. A., Shafranik Ju. K. (2016). Neftegazovyj sektor Rossii: trudnyj put' k mnogoobraziju. M. (In Russ.).

Реформы в электроэнергетике России в контексте развития энергетического права

Н.С. СИМОНОВ, доктор исторических наук, ведущий инженер
Федеральной сетевой компании (ПАО «ФСК ЕЭС»), Москва

Предметом исследования является генезис доктрины электроснабжения как один из источников энергетического права. Доказывается, что отношение общества к вещной форме электроэнергии и энергетических услуг определяется конкретно-историческими условиями, и, главным образом, технологиями генерации и передачи электроэнергии. На обширном историческом материале с использованием методов сравнительного анализа прослеживается процесс цивилистического понимания правового режима электроснабжения в индустриально развитых странах, Российской империи, СССР и современной России. Делается вывод о том, что современные технологии способствуют либерализации электроэнергетики и созданию рыночной конкуренции между поставщиками электроэнергии.

Ключевые слова: электроэнергетика, электроснабжение, энергетическое право, естественная монополия, рынок электроэнергии

«Удивление, близкое к шоку – возникает у отдельных юристов, когда речь заходит об энергии как предмете правового регулирования. Тем не менее отношения, связанные с энергией...праву не безразличны».

[*Лахно П. Г., 2013*]

В части определения энергетического права как отдельной правовой отрасли у правоведов до сих пор нет единого мнения [Попондопуло, 2008. С. 207; Яковлев, Лахно, 2011. С. 62]. Но большинство все же признает его существование с определенными оговорками.

В данной статье попытаемся проанализировать объективные (производственные и технологические) причины, по которым на рубеже XX–XXI веков в России, как и во всем цивилизованном мире, произошло «отрицание отрицания» концепции меновой стоимости электроэнергии и энергетических услуг и хозяйственного механизма их отчуждения на рынке несовершенной конкуренции.

Эволюция представлений о меновой стоимости электроэнергии и энергетических услуг

В Российской империи

В 1880–1890-е годы, на заре «эры электричества», электро-снабжение в Российской империи в основном осуществлялось посредством частных блок-станций и являлось предметом технического регулирования в виде обязательных правил и норм по уходу и работе «с источниками электричества, электродвигателями и другими электрическими установками».

Юридические отношения между производителями (продавцами) и потребителями (покупателями) электроэнергии возникли после начала работы электростанций общественного пользования¹.

Вначале эти отношения регулировались в духе ст. 1737 «Законов гражданских Российской Империи», то есть как «подряд». Последний же подразумевал, что «одна из вступающих в оный (договор) сторон принимает на себя обязательства исполнить своим иждивением предприятие или поставить известного рода вещи, а другая, в пользу коей сие производится, учинить за то денежный платеж».

В качестве аргумента, что электроэнергия не товар, говорили то, что товар должен характеризоваться такой особенностью, как возможность его хранения на складе. Электроэнергия такой особенности, как известно, не имеет. Весь объем электроэнергии, приобретенной покупателем, сразу же им используется.

Еще одна особенность, отличающая электроэнергию от любого другого товара, – это использование для транспортировки электроэнергии самой электроэнергии. Это значит, что продавец электроэнергии не осуществляет никаких дополнительных действий для передачи ее потребителям. Ее получение фиксируется не товарно-транспортной накладной, как это положено при доставке товара, а электрофизическими средствами учета – счетчиками, установленными непосредственно у потребителя.

Выделение транспорта электроэнергии в обособленный технологический комплекс и вид предпринимательской деятельности стало возможным ранее, чем появились протяженные высоковольтные воздушные и кабельные линии электропередачи с повышающими и понижающими подстанциями и комплектными распределительными устройствами. Произошло это в 1898–1909 гг., когда в США и Германии были построены первые районные электростанции. Тогда же услуга по передаче электричества от производителя к потребителю стала рассчитываться отдельным тарифом (в зависимости от объема присоединенной мощности и нормативных сетевых потерь).

Взаимоотношения потребителя и производителя (поставщика) электроэнергии протекают в четырех последовательных процессах: подключение, подача электроэнергии в дом/

¹ В 1896 г. в Российской империи насчитывалось 35 электростанций общественного пользования, отпускающих электроэнергию частным абонентам для целей освещения и моторного движения. Первые электростанции данного типа возникли в 1886–1888 гг. в С.-Петербурге и в Москве – на 4 года позже первой в мире центральной электростанции в Нью-Йорке, построенной по проекту Т. А. Эдисона.

квартиру или цех/предприятие, учет поданной электроэнергии и оплата за потребленную электроэнергию.

Цикл повторяется до тех пор, пока потребитель исправно платит за потребленную электроэнергию, но, как только он прекращает платить, цикл прерывается, и поставщик, угрожая потребителю отключением от сети, какое-то время терпеливо ждет поступления платежа.

Так как законы Российской империи не возбраняли приводить угрозу отключения потребителя от сети в исполнение и искать с неплательщика уплаты денег судом, неоплаченная электроэнергия уже подходила под категорию товара, имеющего потребительскую и меновую ценность. Истец, во всяком случае, должен был доказать в суде, что ответчик нанес ему не просто материальный ущерб, а материальный ущерб в определенном количестве, причем, не ниже себестоимости производства неоплаченного продукта (товара) [Розин, 1899. С. 91].

Решением от 7 мая 1902 г. Правительствующий сенат указал, что «электричество... обладает всеми признаками имущества в смысле закона», то есть отпущенную потребителю электроэнергию (в соответствии с условиями Договора электроснабжения) предлагалось рассматривать в качестве «движимого имущества».

Представленным 19 декабря 1916 г. на одобрение Государственной Думы законопроектом «Об установлении налога на электроэнергию» Министерство финансов намеревалось пополнить бюджет на 17,6 млн руб. Предлагалось взимать с потребителей электроэнергии как за подакцизный товар по 1 коп./кВт·ч за уличное и по 4 коп./кВт·ч – за комнатное освещение. По 5 коп./кВт·ч облагалась налогом производственное энергопотребление. Однако ввести данный налог так и не удалось.

В Советской России

Энергетическое право первых лет Советской власти рассматривало электроснабжение как государственную производственную и торговую монополию. С государственных абонентов плата за потребленную электроэнергию национализированных электростанций фактически не взималась. Все расчеты за полезно-отпущенные киловатты осуществлялись путем перераспределения бюджетных средств с одной балансовой статьи на другую.

В 1920 г., когда советские денежные знаки совсем обесценились, плата перестала взиматься и с негосударственных абонентов – электроэнергия потеряла стоимостную оценку. При СНК была создана Чрезвычайная комиссия по электроснабжению и издан за подписью В.И. Ленина декрет (15 ноября 1920 г.) «О мерах к сокращению пользования электрической энергией и электрическим освещением».

С переходом в 1921 г. к новой экономической политике (нэп) электроснабжение перестает быть государственной монополией. Допускается существование электроснабжающих предприятий различных форм собственности: государственной, акционерной и кооперативной. Государственные электроснабжающие предприятия объединяются в тресты и переводятся на хозяйственный расчет.

Восстанавливается плата за присоединение к сетям и вводится «классовый тариф», – с условием понижения оплаты электроэнергии для рабочих и госслужащих и повышения ее для «нэпманов».

В энергетическом праве 1922–1927 гг. договор электроснабжения трактуется как «договор купли-продажи» или как «договор последовательной поставки»: одна сторона передает другой за плату определенный товар (энергию), и каждая несет ответственность за точное и своевременное исполнение контракта.

Гражданский кодекс РСФСР (1922 г.) закрепляет правило усиленной защиты обязательств, возникающих из договоров купли-продажи. Устанавливается принцип принуждения должника к реальному исполнению обязательства, в отличие от обычного возмещения ущерба.

После «сворачивания» нэпа отношение к электроэнергии как к товару сменяется отношением к ней как к физической субстанции, плата за которую в результате полной и окончательной победы социализма должна исчезнуть вообще².

В годы 1-й пятилетки основное назначение энергетической отрасли состояло «в надежном, бесперебойном электроснабжении потребителей в запланированных объемах и независимо от их платежеспособности»³. Для достижения этой цели весь процесс производства, передачи и потребления электроэнергии в пределах каждой районной энергосистемы жестко регламентировался приказами и инструкциями Главэнерго.

Нагрузка регулировалась методом прямого управления – по требованию правительственных органов, районных энергосистем и энергокомбинатов. Баланс экономических интересов производителей и потребителей электроэнергии сводился на уровне государственных планов снижения себестоимости. Величина тарифа на полезно-отпущенную электроэнергию по этой причине приобретала искусственный характер.

Подобное отношение к электроэнергии не могло не привести к сверхрасточительному ее потреблению и к перманентному энергодефициту. 16 августа 1931 г., в связи с катастрофическим падением

² Общая экономическая записка {Для служебного пользования}. – М.: ВЭО ВСНХ СССР, 1931. С. 15.

³ Положение о взаимоотношениях электрических станций, подстанций и распределительных сетей с потребителями электрической энергии, утв. Постановлением СНК СССР от 27 декабря 1929 г. // СЗ СССР. – 1930. – № 2. – Ст. 12.

платежной дисциплины, вышло Постановление СНК СССР № 702 «О сроках оплаты счетов за электрическую и тепловую энергию».

Согласно документу, в случае неоплаты счетов за электрическую и тепловую энергию в течение пяти дней сверх установленных правилами или договорами сроков, энергосистемам и электростанциям предоставлялось право прекращать подачу энергии неисправным потребителям (с предварительным их уведомлением), за исключением учреждений и предприятий, условия работы которых не допускают даже временного выключения (казармы, больницы, телеграф, телефон, радиостанции и т.п.).

10 декабря 1934 г. СНК СССР принял «Положение о взаимоотношениях электрических станций и энергетических систем с потребителями электрической и тепловой энергии». Для советского энергетического права документ имеет эпохальное значение, поскольку в нем в завуалированной форме признается порочность бесхозяйственных (или бессубъектных) методов ценообразования. Впервые со времен нэп в документе говорится о том, что энергоснабжающие предприятия должны получать прибыль. Размер прибыли предлагается устанавливать народнохозяйственным планом на каждый год и учитывать при определении тарифных ставок.

Тарифные ставки на энергию устанавливались дифференцированно, в зависимости от особенностей потребления, времени, количества потребляемой энергии, коэффициента мощности и т.п. Для промышленных потребителей устанавливался «двухставочный тариф» с разделением абонентской платы на обусловленную договором мощность и за полезно-отпущенные киловатт-часы электроэнергии. Это было прямым заимствованием из американского энергетического права⁴.

⁴ В 1931 г. американский экономист Джеймс Бонбрайт (James C. Von-bright) выдвинул идею о том, что помимо собственно электроэнергии следует оплачивать также способность ее производить (т.е. мощность). В предложенной им схеме баланса интересов производителей и потребителей электроэнергии все не зависящие от объема производства электроэнергии затраты энергокомпаний должны оплачиваться потребителями безотносительно к величине потребления.

Посредством «двухставочного тарифа» потребители получали возможность заранее заказывать (абонировать) необходимый объем мощности, а энергокомпании – максимально точно рассчитать свои условно-постоянные издержки (на закупку топлива, амортизацию, оплату труда, социальные отчисления и т.д.).

С гражданско-правовой точки зрения, платежи за мощность – это составная часть договора купли-продажи электроэнергии (или договора электроснабжения).

Постановлением СНК от 10 декабря 1934 г. предусматривалась «ответственность электростанций за перерыв в подаче электрической энергии в размере двукратной стоимости недоотпущенной энергии в случае перерывов, вызванных недоподачей топлива, и восьмикратной стоимости недоотпущенной энергии – во всех остальных случаях»⁵. На практике данная мера получила ограниченное применение, а в годы Великой Отечественной войны вообще не применялась: оперативно-диспетчерские управления энергосистем имели полное право «гасить» предприятия, организации и учреждения в случае превышения ими установленных лимитов энергопотребления.

В зрелом СССР

Энергетическое право периода «развитого социализма» с производственной и технологической точки зрения являлось порождением централизованного энергоснабжения, которое осуществляла Единая энергосистема страны (ЕЭС СССР). Это крупнейшее в мире энергообъединение простиралось на территории семи часовых поясов, охватывая более 700 электростанций Минэнерго СССР общей мощностью свыше 210 млн кВт. Все редакции «Правил пользования электрической энергией», которые были приняты в послевоенный период, а также Основы гражданского законодательства СССР и союзных республик не содержали никаких упоминаний о передаче права собственности на электроэнергию как товар. Сами отношения энергоснабжающей организации и потребителя в договорах энергоснабжения трактовались как абонентские и строились по модели оказания услуг.

К 1965 г. по сравнению с 1955 г. доля выработки энергии на электростанциях, не входящих в состав районных энергосистем, в общем объеме производства электроэнергии снизилась более чем в два раза. Большое количество мелких и неэкономичных установок было ликвидировано или законсервировано. Это давало возможность значительно снизить себестоимость электроэнергии, и на протяжении нескольких десятилетий она являлась относительно самым дешевым продуктом в СССР. Например, с 1970-го по 1980 г. тарифы на электроэнергию для

⁵ Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. Интернет-портал: www.libus.ru

населения составляли 4 коп./кВт·ч при потреблении средней семьей из трех человек 90–100 кВт·ч в месяц.

С одной стороны, кажется, что дешевая электроэнергия – благо. С другой – именно ее низкая стоимость не позволяла внедрять эффективные энергосберегающие технологии и снижать непомерно высокую энергоемкость общественного производства.

О том, что на самом деле в экономическом смысле скрывалось за «дешевой электроэнергией», утратившей свойства товара, достаточно красноречиво свидетельствует существующий и поныне механизм «перекрестного субсидирования»:

- субсидирование производства электрической энергии за счет тепловой энергии на ТЭЦ;
- субсидирование потребителей электрической энергии за счет потребителей тепла от ТЭЦ;
- субсидирование мощности (надежности) электроснабжения за счет платы за энергию;
- субсидирование мощности, резерва мощности теплоснабжения за счет платы за энергию;
- субсидирование населения по принципу «всем за счет всех»;
- субсидирование дальних потребителей за счет ближних;
- субсидирование по времени внесения затрат;
- субсидирование новых технологий в энергетике.

В наши дни

Энергетическое право постсоветского периода решительно возвращает электроэнергию и энергетическим услугам форму товара как объекта имущественных отношений. В 1995 г. вступили в силу Положения о договоре энергоснабжения, включенные в параграф 6 гл. 30 Гражданского кодекса РФ «Купля-продажа». Предметом данного договора (в узком понимании) согласно п. 1 ст. 454 ГК РФ называется вещь (товар), и предлагается считать, что предмет договора энергоснабжения (энергия) также обладает товарной характеристикой.

В ст. 3 ФЗ № 35 от 26.03.2003 «Об электроэнергетике» указывается на то, что электрическая энергия (мощность) относится к «товарам», производимым на объектах по производству электрической энергии, передаваемым через объекты электросетевого хозяйства посредством оказания услуг по передаче электрической энергии на энергопринимающие устройства.

Электроснабжение как естественная монополия

В то время как Советский Союз боролся за создание материально-технической базы социалистического общества на основе всеобщей электрификации, в мировой электроэнергетике происходили весьма противоречивые процессы, связанные с превращением электроснабжения в разновидность «естественной монополии» и введением в США и в других индустриально развитых странах ее государственного регулирования.

Научное определение понятия естественной монополии (*англ.* the great public utilities) сложилось не просто и не сразу. Автором термина считается британский философ, экономист и политический деятель Дж. Ст. Милль (1806–1873). Под естественной монополией он подразумевал «предприятие подлинно общественного значения, способное с выгодой осуществлять свои функции лишь в таких крупных масштабах, что свобода конкуренции при этом становится почти иллюзорной» [Милль, 1980. С. 302].

В XIX в. первой естественной монополией было признано почтовое дело, а после изобретения телеграфа – передача электромагнитных сигналов по телеграфным линиям. В 1870-е годы, в период интенсивного развития железнодорожного транспорта, практически было доказано, что экономическая эффективность железнодорожной компании напрямую зависит от ее размеров. Крупное транспортное предприятие с гораздо меньшими издержками переживает кризис грузоперевозок, ему доступнее банковский кредит, и оно имеет возможность своевременно обновлять парк локомотивов, вагонов и прочих технических компонентов железнодорожного хозяйства.

Таким образом, признавалось, что *естественная монополия существует, когда экономия от масштаба позволяет одному предприятию удовлетворить весь рыночный спрос без (до) того, чтобы (как) отдача от масштаба стала снижаться* [Ramsey, 1927].

Признание электроснабжения естественной монополией произошло в период, когда энергетические предприятия стали превращаться в вертикально интегрированные компании (холдинги). К этому их подталкивала сама технология производства электроэнергии в чувствительном для национального или регионального рынка объеме [Фомичева, 2013].

Технологический скачок

Реальной движущей силой процесса концентрации производства и распределения электроэнергии являлось непрерывное совершенствование энергетического оборудования, которое развивалось в пользу крупных агрегатов гидросилового и паросилового электрохозяйства.

Первые образцы горизонтальных осевых гидротурбин появились в конце 1840-х годов. Это были турбины Жонваля мощностью около 140 л.с. После 1891 г., когда стала возможной передача энергии трехфазным током, мощности турбин Жонваля стремительно возросли и приблизились в 1900 г. к 1200 кВт. Единичная мощность радиально-осевой турбины системы Френсиса выросла с 8 тыс. кВт в 1903 г. до 20 тыс. кВт в 1913-м.

В конце 1920-х происходит скачок в укрупнении единичной мощности агрегатов тепловых электростанций: мощность паровых турбин в одном агрегате увеличивается до 150–200 тыс. кВт [Гартман, 1927]. В 1930 г. в Германии 246 крупных электростанций произвели 21,2 млрд кВт·ч электроэнергии (73,4% общего объема). Коэффициент централизации (производства электроэнергии на станциях общественного пользования) достиг 53,5%. Наибольшая мощность отдельной станции доходила до 440 и 550 тыс. кВт. В США коэффициент централизации был еще выше – 77%. Наибольшая мощность отдельной станции доходила до 1 млн кВт⁶.

В Японии пять крупных электроснабжающих обществ контролировали в 1920-е годы две трети мощности всех тепловых и гидроэлектрических станций страны. При этом между ними действовало картельное соглашение о перетоках электроэнергии по межсистемным линиям электропередачи и о взаимной поддержке резервами.

Укрупнение единичной мощности генерации и повышение напряжения линий электропередачи сопровождалось снижением удельных расходов топлива. По этой причине тарифы на электроэнергию оставались стабильными, а относительно цен на большинство других потребительских товаров даже снижались. Это создавало условия для обеспечения электроэнергией все большего

⁶ Передовая. Электрфикация СССР на грани второй пятилетки//Электричество. 1933. № 2. С.3.

круга потребителей и расширения сфер ее промышленного и бытового применения.

От рынка к госрегулированию

Изъятие энергетической отрасли из сферы действия рынка в США началось в 1907 г., когда Национальная ассоциация электроосвещения и Национальная гражданская федерация вынесли постановление о государственном регулировании коммунальных компаний. В 1911 г. Конгресс США принял Закон о коммунальных предприятиях, которым ограничил права электроэнергетических, газовых и водоснабжающих компаний по изменению тарифов и других параметров корпоративной политики.

Закон установил стандартные технические характеристики электрического тока, ограничил свободу слияний и поглощений для компаний электроснабжения, определил набор требований к договорам географического франчайзинга. Этим же законом были установлены границы между географическими районами, в которых работают электроэнергетические компании, и был введен запрет на «вторжение... компаний, оперирующих в другом регионе, в регион, где уже действует компания данного региона» [Leonard, 1988].

Организации, наделенные монопольным правом энерго-снабжения, не могли отказать находящемуся на ее территории потребителю в поставке электроэнергии в том количестве, в котором потребитель нуждается, если последний согласен платить по установленному тарифу.

В Англии большинство электростанций общественного пользования были муниципальными. В 1927 г. при правительстве создается Центральный совет по электрификации и вводится государственная монополия оптовой продажи электроэнергии. Правительство возлагает на себя обязанности по строительству национальной электрической сети, координации передачи электроэнергии и установлению единых технологических стандартов.

Во Франции все вопросы, касающиеся развития и эксплуатации электрохозяйства, – намечаемые законодательные и административные мероприятия, строительство и расширение станций и сетей, тарификация и так далее, – рассматривались

и согласовывались в специальном правительственном органе – Высшем совете по электрификации [Михайлов, 1936. С. 40].

В Японии в 1920-е годы все гидроресурсы были объявлены государственной собственностью. Право на их использование давалось электроснабжающим коммерческим обществам при условии подчинения контролю государственного электробюро, которое не только утверждало проекты на начало постройки ГЭС, но и проводило испытания механизмов изготовленной установки перед тем, как выдать разрешение на ее эксплуатацию [Кукель-Краевский, 1930].

В Германии в конце 1935 г. принимается «Закон об энергетике», главной задачей которого является создание «единого» направления работы всех субъектов энергетического хозяйства в виде 12 тыс. электроснабжающих предприятий. Произошло своеобразное разделение пространства электроснабжения по принципу «сетевой монополии». Между фирмами и муниципальными образованиями, по территории которых прокладывались ЛЭП, заключались концессионные соглашения, а между фирмами, интересы которых сталкивались, – демаркационные.

В 1939 г. вся страна делится на 14 энергетических районов, и в каждом создается служба районного диспетчера с диспетчерскими пунктами (около 170), оснащенными всеми необходимыми приборами контроля и коротковолновыми радиостанциями для приема и передачи данных. Перетоками электроэнергии из одного энергетического района в другой руководило Главное диспетчерское управление в Берлине, которое контролировало энергосистемы не только Германии, но и Австрии, Эльзаса, Западной Польши и Судетской области⁷.

В 1947 г. лейбористское правительство Великобритании создало Центральную дирекцию по производству электроэнергии, которой были переданы в управление все электростанции и вся высоковольтная сеть. Названная организация, просуществовавшая до 1989 г., продавала электроэнергию 12 региональным распределительным компаниям по оптовому тарифу, который утверждался правительством, а те перепродавали ее конечным потребителям.

⁷ Материалы по электроснабжению Германии в предвоенный и военный периоды. Берлин, 1945. Т. 1. С. 10–11.

В советской экономике естественные монополии как специфический предмет государственно-правового регулирования не выделялись, хотя они, конечно же, там имелись. Такой необходимости не возникало потому, что монополиями в своем роде являлись все отрасли народного хозяйства.

Одно из существенных отличий социалистических естественных монополий от капиталистических заключалось в том, что капиталистические монополии возникли «снизу» в результате конкурентной борьбы. Социалистические насаждались «сверху» и действовали в тепличных условиях. В монополисты при капитализме прорывались лидеры, которые использовали самые передовые технологии и имели значительный научно-технический и производственный потенциал. При социализме монополии могли существовать и на отсталой технологической базе.

От естественной монополии – к конкурентному рынку

Время господства в мировой электроэнергетике жестких пулов – объединений вертикально интегрированных энергокомпаний с централизованным планированием и контролем режимов всех генерирующих и передающих мощностей – закончилось в 1990-е годы. Бурное развитие газотурбинных технологий наряду с увеличением добычи природного газа, появление распределенной генерации (в том числе – на основе возобновляемых источников энергии), внедрение управляемого энергопотребления – «умных» сетей (smart grid) стимулировали переход к конкурентной электроэнергетике⁸.

Принятый в США в 1992 г. Закон об энергетической политике разрешил деятельность независимых производителей электроэнергии. Рыночное ценообразование на оптовом рынке в течение одного десятилетия вытеснило ценообразование

⁸ Рынок электроэнергии – рынок несовершенной конкуренции, ибо спрос на нее не зависит от текущей ценовой ситуации на рынке, а цена зависит только от коллективного производства электроэнергии на множестве электростанций, различающихся по технологии, мощности и затратам. В такой научной дисциплине, как «общая энергетика», допускается существование 36 видов «энергетических рыночных товаров», имеющих совершенно различную структуру затрат, в том числе 15 видов тепловой и электрической энергии и 21 вида энергетической мощности. Различие этих затрат по стоимости может достигать 20–35 раз и может быть предоставлено на рынке в виде ценообразования на основе анализа маржинальных издержек.

на основе регулируемых государством тарифов, привязанных к себестоимости производства и передачи электроэнергии.

Затем в США были отменены ограничения на доступ независимых генерирующих компаний к сетевой инфраструктуре. Плата за передачу электроэнергии перестала зависеть от расстояния между точками ее продажи и покупки (принцип «почтовой марки»). Магистральные сети либо остались в собственности генерирующих компаний, либо перешли в управление независимых сетевых организаций, часть которых получила лицензии на осуществление диспетчерского управления.

Реформа способствовала сглаживанию разницы в ценах на электроэнергию в различных штатах, хотя не обошлось без казусов. Например, в Калифорнии, где основной объем электроэнергии вырабатывается на ГЭС, цены на электроэнергию выросли втрое, а в 2001 г. из-за засушливого лета и обмеления водоемов объемы производства упали настолько, что это привело к веерным отключениям и продаже крупнейшей вертикально интегрированной компанией San Diego Gas and Electric своих генерирующих активов. Энергетический кризис оказался настолько серьезным, что потребовалось прямое вмешательство президента США, который директивно указал властям других штатов продавать электроэнергию Калифорнии по регулируемым ценам [Давыдовский, 2011].

В 2003 г. Евросоюз принял Директиву по дерегулированию и либерализации электроэнергетики. Целью реформы провозглашались снижение цен на электроэнергию, улучшение качества обслуживания и рост конкуренции.

Реформа предусматривала разделение вертикально интегрированных энергокомпаний по видам деятельности и обеспечение конкуренции в секторах генерации и сбыта электроэнергии. При этом речь шла лишь о юридическом разделении, которое не предполагало обязательной смены владельца при условии, что операторы передающих и распределительных сетей обеспечивают недискриминационный доступ к сети с экономически обоснованной ценой подключения.

Директива нацеливалась на создание совместимых условий поставки электроэнергии потребителям в странах – членах ЕС,

что позволило бы в дальнейшем прийти к единому европейскому рынку электроэнергии⁹.

К 2008 г. на территории ЕС развернули деятельность девять основных бирж электроэнергии: NordPool, EEX, IPEX, Powernext, APX NL, APX UK, Belpex, Endex и Omel. Предметом биржевой торговли являются стандартизированные лоты по 10 МВт·ч электроэнергии в определенный получасовой период следующего дня. Такая форма торговли дает генерирующим и энергоснабжающим компаниям возможность гибко подстраиваться к текущей ситуации, прикупая недостающие объемы электроэнергии либо оперативно продавая возникшие излишки.

Кроме того, в биржевой торговле могут принимать участие трейдерские компании, ведущие спекулятивные или хеджевые операции. Торговля контрактами, а не реальной электроэнергией, придает рынку дополнительную ликвидность и снижает роль отдельных крупных поставщиков и покупателей.

Наиболее развитым рынком считается рынок Северной Европы, в особенности его скандинавская часть, где на бирже NordPool организованы торги «на сутки вперед» и балансирующий рынок. На этом рынке наблюдаются одни из самых низких цен в Европе, а ликвидность превышает 30%. Развитость электросетей позволяет без значительных потерь обеспечить перетоки электроэнергии от производителя к потребителям, находящимся в самых удаленных точках региона.

Мировой опыт создания конкурентных рынков подтвердил возможность трех основных механизмов ценообразования.

1. Текущий рынок электроэнергии, где торговля происходит в режиме реального времени. Это – спотовый, «балансирующий», или рынок «на сутки вперед». Его участники покупают объемы электроэнергии, которые они не смогли заранее спланировать

⁹ В «Рамочной стратегии Энергетического союза с долгосрочной политикой изменения климата» (принята в 2015 г.) сформулированы следующие основополагающие принципы деятельности ЕврЭС: декарбонизация экономики; энергоэффективность как способ снижения энергопотребления; единый энергетический рынок; энергобезопасность, солидарность и доверие; исследования, инновации и конкурентоспособность. В марте 2016 г. 16 системных операторов Евросоюза создали региональный Центр по расчету пропускной способности. Разрабатывается общая методология координированного перераспределения трансграничных перетоков электроэнергии и организации встречной торговли, в целях ликвидации перегрузок в объединенной передающей сети.

в рамках прямых договоров между потребителями и производителями электроэнергии.

Производители электроэнергии выходят на рынок со своими мгновенными (или часовыми) характеристиками издержек (предложения), которые представляют собой зависимости предельных (приростных) издержек (на 1 кВт·ч) от отпускаемой мощности (часовой выработки электроэнергии) генерирующих компаний.

Равновесная цена электроэнергии на текущем рынке в тот или иной момент времени (час суток) устанавливается по соотношению этих кривых со спросом потребителей в этот момент (час).

Суточная средняя рыночная цена демонстрирует естественный утренний максимум, дневной полупик, вечерний пик и ночной «провал».

Месячная цена учитывает снижение потребления электроэнергии предприятиями в выходные дни и повышение в рабочие.

2. Краткосрочный (годовой) рынок электроэнергии, имеющий форму двусторонних контрактов производителей и потребителей (или сбытовых компаний), заключаемых на 1–3 года (форвардные или фьючерсные рынки).

Краткосрочный рынок определяет основные результаты экономической деятельности производителей (годовые издержки, доходы и прибыль) и расходы потребителей на покупку электроэнергии. На этот рынок производители выходят со своими краткосрочными издержками (средними и предельными), представляющими зависимость издержек на единицу продукции от годового ее производства.

Равновесная цена устанавливается по соотношению предельных издержек (являющихся одновременно кривыми предложения) производителей и спроса покупателей. Прибыль (или убыток) производителя определяется как разность между равновесной ценой и средними издержками.

Годовая цена учитывает сезонные (весенне-летние и осенне-зимние) колебания потребления электроэнергии.

3. Долгосрочный рынок электроэнергии, охватывающий долгосрочный период и предполагающий возможности расширения производства (мощности производителей не фиксируются). Производители выступают со своими долгосрочными издержками (средними и предельными) и кривыми предложения, а потребители (покупатели) – с долгосрочными кривыми спроса.

На долгосрочном рынке реализуются интересы так называемого базового потребления (по объемам) и предсказуемости (по цене). Это позволяет снизить волатильность цен для конечных потребителей и обеспечить стабильность поставок. Долгосрочное равновесие (и цена) на таком рынке определяется на пересечении долгосрочных кривых спроса и предложения. Долгосрочный рынок подает ценовые сигналы, стимулирующие строительство новых электростанций и электросетей со сроком окупаемости 10–15 лет.

Предполагается, что благодаря рынку электроэнергии наибольшую загрузку должны получать те генерирующие компании, которые производят электроэнергию с наименьшими издержками, но это лишь в теории. На практике основной компонент издержек – топливная составляющая – определяется не правилами торговли, а технологией, амортизацией и ценами на топливо. Для ГЭС величина зависимости издержек от погодных условий в рамках годового цикла еще больше снижает значимость рыночных правил.

Ветровая и солнечная энергетика вообще не имеют расходов на топливо. С учетом субсидий, которые в странах ЕС получают производители «чистой» электроэнергии, такие компании могут в определенные дни устанавливать тариф ниже нуля евро за 1 кВт·ч, и при этом получать прибыль.

Впрочем, условия оптовой торговли для ветровых и солнечных электростанций по общему правилу определяются среднемесячными показателями использования мощностей, значения которых зависят от изменений интенсивности солнечного излучения и силы ветра на разных территориях и в разные периоды года.

За последние пять лет стоимость «чистой энергии» падала в среднем на 10% в год. Если этот тренд сохранится, то уже в ближайшие годы цены на нее будут существенно ниже, чем электроэнергии, получаемой при сжигании любого вида топлива. В этой связи эксперты прогнозируют появление на энергетических рынках нового класса игроков – аккумулирующие электростанции (либо, по меньшей мере, увеличение роли аккумуляции там, где она уже используется).

Аккумуляция в технологическом смысле поможет решить многие проблемы, порождаемые парадоксом отрицательной цены. Она усреднит цену и сгладит колебания мощностей –

с выгодой и для классических, и для «чистых» производителей, и для потребителей.

Становление рыночных отношений в российской электроэнергетике

В России после одобрения правительством в 2000 г. «Основных положений Энергетической стратегии РФ на период до 2020 года» ключевыми мерами реформирования электроэнергетической отрасли были следующие:

- разделение активов электроэнергетического комплекса по видам деятельности (монопольные и потенциально конкурентные),
- приватизация активов в потенциально конкурентных видах деятельности,
- формирование рыночной конкурентной среды.

До реформы (1992–2008 гг.) государство отвечало за тарифы (ФЭК России) и регулировало вопросы технического контроля (Энергонадзор). Весь остальной функционал возлагался на РАО «ЕЭС России», которое фактически являлось отраслевым квазимиистерством, владевшим 72% установленной мощности всех электростанций России и 96% протяженности всех линий электропередачи.

В 1998 г. уровень оплаты электроэнергии и тепла потребителями не дотягивал до 85%, причем на долю «живых» денег приходилось менее 20%, остальное составляли векселя, зачеты, бартер. Двадцать энергосистем и федеральных электростанций находились на разных стадиях процедуры банкротства с реальной перспективой быть распроданными за долги и ликвидированными. К концу 1999 г. доля «живых» денег в платежах за энергию выросла до 49%, в конце 2000 г. – до 100%. С января 2001 г. в РАО «ЕЭС» расчеты в неденежной форме были официально запрещены и полностью исключены.

Одним из главных мотивов реформы российской электроэнергетики был так называемый «крест Чубайса» – гипотетическая ситуация, когда спрос на электроэнергию превысит предложение, а износ советских электростанций и электросетей не позволит нарастить производство.

Реформаторы утверждали, что либерализация и продажа генерирующих мощностей позволят привлечь новых инвесторов,

которые введут новые мощности за свой счет. На продаже акций генерирующих компаний государство заработало 900 млрд руб. При этом покупателей обязали подписать инвестиционные обязательства по строительству новых мощностей (так называемые ДПМ) с тем, чтобы ввести в строй 30 ГВт мощности с 2007 г. по 2017 г. [Гайдар, Чубайс, 2008].

С 2003 г. по 1 апреля 2006 г. региональные АО-энерго были поделены по видам бизнеса, т.е. в каждом субъекте РФ появились самостоятельные генерирующие, сетевые и сбытовые компании. Сформировалась более прозрачная и понятная инвесторам структура энергетической отрасли.

К концу 2007 г. капитализация РАО «ЕЭС России» составляла почти 50 млрд долл. (против 12 млрд долл. в 1998 г.). В последние годы существования холдинга его бумаги были наиболее популярными «голубыми фишками» России.

С ликвидацией в 2008 г. РАО «ЕЭС России» управление электроэнергетикой в Российской Федерации стало осуществляться по принципу оптимального сочетания централизации и децентрализации.

Законодательно устанавливалось ограничение на совмещение деятельности по передаче электрической энергии с деятельностью по ее производству и купле-продаже, т.е. на совмещение естественно-монопольных и конкурентных видов деятельности.

Управление технологической инфраструктурой было разделено между четырьмя группами компаний.

1. ПАО Системный оператор (СО) ЕЭС – организация, осуществляющая диспетчерское управление и являющаяся собственностью государства (100% акций). Главная ее функция – соблюдение технологических параметров функционирования энергосистемы для работающего и резервного состава мощностей (и графика их нагрузки).

СО ЕЭС отдает распоряжения генерирующим и сетевым компаниям об отключении потребителей в условиях предельных режимов производства электроэнергии, контролирует очередность вывода в ремонт генерирующих и сетевых мощностей и исполнение инвестиционных программ, проводит конкурентный отбор мощности (КОМ) и обеспечивает функционирование балансирующего рынка¹⁰.

2. Федеральная сетевая компания (ПАО «ФСК ЕЭС») – организация, осуществляющая управление магистральными линиями электропередачи напряжением 220–500–750 кВ (75% акций принадлежит государству).

¹⁰ По состоянию на 31.12.2008 в структуре ОАО «СО ЕЭС» находилось 7 объединенных диспетчерских управлений (ОДУ), 57 региональных диспетчерских управлений (РДУ) и 7 региональных предприятий «Энерготехнадзор».

ФСК занимается управлением, эксплуатацией и развитием Единой национальной электрической сети (ЕНЭС) и предоставляет участникам оптового рынка услуги по передаче электроэнергии.

3. ПАО «Россети» – организация, осуществляющая корпоративное управление Межрегиональными распределительными сетевыми компаниями (МРСК). Контролирующим акционером является государство в лице Федерального агентства по управлению государственным имуществом, владеющее 87,9% долей в уставном капитале¹¹.

4. Оптовые (ОГК) и территориальные (ТГК) генерирующие компании, выполняющие функции эксплуатирующих организаций (операторов) тепловых и гидроэлектрических станций. Их первоначальная структура была утверждена правительством РФ в сентябре 2003 г. Тогда на рынке присутствовали 10 ОГК и 14 ТГК.

Все ОГК и ТГК с участием частного капитала связаны с государством договорными обязательствами на поставку мощности (ДПМ) и имеют государственные гарантии на возмещение в течение десяти лет стоимости инвестиций в развитие генерации¹².

К организациям коммерческой инфраструктуры относятся:

- ПАО «Администратор торговой системы» (АО «АТС»); Наряду с системным оператором управляет загрузкой электростанций страны, но делает это не технологическими или административными, а финансовыми методами;
- ПАО «Центр финансовых расчетов» (АО «ЦФР»);
- Ассоциация «НП Совет рынка». Ее задача – обеспечение баланса интересов между участниками рынка и единство функционирования оптового и розничного рынков электроэнергии.

Оптовый рынок электроэнергии устроен следующим образом: ОГК и ТГК выставляют свои предложения объемов производства и цены, покупатели заявляют свое потребление, а некоторые – и максимальную цену, которую готовы заплатить. Порог для входа генерирующей компании на оптовый рынок – установленная мощность, равная или превышающая 25 МВт.

Далее ПАО «АТС» проводит централизованный отбор ценовых заявок поставщиков.

Регулируемые договоры основываются на принципе take or pay, то есть обязательной поставки и покупки.

От всего объема оптового рынка 80% составляет «спот» – рынок «на сутки вперед».

¹¹ Имущественный комплекс ПАО «Россети» включает в себя 36 дочерних и зависимых общества, в том числе 14 межрегиональных и магистральную сетевую компанию. Компания управляет 2,3 млн км линий электропередачи, 496 тыс. подстанциями трансформаторной мощностью более 773 тыс. МВА.

¹² По состоянию на 31 декабря 2008 г. в суммарной установленной мощности электростанций России доля вошедших в состав ОГК и ТГК составила около 60% (134,2 млн кВт), в том числе ОГК – 35% (78,3 млн кВт), ТГК – 25% (55,9 млн кВт).

Модель торговли электроэнергией на российском оптовом рынке по своим характеристикам больше напоминает обязательный централизованный пул, в котором продажа электроэнергии происходит через одну унифицированную сторону, и покупатель не видит продавца (в отличие от биржи, где покупатель выбирает продавца)¹³.

Динамика оптовых цен стала подавать поставщикам и потребителям рациональные сигналы об эффективности загрузки генерирующих мощностей и оптимизации режима потребления при краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных горизонтах планирования. Однако реформа отрасли далека от завершения, а единая энергосистема России на самом деле таковой не является из-за ряда ограничений.

Изначально российский оптовый энергетический рынок был разделен на две ценовые зоны: европейскую часть (с Уралом) и Сибирь. Обе они состоят из сегментов «свободного перетока электрической энергии (мощности)», разделяющих ценовую зону на неравнозначные части, внутри которых могут передаваться большие мощности, но вывести их за пределы зоны не позволяет пропускная способность магистральных электросетей. Она же создает так называемые «запертые» генерирующие мощности.

На сегодняшний день количество сегментов «свободного перетока электрической энергии (мощности)» равно 21, и каждый из них уникален с точки зрения структуры и состава генерирующих мощностей, протяженности магистральных ЛЭП и распределительных сетей, характера электрических нагрузок и т.д.

Архангельская и Калининградская области, Республика Коми и регионы Дальнего Востока относятся к неценовым зонам. Система ценообразования здесь осталась такая же, как и до реформы РАО «ЕЭС России»: все станции получают регулируемые тарифы на электроэнергию и мощность.

Конкуренция на розничных рынках, которая декларировалась как краеугольный камень реформы российской электроэнергетики, начала обретать черты соперничества в основном за статус гарантирующего поставщика (ГП).

Последний, выполняя сбытовую функцию, организует перепродажу электроэнергии, купленной на оптовом рынке, розничным

¹³ Подробнее см.: [Редькин, 2013].

потребителям. При этом ГП принимает на себя все обязанности как сетевых, так и генерирующих компаний, не обладая ни сетевым, ни генерирующим оборудованием. Соответственно, ГП может обеспечивать технологические гарантии, только требуя их исполнения со стороны сетевых и генерирующих компаний.

Сейчас в России насчитывается около 300 гарантирующих поставщиков, а объем розничного рынка электроэнергии составляет около 2 трлн руб.

Значительное количество «розничных» потребителей электроэнергии не имеют возможности выбирать энергосбытовую компанию ввиду отсутствия альтернативного поставщика.

Снижения или хотя бы стабилизации цен на электроэнергию на дореформенном уровне не произошло. Напротив, цены на электроэнергию для населения в среднем поднялись почти в 3,8 раза, а для промышленных потребителей – в 2,7 раза. В более или менее благополучном 2012 г. цена электричества в России для средних промышленных потребителей составила в эквиваленте около 0,122 евро/кВт·ч – это существенно выше, чем в «старых» странах ЕС (15 государств), Северной Европе и в США.

Если сравнивать с США, наши цены выше в 2,5 раза, с Германией – на 41%, со средней ценой в ЕС (27 государств) – на 25%. Только в новых странах ЕС, а также в Италии и Турции электричество пока еще дороже, чем в России.

Тариф на электроэнергию можно представить в виде «пирога» из четырёх слоёв. Первый – 50–55% – это стоимость энергии и мощности на оптовом рынке, т.е. ее закупочная цена. Второй – 40–45% – стоимость услуг по передаче электроэнергии, за которые сбытовая компания платит сетевой. Третий – всего 1% – плата за инфраструктуру рынка. Таким образом, до 98% тарифа уходит на оплату различных услуг и непосредственно товара – электроэнергии и мощности. Последний слой – 2–3% – так называемая сбытовая надбавка, – это то, на что «живёт» гарантирующий поставщик. Ее размер устанавливается государством.

Наибольшая доля роста цен на электроэнергию приходится на топливную составляющую. В 2015 г., по данным «Газпрома», средняя оптовая цена газа для внутреннего рынка с учетом НДС составила 4300 руб. за тысячу кубов против 1330 руб. в 2006 г. В структуре издержек генерирующих компаний, работающих на природном газе, расходы на топливо выросли до 60–85%.

Между тем на природном газе в России вырабатывается примерно 50% электричества.

Существенно ухудшился показатель расхода электроэнергии на ее транспорт (сетевые потери) – с 8,7% в 1990 г. до 11,2% к 2013 г.

Удельная стоимость передачи киловатт-часа по магистральным сетям за тот же период увеличилась в сравнимых ценах с 5 до 33 коп.

Притчей во языцех стала «последняя миля» – рыночная схема, при которой крупные потребители, подключенные к магистральным сетям ФСК, оплачивали не только ее тариф, но и тарифы распределительных сетей, услугами которых не пользовались. Для этого распределительные сетевые компании брали в аренду у ФСК ЕЭС «последнюю милю» – участок сетей, к которым подключен потребитель. Данный механизм повышал цену электроэнергии для крупных предприятий, но позволял понижать тарифы для остальных и закончил свое действие 1 января 2014 г. с установлением запрета на «прямое подключение потребителей» к магистральным сетям ФСК. Потребители на высоком напряжении (предприятия металлургии и химической промышленности) получили тарифную скидку (компенсацию) в размере 20–30%.

Ни один из участников цепочки поставщиков электроэнергии не несет материальной ответственности перед конечным потребителем. Фактически потребители вынуждены оплачивать все инструменты надежности, но гарантий надежности им никто не дает и ущерб от прерывания электроснабжения не возмещает.

Рост тарифов, относительная недоступность сетевой инфраструктуры, перекосы в ценовом регулировании в отношении технологического присоединения и услуг по передаче электрической энергии, нарушение качества услуг в сфере электроснабжения вызывают законное недовольство российских предпринимателей, побуждают их к поиску альтернативных вариантов электроснабжения¹⁴.

¹⁴ По сообщениям СМИ, стоимость одного присоединенного кВт в С.-Петербурге достигает 30–70 тыс. руб. Для открытия своего кафе или магазинчика необходимо 30–50 кВт; это значит, необходимо заплатить 1,5–3,5 млн руб. Для открытия малого предприятия в промышленности требуется 100–300 кВт, это потребует затрат в 3–21 млн руб. Это потери бизнеса без затрат на проектирование и выполнение технических условий; последнее стоит не меньше, чем сама энергетика.

С появлением на рынке энергетического оборудования сравнительно недорогих газопоршневых и газотурбинных установок единичной мощности от 2,5 до 450 МВт крупные промышленные потребители все более охотно переходят на автономное энергообеспечение. Тут срабатывает вполне обоснованная логика: зачем платить за юридические гарантии в составе платы за электроэнергию, если они все равно не обеспечиваются; гораздо проще обзавестись собственной генерацией, а потенциальные убытки компенсировать за счет более дешевой электроэнергии.

* * *

Исследование показало, что электроэнергия и услуги по ее предоставлению имеют двойственную экономическую природу. В зависимости от того, рассматривается электроэнергия как вещь или как общественное материальное благо, возможны различные базовые модели построения системы электроснабжения в масштабе национальной и даже мировой экономики.

Русские большевики не случайно выбрали электроэнергетику «основным звеном» социалистического преобразования общества, резонно полагая, что каждая вновь построенная крупная государственная электростанция и примыкающая к ней распределительная сеть – это и есть искомая техническая основа для объединения товаропроизводителей в крупные территориально-отраслевые производственные комплексы, управляемые по единому плану.

Однако мы видим, что тенденции «социализации» (с разной степенью приближения к идеалу «единого электрохозяйства») в 1920–1930-е годы проявились и в электроэнергетике развитых капиталистических стран, когда в результате прогресса энергетической техники и конкурентной борьбы энергетических компаний электроснабжение стало разновидностью «естественной монополии». Больше всех в обобществлении электроэнергетики и отрицании товарного характера производства электроэнергии и предоставлении энергетических услуг преуспела нацистская Германия.

Нелишне отметить, что современная доктрина энергетического права, рассматривающая электроэнергетику как совокупность конкурентных рынков, смогла, что называется, «овладеть сознанием масс» лишь после полного отказа правящих элит от марксистских

и кейнсианских идей макроэкономического регулирования. Ни одна из 100 стран, которые в 1990-е годы приступили к либерализации экономических отношений в области электроэнергетики, не намерена возвращаться к дореформенному состоянию.

Но неоднозначность последствий либерализации электроэнергетики, являющейся базовой отраслью индустриального общества, увеличивает количество противников реформы в России и вызывает разочарование даже среди убежденных «рыночников» и либералов.

Полагаю, что как бы ни были велики шансы на победу сторонников контрреформ, следует не упускать из виду новейшие научно-технические разработки в области возобновляемых источников энергии, распределенной генерации и создания «интеллектуальных электросетей». Не исключено, что данные технологии если и не изменят качественно нынешнюю доктрину энергетического права, то хотя бы внесут в нее общественно-значимые коррективы.

Для российской электроэнергетики на современном этапе реформирования особое значение приобретает внедрение инновационного силового оборудования системообразующих электрических сетей, необходимое для повышения пропускной способности электрической связи между энергетическими узлами. Это не только уменьшит сетевые потери, но и будет способствовать объединению сегментов ценовых зон и повышению уровня конкуренции между генерирующими компаниями.

В части генерации как никогда актуально замещение неэффективного оборудования новым с меньшей мощностью, но резким увеличением КПД, что обеспечит, с одной стороны, повышение надежности энергосистем, с другой – позволит снизить затраты на поддержание резервной мощности, давящие на цены оптового рынка электроэнергии.

Литература

Гайдар Е., Чубайс А. Экономические записки. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008.

Гартман О. Г. Пар высокого давления/ Пер. с нем. Б. А. Люблинского; под ред. Д. А. Доллежалъ. М.: Государственное техническое изд., 1927.

Давыдовский Ф.Н. Либерализация мировой электроэнергетики и проблемы становления конкурентных рынков в условиях реструктуризации//Экономика, предпринимательство и право. 2011. № 7.

Канцер Ю.А. История развития энергоснабжения в России и науки, его изучающей // Энергетика и право. 2013. № 2.

Кукель-Краевский С. Мировой инженерный конгресс и мировая энергетическая конференция 1929 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 3. С. 227-248.

Лахно П.Г. Энергетическое право России: понятие и сущность. Российская модель энергетического права // Библиотека научных публикаций Электронного периодического справочника «Система ГАРАНТ». 2013. № 1. С. 3.

Милль Дж. Ст. Основы политической экономии Т. 1. М.: Прогресс, 1980. С. 302.

Михайлов В.И. Электрификация Франции // Электричество. 1936. № 17.

Попондопуло В.Ф. Энергетическое право и энергетическое законодательство: общая характеристика, тенденции развития. Энергетика и право. М.: Изд. «Юрист», 2008.

Редькин И.В. Анализ ключевых проблем государственного регулирования электроэнергетики по результатам завершения переходного периода реформы // Энергетическое право. 2013. № 1.

Розин Н.Н. О похищении электрической энергии // Вестник права. 1899. № 10.

Фомичева И.В. Эволюция естественной монополии, как рыночной структуры // Теоретическая экономика. 2013. № 1. С. 50.

Яковлев В.Ф., Лахно П.Г. Энергетическое право как комплексная отрасль права России. Энергетическое право России и Германии: сравнительно-правовое исследование / Под ред. П. Г. Лахно. М.: Изд. «Юрист», 2011.

Leonard S. Hyman, America's electric utilities: past, present and future. – Public Utilities Reports, Inc. Arlington. Virginia. 1988.

Ramsey F. A Contribution to the Theory of Taxation // Econ. Journ. 1927. Vol. 37. № 1.

Статья поступила 02.06.2017

Summary

Simonov N.S., Federal Grid Company (JSC «FGC UES»), Moscow

Reforms in the Electric Power Industry of Russia in the Context of Energy Law Development

The subject of research is the Genesis of the doctrine of electric power supply as one of the sources of energy law. It is proved that the attitude of society to a proprietary form of electricity and energy services is determined by specific historical conditions, and mainly technology generation and transmission of electricity. In the vast historical material with the use of a comparative analysis traces the process of the civil law understanding of the legal regime of electricity supply in the industrial development countries, Russian Empire, USSR and modern Russia. It is concluded that modern technologies, more than ever, contribute to the liberalization of the electric power industry and the creation of a market competition between electricity suppliers.

Electric power industry; power supply; power law; the great public utilities; electric power market

References

- Gajdar E., Chubajs A. (2008). Jekonomicheskie zapiski. M. ROSSPJeN Publ. (In Russ).
- Gartman O.G. (1927). Par vysokogo davlenija. Per. s nemeckogo B. A. Ljublinskogo: pod red. D. A. Dollezhal'. M.: Gosudarstvennoe tehničeskoe izdatel'stvo. (In Russ).
- Davydovskij F.N. (2011). Liberalizacija mirovoj jelektrojenergetiki i problemy stanovlenija konkurentnyh rynkov v uslovijah restrukturizacii. *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo*. [Journal of Economics, Entrepreneurship and Law] No. 7. (In Russ).
- Kancer Ju.A. (2013). Istorija razvitija jenergosnabzhenija v Rossii i nauki, ego izuchajushhej. *Jenergetika i pravo*. No. 2. (In Russ).
- Kukel'Kraevskij S. (1930). Mirovoj inženernyj kongress i mirovaja jenergetičeskaja konferencija 1929 g. *Planovoe hozjajstvo*. No. 3. Pp. 227-248. (In Russ).
- Lahno P.G. (2013). Jenergetičeskoe pravo Rossii: ponjatie i sushhnost'. Rossijskaja model' jenergetičeskogo prava. *Biblioteka nauchnyh publikacij Jelektroonogo periodičeskogo spravocznika «Sistema GARANT»*. No. 1. P. 3. (In Russ).
- Mill' Dzh. St. (1980). Osnovy političeskoj jekonomii T. 1. Moscow: Progress Publ. P. 302. (In Russ).
- Mihajlov V.I. (1936). Jelektifikacija Francii. *Jelektričestvo*. No. 17. (In Russ).
- Popondopulo V.F. (2008). Jenergetičeskoe pravo i jenergetičeskoe zakonodatel'stvo: obshhaja harakteristika, tendencii razvitija. *Jenergetika i pravo*. Moscow: Jurist Publ. (In Russ).
- Red'kin I.V. (2013). Analiz ključevykh problem gosudarstvennogo regulirovanija jelektrojenergetiki po rezul'tatam zavershenija perehodnogo perioda reform. *Jenergetičeskoe pravo*. No. 1. (In Russ).
- Rozin N.N. (1899). O pohishhenii jelektričeskoj jenergii. *Vestnik prava*. No. 10. (In Russ).
- Fomicheva I.V. (2013). Jevoljucija estestvennoj monopolii, kak rynočnoj struktury. *Teoretičeskaja jekonomika*. No. 1. P. 50. (In Russ).
- Jakovlev V.F., Lahno P.G. (2011). Jenergetičeskoe pravo kak kompleksnaja otrasl' prava Rossii. Jenergetičeskoe pravo Rossii i Germanii: sravnitel'nopravovoe issledovanie. Pod red. P. G. Lahno. Moscow: Jurist Publ. (In Russ).
- Leonard S. (1988). Hyman, America's electric utilities: past, present and future.– Public Utilities Reports, Inc. Arlington. Virginia.
- Ramsey F.A (1927). Contribution to the Theory of Taxation. *Econ. Journ.* Vol. 37. No. 1.

ICO как современный способ финансирования высокотехнологичных проектов

Е.А. ОБУХОВА, Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет, Новосибирск. E-mail: e.a.obukhova@gmail.com

Привлечение инвестиций является одной из наиболее значимых задач, стоящих перед менеджментом на любой стадии жизненного цикла бизнес-проекта. В последнее время помимо традиционных каналов фандрайзинга широкое распространение получили такие относительно новые способы привлечения финансирования, как краудфандинг и первичное размещение токенов (ICO – initial coin offering). Наиболее часто по этому пути идут команды, задействованные в реализации высокотехнологичных проектов. Возрастающий интерес инвесторов подогревается бурным ростом курса криптовалют, а также политикой ряда ведущих стран, поддерживающих обращение криптовалют и операции с ними.

В настоящей статье сделан обзор мирового опыта проведения ICO, осуществлен SWOT-анализ данного механизма привлечения инвестиций, а также рассмотрены примеры из реальной экономической практики последних лет, иллюстрирующие возможности и ограничения использования данного метода. С учетом проведенного анализа сформулированы несколько сценариев развития технологий создания и использования криптовалют, а также дана оценка перспектив осуществления ICO, основанного на их выпуске.

Ключевые слова: криптовалюта, ICO, блокчейн, биткойн, токен, фандрайзинг, инвестиции, SWOT-анализ

Современные технологии постоянно меняют облик мировой экономической системы, встраивая в нее все новые элементы. Одним из трендов последних нескольких лет стал бурный рост нового вида цифровых активов – криптовалют.

Криптовалюта, или децентрализованная виртуальная валюта – это основанная на математических принципах с открытым исходным кодом виртуальная валюта, схема эмиссии и учета которой базируется на технологии асимметричного шифрования и различных криптографических методах защиты целостности информации, фиксируемых в технологии блочных цепей блокчейн (block chain). Такая виртуальная валюта не имеет центрального администратора и органа централизованного наблюдения или надзора [Кочергин, 2017]. Примерами децентрализованных виртуальных валют могут служить Bitcoin, Litecoin, Namecoin и т.д. Для обозначения единицы криптовалюты зачастую применяется слово «токен», однако это понятие иногда используется в более широком значении (как единица учета при представлении цифрового баланса в некоем активе).

ICO как способ привлечения инвестиций

По данным портала coinmarketcap.com, в биржевом обороте по состоянию на 10.09.2017 г. находятся 864 криптовалюты, общая

капитализация которых составляет около 139,9 млрд долл., при этом на долю топ-10 криптовалют приходится 87% рыночной капитализации. Это свидетельствует о росте популярности ICO как механизма привлечения инвестиций. По некоторым оценкам, ежедневно происходит выпуск одного нового токена [Пряников и др., 2017].

ICO (Initial Coin Offering – первичное предложение или размещение монет) – механизм привлечения инвестиций, основанный на эмиссии компаниями новой криптовалюты (токенов) в обмен на традиционные валюты или иные виды криптовалют, находящиеся в обращении. Вновь созданная криптовалюта компании после процедуры ICO начинает торговаться на бирже и обретает свой курс по аналогии с существующими криптовалютами [Adhami et al, 2017].

Переводя вопрос в практическую плоскость, отметим, что процесс выпуска новой криптовалюты обладает рядом особенностей.

1. «Добыча» новой единицы криптовалюты происходит при помощи достаточно мощного вычислительного оборудования и специального программного обеспечения, что ограничивает потенциальный круг «добывающих» компаний.

2. Максимально возможное количество криптовалюты, которое можно сгенерировать, ограничено алгоритмом, лежащим в ее основе, и является обязательным условием выпуска нового токена. Таким образом, добыча последних единиц криптовалюты значительно усложняется, что позволяет поддерживать баланс ее стоимости.

3. Контролирующие органы разных стран по-разному оценивают законность выпуска и сделок с криптовалютой, но в большинстве из них интенсифицируются процессы их легитимизации.

4. Все операции с криптовалютами проводятся через электронные кошельки и являются безвозвратными и анонимными, что предполагает определенные риски для сторон сделки.

На сегодняшний день в сети Интернет существует множество специальных ресурсов для генерации новых криптовалют: библиотеки исходных кодов, специализированные программы для их модификации и запуска в блоках сети блокчейн¹. Однако процесс выпуска новой валюты не ограничивается технической стороной. Немаловажную роль играют ее позиционирование на рынке, формирование грамотного продвижения, которое зависит от цели выпуска новой криптовалюты. В частности, в зависимости от их предназначения² выделяются токены-жетоны, используемые для оплаты внутренних сервисов проекта; токены-акции, дающие право на долю в компании и/или ее прибыли; кредитные токены, позволяющие компании-эмитенту привлечь внешнее финансирование на заранее определенных условиях.

Вновь созданные токены начинают торговаться на биржах. Особенности криптобирж являются анонимность счетов и невозможность заморозки либо аннулирования платежей, а также нерегулируемость со стороны контролирующих органов, но конкретные правила торговли на каждой из них могут различаться³. В таблице 1 приведен список десяти крупнейших по объему торгов биткойнами международных бирж (всего их насчитывается около 185).

¹ Как создать собственную криптовалюту. URL: <https://mining-bitcoin.ru/kriptovalyuta/kak-sozdat-svoyu-kriptovalyutu#i>. (дата обращения: 10.11.2017).; Криптовалюта – как ее создавать? URL: <https://habrahabr.ru/post/263367/> (дата обращения: 10.11.2017).

² Что такое токен ICO. URL: <https://fb.ru/howto/chto-takoe-token/> (дата обращения: 20.10.2017).

³ Топ-10 бирж криптовалют. URL: <http://crypto-mining.ru/luchshie-birzhi-kriptovalyut-spisok-bitkoin-birzh.html>. (дата обращения 15.10.2017).

Таблица 1. Крупнейшие биржевые площадки, работающие
с криптовалютами

Наименование биржи	Количество торговых пар*	Дата регистрации домена	Доступ на территории РФ**
Bitfinex	61	11.10.2012	Нет
Poloniex	102	10.01.2014	Есть
Bitstamp	1	04.07.2011	Нет
LiveCoin	293	04.03.2014	Есть
Cex.io	1	30.06.2013	Есть
LocalBitcoins	89	05.06.2012	Есть
BitX South Africa	4	01.03.2013	Есть
Bitkonan	2	12.06.2013	Есть
OKCoin	2	01.11.1999	Есть
INDX	н/д	28.12.1998	Есть

Примечание: * Торговые пары (валютные пары) – отношение цен двух валют (базовой и котируемой), входящих в пару на данном валютном рынке (валютной бирже). ** Согласно ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и защите информации».

Источник: bitmakler.com. 2017. 15 окт.

Международный опыт регулирования рынка криптовалют

Биткойн (BTC) является первой и наиболее широко распространенной криптовалютой. Это полностью децентрализованная система электронных денег. Биткойн имеет открытый программный код, поэтому процесс его майнинга доступен практически каждому и ограничен лишь мощностью вычислительного оборудования, а также ключевым алгоритмом. С момента появления в 2008 г. по настоящее время, по оценке, «добыто» около 60% всех биткойнов [Роббек, 2014]. Несмотря на возрастающий интерес к данной криптовалюте, процесс майнинга биткойнов будет популярен до тех пор, пока их стоимость превышает совокупные затраты на оборудование и электроэнергию.

Интерес к этой валюте подогревается стремительным ростом обменного курса, который поддерживается, в том числе, за счет взятого правительствами Японии, Кореи и Китая курса на проникновение криптовалют в повседневную жизнь граждан и даже госучреждений (например, для сбора налогов и выставления

электронных счетов)⁴. Всего за один летний месяц 2017 г. общая капитализация биткойнов возросла почти в два раза и составила 73,5 млрд долл. по состоянию на 16 августа 2017 г.⁵

В ряде стран сейчас предпринимаются попытки построить систему государственного регулирования оборота криптовалют. Так, в Германии правовой статус биткойна рассматривается как вариант частных денег, безналичный оборот которых разрешен на всей территории страны. В Японии правительством предпринимаются попытки наладить механизм налогообложения операций в криптовалюте. США рассматривает биткойн как вид имущества, Норвегия – как биржевой актив, а парламент Швейцарии принял решение считать их иностранной валютой. Правительство Венесуэлы 03.12.2017 г. объявило о создании собственной криптовалюты (El Petro) как инструмента преодоления социально-экономического кризиса⁶. Вместе с тем во многих странах, таких как Тайланд, Боливия, Эквадор, оборот криптовалют запрещен законодательно [Кочергин, 2017; Николайчук, 2017].

А Китай, поначалу поддерживавший криптовалюты, в течение августа–сентября 2017 г. изменил свою политику. Так, согласно заявлению Народного банка Китая от 4 сентября 2017 г., в стране запрещено проведение ICO, а компании, уже привлечшие инвестиции таким способом, обязаны вернуть инвесторам денежные средства (по состоянию на июль 2017 г. в КНР было проведено 65 ICO, в ходе которых были привлечены инвестиции на общую сумму свыше 394,5 млн долл.)⁷.

Несмотря на внушительные успехи по первичному размещению новых криптовалют, многие эксперты и чиновники полагают, что анонимный характер операций может приводить к их использованию в криминальных целях. В частности, ЦБ РФ в своем заявлении от 4 сентября 2017 г. предупреждает граждан о высоких рисках

⁴ China and Japan are largely responsible for cryptocurrency's success. URL: <http://www.businessinsider.com/cryptocurrency-china-japan-bitcoin-ethereum-2017-7>. (дата обращения: 02.09.2017).

⁵ Азиатский след: за новый взлёт стоимости Bitcoin нужно благодарить Китай, Японию и Корею. URL: <https://m.geektimes.ru/company/hashflare/blog/291971/> (дата обращения: 02.09.2017).

⁶ Мадуро объявил о создании венесуэльской криптовалюты. URL: <https://news.mail.ru/politics/31840582/?f=vk>. (дата обращения: 05.12.2017).

⁷ В Китае запретили ICO, организаторов обязали вернуть средства инвесторам URL: <https://m.geektimes.ru/post/292655/>. (дата обращения: 05.09.2017).

вложения средств в криптовалюту и ограничении ее обращения на территории России⁸.

Вместе с тем интерес многих крупных финансовых учреждений к самой технологии блокчейн⁹, лежащей в основе механизма обращения криптовалют, может стать базой для разработки новых международных межбанковских финансовых каналов связи, подобных существующей системе SWIFT [Степанова и др., 2016]. В России эта система получила название «технологии распределенного реестра» (distributed ledger technology – DLT). Однако возникает неоднозначная ситуация: вместе с развитием технологии блочных цепей и внедрением ее в банковскую финансовую систему косвенно повышается популярность криптовалют, что в свою очередь создает некую альтернативу существующей финансовой инфраструктуре.

ICO как способ финансирования высокотехнологичных стартапов

Процесс поиска средств для реализации проектов, особенно высокорисковых, всегда является сложной задачей, требующей от команды активных действий по поиску каналов привлечения средств, составлению грамотного бизнес-плана, а также убеждению инвесторов в потенциальной финансовой успешности их бизнес-идеи. В связи с развитием IT-технологий в последние годы все большее распространение получают нетрадиционные средства фандрайзинга, такие как краудфандинг и ICO, которые при грамотном использовании ускоряют процесс поиска инвестиций и делают его открытым для максимально широкого круга заинтересованных лиц. На основании изложенного представляется целесообразным изучение особенностей стремительно обретающего популярность ICO.

По данным интернет-портала CoinDesk, на 25 сентября 2017 г. компании всего мира с 2014 г. привлекли с помощью ICO около 2,377 млрд долл., причем более 87% (свыше 2 млрд долл.) – с начала 2017 г.¹⁰ Первым успешным ICO стал выпуск в 2013 г. токенов (новой криптовалюты Mastercoin) и привлечение им инвестиций на сумму свыше 5 млн долл. Самый большой объем инвестиций посредством выпуска токенов был привлечен компанией

⁸ ЦБ РФ Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют). URL: http://www.cbr.ru/press/PR/?file=04092017_183512if2017-09-04T18_31_05.htm. – 05.09.2017.

⁹ Глобальные банки активно интересуются технологией биткоина. URL: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2015/09/16/608882-globalnie-banki-interesuyutsya-bitkoina> (дата обращения: 02.09.2017).

¹⁰ All-time cumulative ICO funding. URL: <https://www.coindesk.com/ico-tracker/>. (дата обращения: 07.10.2017).

Tezos (альтернативная блокчейн-платформа) в июле 2017 г. (230,5 млн долл.), по данным сайта tokendata.io. Примерами площадок, осуществляющих размещение таких инвестиционных предложений, являются веб-сайты icoalert.com, tokenmarket.net и tokendata.io и др.

Важно отметить, что особенно чувствительным вопрос привлечения средств становится для инноваторов, осуществляющих высокотехнологичные разработки под руководством венчурных инвесторов в рамках ограниченного бюджета. Механизм ICO является прогрессивным способом привлечения средств: он освобождает команду от излишней отчетности по отношению к источнику вложений и дает мощный старт для развития бизнеса на условиях заимствования. Кроме того, привлечение инвестиций, как правило, особенно ценно в конкретный момент времени и может позволить команде совершить прорыв по сравнению с конкурентами, находящимися в менее выгодном положении из-за осторожного отношения к нетрадиционным способам привлечения средств.

Проанализировав 35 проектов, размещенных на портале tokendata.io, получивших наибольшее финансирование (от 30 до 230,5 млн долл.) посредством ICO, можно сделать вывод о том, что наиболее успешны проекты, напрямую или косвенно связанные с процессами выпуска или обращения криптовалют, а также сделок в криптовалюте. Среди остальных проектов, получивших менее 30 млн долл., встречаются как стартапы, основанные на технологии распределенного реестра (DLT), так и другие высокотехнологичные проекты, а также часть проектов, относящихся к реальному сектору экономики.

Определить точное количество проектов, относящихся к той или иной категории, затруднительно из-за отсутствия необходимого критерия при представлении проекта на агрегирующих интернет-площадках. Однако можно сделать вывод о преобладании на бирже криптовалют токенов высокотехнологичных проектов. Вместе с тем не существует преград для выхода на ICO проектов из реального сектора экономики.

Ключевым отличием процедуры ICO от процедуры IPO является ее нерегулируемый со стороны государственных органов характер и отсутствие правовой базы, гарантирующей инвесторам законность осуществляемой сделки. Кроме того, приобретение токенов не дает инвестору прав на участие в управлении компанией, в отличие от приобретения акций. По своей природе токены ближе к облигациям, построенным на фьючерсных обязательствах. Многими

экспертами по финансовым рынкам такая модель оценивается как достаточно прогрессивная¹¹.

SWOT-анализ метода ICO

Нами был проведен SWOT-анализ ICO как метода привлечения финансирования с целью выявления сильных и слабых сторон, а также определения на их основе возможностей и угроз относительно его применения как со стороны инвестора, так и владельца бизнеса (табл. 2, 3).

Таблица 2. SWOT- анализ метода ICO со стороны инвестора

<p>Сильные стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Высокая ликвидность токенов, простота транзакций по сравнению с обычными акциями компаний, пока функционирует криптообмен. 2. Возможен стремительный рост курса приобретенных токенов вследствие успеха проекта либо самой криптовалюты. 3. Выпуск токенов не регулируется государством либо надзорным органом, что лишает их возможности влиять на курс новой криптовалюты в отличие от традиционных валют [Yadav, 2017] 	<p>Слабые стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие гарантий относительно того, что базовый код не позволит неконтролируемо увеличить выпуск токенов* 2. Сложность восприятия для большинства инвесторов. 3. Отсутствие договорных ограничений относительно каналов расходования привлечённых средств. 4. Угроза потери доступа к аккаунту, при помощи которого осуществлялись операции с токенами
<p>Возможности</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Возможность приобретения положительной репутации инвестора за счет участия в прогрессивных инвестиционных проектах. 2. Возможность одновременного получения дохода от роста стоимости криптовалюты в ходе ее обращения на бирже и в момент, когда инвестор осуществляет cash-out [Conley, 2017]. 3. Наличие технологических «входных барьеров» для команд, привлекающих инвестиции, способствующих первичному отсеву заведомо нежизнеспособных проектов 	<p>Угрозы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Отсутствие долговых обязательств эмитента, а также гарантий реальной стоимости, что может приводить к образованию спекулятивных пузырей и финансовых пирамид [Степанова и др., 2016]. 2. Запрет со стороны государств на использование криптовалют в связи с анонимностью и возможным криминальным характером сделок. 3. Невозможность личного общения инвестора с командой и проведения оценки ее потенциала. 4. Статистика свидетельствует о том, что доля неудачных проектов, выходящих на ICO, составляет около 40%**

Примечание: *ICO Compelling advantages, real risk. URL: <https://www.coindesk.com/token-sales-compelling-advantages-real-ris> (дата обращения: 12.09.2017).
 **Токены на ICO дорожают в десятки раз, а Центробанк РФ предупреждает об опасности. URL: <https://m.geektimes.ru/post/292669/>. (дата обращения: 06.09.2017).

¹¹ Киргизия первой из стран ЕАЭС выпустит криптовалюту. URL: <https://iz.ru/605623/vladimir-zykov/kyrgyzstan-pervym-iz-stran-eaes-vypustit-kriptovaliutu> (дата обращения: 05.09.2017); Миллиардер из Японии: ICO расширяет возможности венчурного финансирования. URL: <https://forklog.com/milliarder-iz-yaponii-ico-rasshiryayut-vozmozhnosti-venchurnogo-finansirovaniya> (дата обращения: 23.09.2017).

Примером реализации отрицательных сценариев может служить значительное падение курса Bitcoin и других ведущих криптовалют в начале января 2018 г. на фоне заявления властей Южной Кореи о намерении полностью запретить оборот виртуальных денег в стране¹².

Таблица 3. SWOT-анализ метода ICO со стороны бизнеса, осуществляющего поиск инвестиций

<p>Сильные стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Возможность быстрого привлечения значительного объема финансовых средств. 2. Отсутствие обязательств со стороны эмитента по поддержанию оборота криптовалюты. 3. Отсутствие необходимости подготовки отчетности и проведения аудита 	<p>Слабые стороны</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Необходимость соблюдения налогового законодательства страны, в которой зарегистрирована компания-эмитент. При условии выполнения всех нюансов, выпуск токенов может оказаться сложнее выпуска акций*. 2. Техническая сложность генерации криптовалюты по сравнению с краудфандингом. 3. Существенная ограниченность круга людей, готовых участвовать в ICO
<p>Возможности</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Возросший интерес к криптовалютам как способу инвестирования свободных денежных средств, особенно в период финансового кризиса. 2. Привлечение к ICO крупных венчурных фондов дает дополнительные бонусы в глазах инвесторов. Например, Filecoin при стартовом выпуске своих токенов привлекал несколько крупных венчурных фондов: Union Square Ventures и Sequoia Capital*** 	<p>Угрозы</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Эмитенты не всегда знают тонкости законодательства, связанного с финансовыми операциями страны, в которой осуществляется сделка, и могут быть привлечены к ответственности финансовым либо налоговым регулятором, которые проявляют повышенный интерес к ICO [Venegas et al, 2017]. Например, в США в июле 2017 г. Комиссия по ценным бумагам приравняла выпуск токенов к первому публичному размещению традиционных акций**. 2. Использование в процессе генерации криптовалют специализированных ресурсов – вычислительного оборудования и электричества, поддерживающего его непрерывную работу, побуждает пользователей создавать больше ресурсов для майнинга, что снижает вероятность атак на систему, но при этом способствует появлению других систем, использующих меньше ресурсов [Кочергин, 2017; Шестопалова, 2016].

Примечание: * ICO Compelling advantages, real risk. URL: <https://www.coindesk.com/token-sales-compelling-advantages-real-ris> (дата обращения: 12.09.2017). **В США приравнивали блокчейн – ICO к выпуску обычных акций. URL: <http://www.rbc.ru/finances/26/07/2017/5978309f9a7947ab4451167d> (дата обращения: 05.09.2017). ***Filecoin presale raises \$52 million ahead of ICO Launch. URL: <https://www.coindesk.com/filecoin-presale-raises-52-million-ahead-ico-launch> (дата обращения: 05.09.2017).

Выделенные глобальные тренды представляется полезным проиллюстрировать рядом примеров из последних событий в сфере мировой политики и экономики, имеющих, зачастую, диаметрально противоположную направленность.

¹² Биткоин подешевел до 13 тыс. долл. URL: <https://ria.ru/economy/20180111/1512406326.html> (дата обращения: 12.01.2018).

Так, ярким примером использования возможностей криптовалют для повышения интереса к своему бизнесу и привлечения не только денежных средств, но и увеличения биржевой ценности собственных акций, может служить заявление о планах по выпуску собственной криптовалюты компанией Kodak. После вброса данных сведений в новостные ленты ведущих СМИ акции компании выросли в стоимости на 120%¹³. Схожим путем идет компания Telegram, владеющая одним из крупнейших мобильных мессенджеров. По сообщениям ряда информационных агентств, эта компания планирует не только выпуск собственной криптовалюты, но и создание собственной блокчейн-платформы третьего поколения. По оценкам экспертов, Telegram планирует привлечь не менее 500 млн долл. только на стадии предпродаж, а в целом, выпуск криптовалюты может принести компании до 5 млрд долл.¹⁴

Также определенным негативным оттенком обладают появившиеся новости о планах Министерства финансов РФ по внесению изменений в налоговое законодательство, приравнивающих майнинг криптовалют к предпринимательской деятельности. Предполагается, что все осуществляющие его граждане должны зарегистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей и платить налоги с доходов, полученных от оборота криптовалют. В данном случае можно говорить о том, что Россия идет по пути США, где с 1 января 2018 г. все транзакции с криптовалютами облагаются фискальным сбором¹⁵.

Прогноз развития рынка криптовалют

Проанализировав различные взгляды экспертов на данную проблему, мы сформулировали три возможных сценария, обобщающих прогнозы дальнейшего развития технологии создания и использования криптовалют, а также основанного на их эмиссии метода ICO.

Оптимистичный: получит развитие ключевая технология, произойдет совершенствование законодательных механизмов регулирования, возникнут необходимые институты, криптовалюты станут легитимным общепризнанным платежным средством, не контролируемым отдельными правительствами. ICO станет широко используемым способом фандрайзинга и будет в дальнейшем развиваться параллельно с совершенствованием технологий.

¹³ Цифровая лихорадка: зачем компании выпускают собственные криптовалюты. URL: <https://ria.ru/economy/20180110/1512389234.html> (дата обращения: 12.01.2018).

¹⁴ Telegram создаст блокчейн-платформу и криптовалюту. URL: <https://ria.ru/economy/20180109/1512265698.html> (дата обращения: 10.01.2018).

¹⁵ Операция – регистрация: добытчиков криптовалют облажат налогами. URL: <https://ria.ru/economy/20180109/1511986369.html> (дата обращения: 12.01.2018).

Реалистический: по аналогии с «кризисом доткомов» произойдет резкий спад интереса к криптовалютам, который вызовет обвал спроса на проведение ICO, и этот механизм финансирования проектов станет не востребованным.

Пессимистичный: руководствуясь желанием контролировать финансовые потоки и эмиссию валют в целях обеспечения экономической безопасности, правительства большинства государств запретят использование криптовалют, что повлечет отказ от дальнейшего использования метода ICO для привлечения инвестиций, а сами криптовалюты останутся средством осуществления незаконных криминальных трансакций.

Таким образом, пока из-за высокой неопределенности и большого количества трудно поддающихся прогнозированию факторов, влияющих на перспективы развития ICO, достаточно затруднительно делать однозначные выводы.

При этом представляется достаточно обоснованной гипотеза, согласно которой такая неопределенность не сможет длиться достаточно долго, и в ближайшие несколько лет криптовалюты либо приобретут законный статус, либо выйдут из обращения по той или иной причине.

Заключение

Изменения в мировой экономической системе, вызванные проникновением во все ее элементы высоких технологий, с одной стороны, ставят нас перед лицом новых перспектив, а с другой – формируют новые угрозы и ведут к росту неопределенностей как финансового, так и правового характера. Дискуссия относительно перспектив использования криптовалют как платежного средства, а ICO – как способа привлечения инвестиций, по-видимому, будет завершена лишь после окончательного решения вопроса о законодательном регулировании и правовом статусе криптовалют в ведущих государствах мира. На текущий момент представляется, что энтропия данной «финансовой экосистемы» слишком велика для формулирования четких прогнозов. Как и любое состояние неопределенности, оно дает возможность отдельным игрокам «поймать рыбку в мутной воде» (например, тем, кто приобрел биткойны в феврале 2009 г. по цене 1 долл. за единицу, а теперь имеет возможность продавать их по цене свыше

13 000 долл.), однако о возможности построения долгосрочной обоснованной стратегии на данном этапе речь идти не может.

Безусловно, в рамках данной статьи рассмотрены лишь основные тенденции существования и развития рынка криптовалют, намечены «широкими мазками» ключевые тренды, возможности и угрозы. Представляют значительный исследовательский интерес такие вопросы, как проведение систематизации и классификации эмитентов криптовалют и инвесторов, использующих ICO, в зависимости от их мотивации и интересов, поиск возможностей и описание особенностей применения ICO в различных отраслях экономики, а также сопоставление институциональных ограничений на осуществление транзакций с криптовалютами в масштабах мировой экономики, которые требуют отдельного исследования.

Литература

Кочергин Д. А. Место и роль виртуальных валют в современной платежной системе // Вестник СПбГУ. Серия 5: Экономика. 2017. № 1. С. 119–140.

Николайчук О. А. Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов // JER. 2017. № 1. С. 142–154.

Пряников М. М., Чузунов А. В. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // International Journal of Open Information Technologies. 2017. № 6. С. 49–55.

Роббек А. Е. Bitcoin как явление в мировой экономике // Вестник СВФУ. 2014. № 6. С. 114–118.

Степанова Д. И., Николаева Т. Е., Иволгина Н. В. Особенности организации и направления развития криптовалютных платежных систем // Финансы и кредит. 2016. № 10. С. 33–45.

Шестопалова А. В. Биткоин как новый этап либерализации финансовой сферы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2016. № 2. С. 22–31.

Adhami S., Giudici G., Martinazzi S. Why do business go crypto? An empirical analysis of initial coin offerings. 20.10.2017. [Эл. ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3046209 (дата обращения: 05.11.2017).

Conley J. P. Blockchain and the Economics of Crypto-tokens and Initial Coin Offerings. 06.06.2017. URL: <http://www.accessecon.com/Pubs/VUECON/VUECON-17-00008.pdf> (дата обращения: 10.11.2017).

Venegas P. Initial coin offering (ICO) risk, value and cost in blockchain trustless crypto markets. 04.08.2017 [Эл. ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3012238 (дата обращения: 20.11.2017).

Yadav M. Exploring signals for investing in an initial coin offering (ICO). 01.09.2017. [Эл. ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3037106 (дата обращения: 15.11.2017).

Статья поступила 17.10.2017.

Summary

Obukhova E.A., Novosibirsk State University, Novosibirsk

ICO, as a Modern Method of High-Tech Projects Financing

Attraction of investments is one of the most significant stages for management at any phase of the life cycle of a business project. Recently, in addition to traditional fundraising channels, such relatively new ways of attracting financing, such as crowdfunding and initial placement of tokens (ICO – initial coin offering), have become widespread. Most often along this path are the teams involved in the implementation of high-tech projects. The growing interest of investors is fueled by the rapid growth of the rate of crypto-currencies, as well as by the policies of a number of leading countries, supporting circulation of crypto-currencies and transactions with them.

This article reviews the world experience of ICO, SWOT-analysis of this mechanism of attracting investments, as well as examples from real economic practice of recent years, illustrating the possibilities and limitations of using this method. Taking into account the analysis, several scenarios for the development of technologies for the creation and use of crypto-currencies have been formulated, and the prospects for the implementation of the ICO, based on their release, have been evaluated.

Crypto-currency, ICO, blockchain, bitcoin, token, fundraising, investments, SWOT-analysis

References

- Kochergin D.A. (2017). Mesto i rol' virtual'nyh valjut v sovremennoj platezhnoj sisteme. *Vestnik SPbGU. Serija 5: Jekonomika [St Petersburg University Journal of Economic Studies]*. No.1. Pp. 119–140 (In Russ.).
- Nikolajchuk O.A. (2017) Jelektronnaja valjuta v svete sovremennyh pravovyh i jekonomicheskikh vyzovov. *Voprosy regulirovanija jekonomiki [Journal of Economic Regulation]*. No.1. Pp. 142–154 (In Russ.).
- Prjanikov M.M., Chugunov A.V. (2017). Blokchejn kak kommunikacionnaja osnova formirovanija cifrovoj jekonomiki: preimushhestva i problemy. *International Journal of Open Information Technologies*. No.6. Pp. 49–55 (In Russ.).
- Robbek A. E. (2014). Bitcoin kak javlenie v mirovoj jekonomike. *Vestnik SVFU [Vestnik of NEFU]*. No.6. Pp. 114–118 (In Russ.).
- Stepanova D.I., Nikolaeva T.E., Ivulgina N.V. (2016). Osobennosti organizacii i napravlenija razvitiya kriptovaljutnyh platezhnyh system. *Finansy i kredit [Finance and credit]*. No.10. Pp. 33–45 (In Russ.).
- Shestopalova A.V. (2016). Bitkoin kak novyj jetap liberalizacii finansovoj sfery. *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo [Outlines of global transformations: politics, economics, law]*. No.2. Pp. 22–31 (In Russ.).
- Adhami S., Giudici G., Martinazzi S. (2017). Why do business go crypto? An empirical analysis of initial coin offerings. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3046209 (accessed 05.11.2017).
- Conley J.P. (2017). Blockchain and the Economics of Crypto-tokens and Initial Coin Offerings. Available at: <http://www.accessecon.com/Pubs/VUECON/VUECON-17-00008.pdf> (accessed 10.11.2017).
- Venegas P. (2017) Initial coin offering (ICO) risk, value and cost in blockchain trustless crypto markets. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3012238 (accessed 20.11.2017).
- Yadav M. (2017). Exploring signals for investing in an initial coin offering (ICO). Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3037106 (accessed 15.11.2017).

В следующих номерах Вы прочтете:

Тема номера: Этнокультурное разнообразие Сибири

• Анализ национальной и религиозной неоднородности в регионах Сибири

• Этнокультурное многообразие как фактор социально-экономической динамики межэтнических сообществ

• Детерминанты воспроизводства этнического многообразия

• Этнокультурное многообразие в Республике Тыва

• Этноэкономика в действии: сравнительный опыт Тывы и Алтая

А также:

- Неоиндустриальное импортозамещение: утопия или безальтернативный путь для России

- Учет влияния инвестиционного климата в регионах на развитие облигационного рынка

- Пространственные аспекты стратегического развития муниципального района

- Гармонизация действующих стратегических документов в области бюджетной и государственной инвестиционной политики

- Что определяет различия в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в регионах России?

- Экономические последствия изменения возрастной структуры населения России

- О решении экологических проблем Байкальской природной территории

- Электроэнергетика вновь перед выбором

- Оценка эффективности политики и направления инвестиционного развития в муниципалитетах Севера и Арктики

- Структурные изменения в экономике Пермского края

- Казахстан: этапы экономического прогресса за 100 лет

- Нюансы образовательного процесса в реформе высшего образования

- Коллаборация как источник трансформации бизнес-моделей

- Размышления об истории Белого движения в Сибири

0131-7652. «ЭКО» (Экономика и организация промышленного производства).
2018. № 3. 1–192

Художник В.П. Мочалов

Технический редактор Н.Н. Сидорова

Адрес редакции: 630090 Новосибирск,
пр. Академика Лаврентьева, 17.

Тел./факс: (8-383) 330-69-25, тел. 330-69-35;

E-mail: eco@ieie.nsc.ru, ecotrends.ru

© Редакция журнала «ЭКО», 2018. Выход в свет 31.03.18

Формат 84x108 1/32. Офсетная печать. Усл. печ. л. 10,08

Уч.-изд. л. 10,8. Тираж 400. Заказ 36.

ФГУП «Издательство СО РАН»

630090, г. Новосибирск, Морской проспект, 2